

КОРАНИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

QURANIC STUDIES

МИНСК 2019
MINSK 2019

**РЕСПУБЛИКАНСКОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ «МУСУЛЬМАНСКОЕ
РЕЛИГИОЗНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ В
РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ»**

Научно-исследовательский отдел Мусульманского религиозного объединения в Республике Беларусь

Настоящий сборник статей содержит исследования в сфере становления и кодификации Корана в список, а также его раннюю историю. Материал исследования – рукописи и ранняя арабская эпиграфика с цитатами Корана. Даны: обзор ранних манускриптов Корана, имеющих параллели с историческими сведениями о тираже халифа Османа, исследования рукописи Корана «M1» середины первого века хиджры, хранящейся в запасниках музея Топкапы в Стамбуле, исследования мозаичных цитат Корана в мечети «Купол Скалы» в Иерусалиме, а также исследования текстологии Корана посредством стилометрии.

Автор исследований - Овезов Максат Меретгулыевич ©
Минск, 2018 г.

Author of the research - Ovezov Maksat Meretgulyevich ©
Minsk, 2018.

Предисловие

Данный сборник статей является результатом моих скромных исследований в сфере кодификации Корана, которые зрели на протяжении последних пяти с лишним лет. Актуальность этой темы в сегодняшний день растет, так как исследования рукописей Корана последних тридцати лет существенно расширили наши представления о ранней кодификации Корана. Было сделано большое количество по-настоящему поворотных открытий, результат которых ознаменовал начало конца «колониального подхода»¹ в коранистике. Бесспорно, мои исследования не являются непогрешимыми и я не претендую на академичность, к которой, однако хотел бы стремиться. Изложение перед читателем данного исследовательского материала является попыткой поделиться накопленными знаниями и довести новые веяния в этой науке.

Хочу выразить благодарность моей семье и моим родителям, а также людям, принявшим прямое участие в подготовке данного издания, а именно: Муфтию Мусульманского религиозного объединения в Республике Беларусь Абу-Бекиру Шабановичу за его прямую и всестороннюю поддержку, редакторов, которые внесли существенный вклад в корректировку текста - Хасеневич Аминю, Дмитрия Радкевича, Елену Иващенко, которая сделала все возможное, чтобы донести этот материал до иностранного читателя, а также Фаттахутдинова Рината, который оказал поддержку в расширении возможностей для исследования.

Прошу Аллаха Всевышнего принять их труд, а также принять мои старания по очищению Его Писания.

Овезов Максат Меретгулыевич,
10 раби ас-сани 1440
г.х./18.12.18.

¹ Marijn Van Putten – блестящий преподаватель и исследователь ранних рукописей Корана из университета г. Лейден в одном из своих заявлений успешно использовал данное выражение как следствие преднамеренного искажения исторических фактов, которое было порождено плеядой ранних арабистов.

Анализ коранических рукописей, приписываемых тиражу халифа Османа

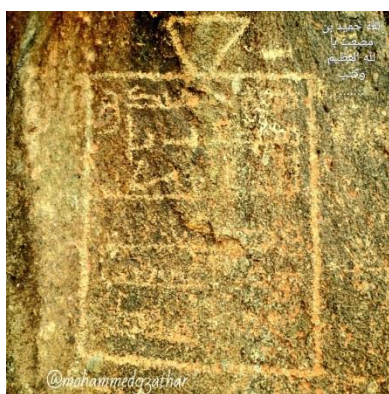
Само историческое понятие «тираж Османа» имеет для полуторамиллиардного мусульманского мира первостепенную важность. И важность эта не ограничивается только лишь рамками мусульманского мира, так как сама мусульманская цивилизация, опиравшаяся, прежде всего, на Коран, внесла значимый вклад в общечеловеческое наследие. В работах многих историков и религиозных деятелей, так или иначе, затрагивалась тема Корана Османа. Пожалуй, с момента становления государства Аббасидов, а то и раньше, предпринимались попытки идентифицировать рукописи и атрибутировать их к легендарному тиражу сподвижников. Объективный анализ проблемы позволил бы нащупать мусульманскому миру вполне осязаемое связующее звено в лице легендарного кодекса, обретение которого, стало бы причиной и возможностью для единения и консолидации такого раздробленного и бурлящего исламского мира сегодняшних дней. Мусульманские предания – хадисы и асары - зафиксировали с высокой степенью достоверности подробную историю компиляции Корана в единый кодекс. Само наличие кодекса, как такового, при жизни пророка Мухаммада, мир ему, утверждено большим количеством хадисов, в которых фигурирует аспект письменной фиксации откровений на твердом носителе.

Материалы, описываемые в хадисах, представлены широко. Это пальмовые листья, ткань, доски, пергамент, остраконы, кости, щебень и многое другое. Вещественным подтверждением тому могут служить различные археологические находки, представляющие из себя те или иные виды материалов, перечисленные выше, на которых содержатся коранические аяты. С палеографической точки зрения можно сделать вывод об их раннем происхождении. В некоторых отчетливо виден еще не исчезнувший, рудиментарный метод написания конечного «*даль*», «*вав*», медиального «*каф*» и других букв, таких же, какие и в набатейском алфавите, который является предтечей арабского алфавита. Этот факт может говорить о том, что эти аяты могли быть написаны действительно до становления халифата Праведных Халифов, и принадлежать к весьма раннему периоду Исламского государства. Известен достаточный объем письменного материала периода халифата Абу-Бакра и Омара, где уже четко сформировался классический для исламской эры первый шрифт «*джазм*», в котором уже отсутствуют набатейские элементы.

Как правило, ввиду их малого размера, содержание коранических аятов в них весьма кратко и разрозненно, не более 3-4 аятов. К сожалению, большая их часть до сих пор остается сокрытой в региональных музеях Саудовской Аравии и частично Иордании без возможности широкой их демонстрации.

Нельзя оставить без внимания печальное событие времен первых походов движения ибн Абдульваххаба на Хиджаз, когда при взятии Мекки войсками Мухаммада ибн Абдуль Ваххаба была сожжена Мекканская библиотека рукописей. В ней, как сообщалось, хранились частные письма сподвижников, большое количество древних рукописей и даже фрагменты разбитых идолов периода Джахилии. Сохранность этой библиотеки дала бы сегодня гораздо больше материала, нежели знаменитая находка хранилища рукописей в Джамии аль-Кабир в Санае.

Что касается записи на деревянных досках, то на данный счет есть ряд хадисов, в которых упоминается записывание Корана на досках при жизни пророка, мир ему. Передается от Зейда ибн Сабита: **«Однажды, когда мы сидели возле посланника Аллаха, мир ему и благословение Аллаха, записывая Коран на досках...»**². Применительно к данному случаю есть весьма интересная находка, демонстрирующая наличие в раннюю эпоху деревянных пластин, какие сегодня широко распространены в странах Магриба – центра Маликитского мазхаба, основа которого – «амаль ахли Медина» - «деяния людей Медины», традиция изготовления которых могла появиться в Магрибе из Медины пророка, мир ему. В Саудовской Аравии были обнаружены в различных частях страны наскальные надписи первого и

второго века хиджры, которые были орнаментально окаймлены в прямоугольник, имеющий рукоять вверху – форма идентичная деревянным скрижалям Корана сегодняшнего Магриба. В данном случае можно предположить, что наскальное изображение деревянной скрижали и есть образец тех деревянных досок, на которые наносились сподвижниками аяты Корана. В этом случае хадисы, повествующие о записи Корана на досках, обретают воплощение в

² Хаким, Мустандрак 2828

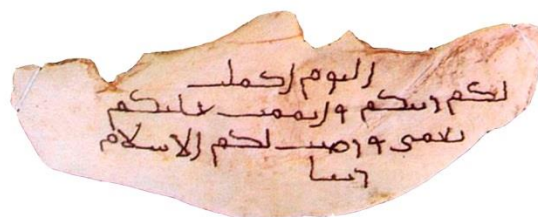
конкретном историческом памятнике.

В этом ряду, как пример ранних письменных памятников, могут быть также представлены пергаментные листы, принципиально отличающиеся в

изготовлении от типа листов, повсеместно использовавшихся в сохранившихся коранических кодексах, которые хранятся в запасниках музея Топкапы в Стамбуле, содержащие отдельные суры из Корана, относимые в музее ко времени сподвижников. Они представляют из себя примерно тот же тип оформления и написания, что и

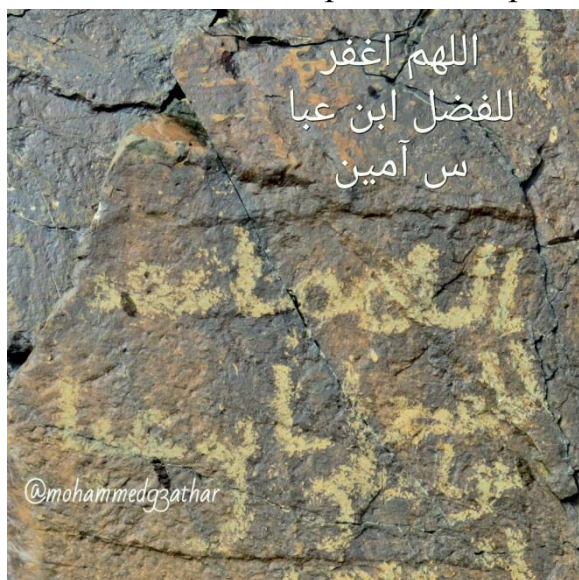
известные письма пророка Мухаммада, мир ему, которые в исследовательском мире встречены были неоднозначно. О них в свое время писал признанный авторитет в коранистике Салахуддин Мунаджид в своем «Дирасат». Он заявляет, что, несмотря на разногласие среди исследователей касательно достоверности этих писем, палеографически они датируются началом первого века хиджры. Упрекая востоковедов в слабом знании исторических источников и хронологического развития арабской письменности, он писал: **«И нет сомнения, что некоторые письма, которые дошли до наших дней являются подлинными»**. Тем самым, этот единый палеографический тип шрифтов листов музея Топкапы он датирует началом первого века хиджры. Этот тип также наглядно представляет ряд аналогий архаичных буквенных форм с алфавитом набатеев, хоть и в меньшей степени, нежели остраконы и кости. Эти листы примечательны своим текстовым обилием для столь раннего письменного памятника. Происходить они могут из двух источников. Либо это часть коллекции реликвий из мечети пророка в Медине, которые были собраны мамлюкским султаном Каит беем во время большой реконструкции мечети (к слову, во время которой и был возведен знаменитый купол над комнатой пророка, мир ему), а затем были изъяты османским султаном Явуз Султан Селимом при взятии Каира.

Либо могли происходить из мечети Омейядов в Дамаске, в так называемой Şam Evrakı Koleksiyonu, то есть «Коллекции Левантйских Листов» - собрания из примерно двухсот пятидесяти тысяч листов древних рукописей Корана первых веков, хранящиеся в запасниках музея Топкапы.

Из литературных источников становится известно, что записывание Корана на листы пергамента было распространено уже в ранний мекканский период. Свидетельство тому запечатлено в знаменитом рассказе о принятии Ислама Омаром ибн аль Хаттабом: «... дайте мне тот свиток, который у вас находится, чтобы я прочитал его. На это его сестра сказала: Поистине, ты нечист, а касаться его могут только чистые, иди же и омойся! И Омар совершил полное омовение, а потом взял в руки свиток и прочёл».

Отдельным, к сожалению, пока не вызывающим внимания ученых, богатым источником ранних текстов, могущих дать как текстологические находки, так и палеографические, являются наскальные надписи. Буквально недавно в мае 2017 года в Саудовской Аравии, неподалеку от Медины, была найдена группа наскальных надписей автографического характера. Надписи были оставлены двумя братьями знаменитого сподвижника, толкователя Корана Абдуллаха ибн Аббаса – Фадлом и Тамамом ибн Аббасом, являвшимися двоюродными братьями пророка Мухаммада, мир ему. Обе

надписи можно датировать периодом до двенадцатого года хиджры, так как, по одному из мнений, Фадл ибн Аббас погиб в Палестине в дни халифата Абу-Бакра, как это передает известный знаток хадисов Яхья ибн Маин. Обе надписи могут дать достаточный палеографический материал для дальнейшего его использования в датировке. Помимо этих имеется большое количество наскальных надписей первой половины первого

века хиджры, содержащих в себе дату нанесения надписи, что бесценно для составления палеографических образцов шрифтов с твердой хронологической привязкой.

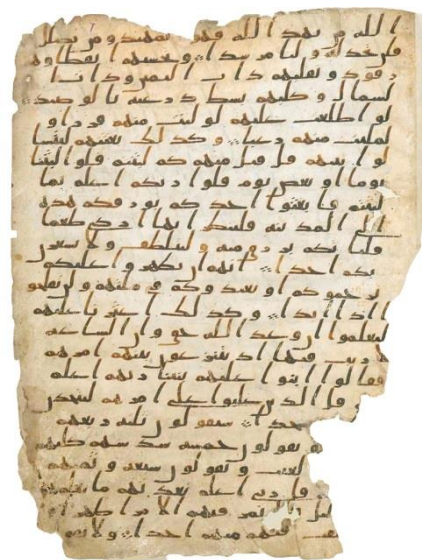
К слову, что особо примечательно, науке известны автографы знаменитых лиц Ислама первого века – сподвижников и табиинов. На данный момент известно два автографа халифа Омара ибн ал Хаттаба. Об одном из них, что в Наджране, пишет руководитель франко-саудовских эпиграфических исследований Ф. Имберт: **«Вообще, подписи этого типа, когда они сопровождаются не хвалебными речами, титулами или молитвами, как правило, считаются автографом, оставленным их автором»**³. Все это в совокупности представляет из себя богатейший пласт письменного материала, наводящего сразу на несколько выводов. Первое – наличие и распространенность письменности в мусульманском обществе пророка Мухаммада, мир ему, что также подтверждается хадисами. К примеру, военнопленный немусульманин мог освободиться из плена, если он научит нескольких мусульман читать и писать. Второе, и самое главное, наличие коранической письменной фиксации, широко представленной как на наскальных надписях, так и на костях, остраконах и пергаменте. Это свидетельствует о том, что записывание Корана на носитель было распространено в начале первого века хиджры. И третье – палеографические особенности ранних надписей, позволяющие пересмотреть принцип использования шрифтов и деление их по принципу «уставные» и «скоростные». Принцип, который наглядно демонстрирует такую градацию, можно представить древне-египетским письмом греко-римского периода. Монументальная иероглифика была шрифтом преимущественно официальным, скорописная иератика – деловым, и совсем упрощенная демотика использовалась в бытовых нуждах. Именно это наблюдение позволяет пересмотреть датировку ряда рукописей с переносом ее на более ранний срок.

Вышеперечисленные аспекты в своей совокупности дают вполне ясную общую картину состояния письменности и, самое главное, письменной коранической фиксации в начале первого века хиджры. В свете всего этого, хадисы, в которых ясно упоминается о том, что Коран целиком был собран еще при жизни пророка Мухаммада, мир ему, выглядят вполне естественно. К примеру, Ибн Хаджар ал Аскаляни в Фатх-уль-Бари передает от Анаса ибн Малика – близкого сподвижника пророка, мир ему, - **«Катада (ибн Диам)**

³ F. Imbert, "Graffiti Arabes De Cnide Et De Kos: Premières Traces Épigraphiques De La Conquête Musulmane En Mer Égée", *Travaux Et Mémoires*, 2013, Volume 17, pp. 757

спросил Анаса ибн Малика: «Кто собрал Коран при жизни посланника Аллаха? Он ответил: «Четверо, и все они были из числа Ансаров. Это был Убайя ибн Кааб, Муаз ибн Джабал, Зейд ибн Сабит и Абу Зейд». Каждый из этих сподвижников имел высокий статус и репутацию. Сам пророк Мухаммад, мир ему, говорил, что если вы желаете учить Коран, то учите его у Убайя ибн Кааба. А Зейд ибн Сабит был личным секретарем пророка, мир ему, человеком, которому пророк Мухаммад доверил записывать коранические откровения. Таким образом, мы видим, что текст Корана был полностью собран в письменном виде еще при жизни пророка Мухаммада, мир ему, у одних из самых выдающихся и достойных доверия сподвижников. И этот вывод не выглядит сколько-нибудь натянуто, ввиду большого письменного материала, датируемого периодом жизни пророка Мухаммада или периодом халифата Абу-Бакра и Омара. В других хадисах также фигурирует описание именно кодекса Корана – «**Чтобы никто не прикасался к Корану, кроме совершившего омовение**»⁴, или например: «**Не совершайте поездку с Кораном в руках, ибо я опасюсь, что им завладеют враги**»⁵.

Дополнительным доказательством ранней фиксации коранического текста могут быть рукописи и Sanaa DAM 1-27.1, а также и некоторые другие. Что касается рукописи MS. Mingana 1572a, то связанное с ней открытие вызвало всемирный резонанс. Даже сугубо региональные новостные агентства не прошли мимо новости об этой рукописи. Итальянский востоковед Альба Федели, работая в рукописных архивах университета Бирмингем, обратила внимание на несколько листов этого манускрипта. В ходе работ с этим манускриптом была проведена его радиоуглеродная датировка в Оксфордском университете, результаты которой показали, что эта рукопись была написана на 96% в период между 54 годом до хиджры и 23 годом после хиджры. То есть, в среднем, написание этой рукописи приходится на период жизни самого пророка Мухаммада, мир ему, как об этом сказал руководитель радиоуглеродного анализа Дэвид

⁴ Муватта

⁵ Сахих Муслим

Томас – «Человек, написавший этот текст, мог знать Пророка. Возможно, он его видел и слышал его проповеди. Он мог даже лично знать Мухаммада. Даже сама мысль об этом завораживает».

Эта рукопись разделена на две коллекции. Два листа хранятся в университете Бирмингем, а остальные четырнадцать хранятся в Национальной библиотеке Франции под номером Arabe 328с. Фрагментарно содержит суры «Юнус», «Худ», «Кахф», «Марьям», «Та-ха», «аль-Анбия». Текстуально представляет из себя тот же текст, что и редакция Османа. Этот ранний письменный памятник, дающий 32 страницы коранического текста времени пророка Мухаммада или первых халифов, наглядно демонстрирует наличие коранических кодексов в период жизни пророка Мухаммада и раннего халифата сподвижников.

Вторая рукопись, при всей своей интригующей истории, дает весьма

неожиданный вывод. Эта рукопись была открыта совсем случайно после крупного ливня, размывшего крышу Джами аль Кабир в Санае, которая была заложена еще при жизни пророка Мухаммада, мир ему, по его повелению сподвижником Вабр ибн аль-Юханнас аль-Хузаи. В 1965 году после упомянутого ливня были начаты работы по реставрации мечети и восстановлению размывших частей здания. В ходе работ над реставрацией крыши восточной библиотеки между слоев тростника и пальмовых листьев было найдено более чем пятнадцать тысяч листов коранических рукописей первых

четырех веков. Среди них и вызвала наибольший интерес рукопись под номером Sanaa DAM 1-27.1. Ее особенность в том, что эта рукопись является палимпсестом, то есть листы пергамента использовались дважды, посредством смывания первого текста для очистки листов и подготовки к нанесению нового текста. Именно нижний, ранний слой привлек внимание востоковедов. Выводы, полученные при работе над этой рукописью, стали большим поводом для различных спекуляций со стороны журналистов, которые необдуманно стали распространять информацию, что этот нижний слой текста имеет отличия от классического текста Корана, играя подачей

материала, подводя читателя к мысли об умышленных искажениях Писания.

С момента начала научных исследований этой рукописи профессором Гердом Пуином в 1980 году прошло уже достаточно большое количество времени, которое необходимо было для того, чтобы научные исследования могли бы дать сколь-нибудь серьезные плоды. Такой стала научная работа Бехнама Садехи и Мохсена Годарзи из университетов Гарвард и Стенфорд. В подробном исследовании ими был установлен факт, что отличия нижнего слоя этого палимпсеста являются ничем иным, как чтением сподвижников Убайй ибн Кааба, Абдуллах ибн Масуда и других, предание о которых было записано и сохранено в таких книгах как «Китаб ал Масахиф» ибн Аби Дауда, «Иткан фи улюм аль Куран» Суйути и других. С учетом того, что радиоуглеродная датировка этой рукописи дала вариацию написания этого текста на 95% между 44 годом до хиджры и 47 годом после хиджры, то возможно предположить, что текст, записанный на этих листах, мог быть написан в период жизни этих сподвижников, и был поочередно записан и от одного и от другого. Если это предположение верно, то мы имеем дело с еще одним кодексом, записанным в период жизни пророка Мухаммада, мир ему, или в период халифата Абу-Бакра и Омара. Также эту идею поддерживает и Бехнам Садехи, исследовавший радиоуглеродный анализ этой рукописи, и открыто предложивший датировать нижний слой периодом сподвижников пророка Мухаммада, мир ему. Таким образом, сами авторы исследования ясно подтверждают силу мусульманского хадиса и асара, которые до недавних пор были представлены лишь в качестве литературного предания. С появлением археологических находок как этот кодекс, это предание обретает силу научного археологического артефакта, о чем и говорят сами исследователи:

«C1 (Sanaa DAM 1-27.1, они предложили нумерацию C-1, то есть «Сотрапион – 1» - «Сподвижник – 1», подразумевая, что это текст записанный сподвижниками) подтверждает надежность большей части того, что было сообщено о других кодексах сподвижников, не только потому, что он имеет некоторые варианты схожие с ними. Но также потому, что его варианты (чтения) имеют те же самые типы, что и те, которые сообщаются о тех кодексах (сподвижников). Есть дополнения, пропуски, транспозиции и подстановки целых слов и подсловных элементов. Большое количество этих вариантов включает в себя незначительные элементы языка, такие как суффиксы, префиксы. Многие варианты включают изменения лица, времени, наклонение или

использование разных слов с одинаковым корнем. Тот факт, что все эти особенности найдены как в кодексе Ибн Масуда, так и в С-1, устанавливает, что литературные источники сохранили информацию о реально существовавших кодексах. Остается открытым вопрос о том, возникли ли эти реальные кодексы во времена сподвижников, как упоминают ранние мусульмане. Положительный ответ на этот вопрос подкрепляется текстовой критикой, как описано выше, которая приписывает начало текстового типа С-1 в период до распространения стандартного текста (Османа), то есть до прим. 650 г. В целом, кодексы сподвижников действительно существовали во время сподвижников, как буквально это подтверждают письменные источники»⁶.

Факт того, что Коран был записан в период сподвижников, можно считать установленным. Однако, возникает вопрос, который порождает волну непонимания – почему в этом раннем кодексе имеются те самые отличия, которые были присущи чтению определенных сподвижников. Иными словами, почему существовали некоторые обособленные чтения сподвижников пророка Мухаммада, мир ему. Ответ на самом деле очевиден в самом Коране: **«Когда Мы отменяем или предаем забвению один аят, то приводим тот, который лучше его, или равный ему»** 2:106.

Коран – Писание, которое ниспосылалось частями. Части эти были абсолютно разными по размеру и содержанию, и ниспосылание не было систематизировано в какую-то последовательность или хронологию. К примеру, первые пять аятов, которые были ниспосланы пророку Мухаммаду, мир ему, на горе Нур, в Коране должны были стать первыми пятью аятами 96 суры, в то время, как хронологически они являются первыми. Следующие аяты, которые были ниспосланы ему, когда он добрался до дома – теперь они в суре номер 74, хотя в хронологическом порядке они идут под номером два. Ниспосылание частей Корана могло представлять как целый объемный рассказ, так и всего лишь пару аятов. Всего Коран ниспосылался на протяжении двадцати трех лет. Писание обрастало откровениями на протяжении всего периода пророчества пророка Мухаммада, мир ему. Появлялись новые аяты, а старые отменялись и выпадали из текста Писания. Двадцать три года Коран динамически рос и менялся. Таким образом, Коран, каким он был, к примеру, на пятом году пророчества значительно отличался от Корана, каким он был на двадцатом году пророчества, хотя и тот и этот – все тот же Коран, находящийся под контролем пророка Мухаммада, мир ему.

⁶ San'a I and the Origins of the Qur'an. B. Sadeghi, M. Goudarzi, pp. 20

Именно этот важный аспект и позволяет пролить свет на текстологическую проблематику ранних кодексов. Поэтому те чтения, которые сподвижники могли учить, пусть даже и напрямую от пророка, например в восемнадцатый год пророчества, в конечном счете в последнем двадцать третьем году пророчества, не претерпев всех тех отмен аятов и их замен, происходивших с Кораном за пройденные годы, уже не могли представлять из себя итоговый, заверченный текст Корана. Отсюда и берут свое начало те разночтения сподвижников, о которых передается в асарах, и которые представлены некоторыми рукописями, как Sanaa DAM 1-27.1.

Это объясняет известную неприступность Абдуллах ибн Масуда в вопросе о муавизатайн. Он выучил напрямую от пророка около восьмидесяти сур, будучи мухаджиром. Он многое учил еще в мекканский период, и с выпуском тиража Османа он не согласился с размещением муавизатайн в кодексе. Но с приходом к нему иджмы сахабов, он отказался от своего мнения, как об этом говорит знаток риваятов Корана - Мухаммад Бахыт ал Муты. История отражена также и имамом Бухари в его «Сахихе» - **«передает Асым (Куфи) от Зарра ибн Хубайша (передатчик чтения Ибн Масуда), сказавшего: «Спросил я у Убайй ибн Кааба, я сказал: О Абу Мунзир, брат твой Ибн Масуд читает так-то и так-то. А Убайй ответил: я спрашивал (об этом) посланника Аллаха, мир ему и благословение Аллаха, а он сказал мне – «прочитай мне», и я прочитал. И мы читаем так, как читал посланник Аллаха, мир ему и благословение Аллаха»⁷.** Здесь мы видим, что особенности чтения ибн Масуда не являются итоговым чтением пророка, мир ему.

Это и ставит ясность в вопросе с канонем Ибн Масуда и его особенностями и разъясняет вопрос о природе возникновения разночтений между сподвижниками. Таким образом, мы видим, что Коран в большом объеме фиксировался на твердых носителях еще при жизни пророка Мухаммада, мир ему, и в ранний халифат сподвижников.

В свете разъясненной проблематики обособленных чтений сподвижников становится ясно, что текстологически верный и заверченный текст Корана мог быть представлен только тем текстом, который был оставлен пророком на момент своей смерти. Из хадисов становится ясно, что в год смерти пророка, мир ему, предьявление/показ Корана ангелу Джибрилю происходил дважды. Тем самым итоговая божественная

⁷ Сахих аль Бухари 4693

редакция текста была дважды проверена, и со смертью пророка Мухаммада, мир ему, в том же году ниспосылание Священной Книги завершилось.

Как было указано ранее, несколько ансаров имели полностью собранный текст Корана при жизни пророка Мухаммада, мир ему. И в их числе был Зейд ибн Сабит – секретарь пророка, ответственный за письменную фиксацию ниспосылавшихся аятов Корана. Через одиннадцать месяцев после смерти пророка Мухаммада, мир ему, в Рамадан одиннадцатого года хиджры, в битве Йамама, Абу-Бакр и Омар возлагают на Зейда ибн Сабита собрать Коран, оставленный пророком, в цельный кодекс. В итоге был выработан принцип собирания текста воедино, в котором необходимыми условиями были: первое - наличие записанного Корана на носителе, который должен был быть предоставлен сподвижниками, имевшими что-либо записанным из Корана, второе - подкрепление оригинальности письменных фрагментов как минимум двумя свидетелями, с чистой репутацией для принятия их свидетельства. Что передает ибн Аби Дауд в «Китаб аль Масахиф»: **«Омар встал и сказал: «пусть придет каждый, кто слышал от посланника Аллаха что либо из Корана»! У людей были записи, сделанные на листах, досках, и оголенных пальмовых ветвях, но он не принимал их, пока они не подтверждались двумя свидетельствами».** И это помимо того, что сама комиссия из сподвижников, и Омар и Зейд знали Коран наизусть, а также целый Коран, имевшийся у Зейда, упомянутый ранее, с которым он также сверялся – **«После этого я принялся за работу и начал собирать Коран из («вещей бывших у меня и у других» – Ибн Хаджар, Фатх уль Бари) записанного на кусках ткани, листьях финикового дерева и на плоских камнях, и также от знатоков Корана, знавших его наизусть»⁸.** Целый Коран при пророке Мухаммаде, мир ему, представлял из себя собрание большого количества различного письменного материала, который и перечислил Зейд выше, с впережку записанными на нем аятами. Систематизация их не требовалась при жизни пророка, так как ниспосылание аятов продолжалось. Как известно, свежие аяты могли быть помещены в любое указанное место в суре, тем самым нарушая установленный ранее порядок. Сам же Коран, хранившийся у Зейда, который ко всему прочему был на итоговом предъявлении/показе Корана, был записан при пророке Мухаммаде и был лично им проверен: **«Я (Зейд) брал лопаточную кость или кусок ткани и начинал писать то, что он (пророк) диктовал мне.... Когда я заканчивал, он говорил «Читай!» - и я читал ему записанное. Если там был**

⁸ Сахих Бухари 4701

недостаток, он исправлял его, и затем показывал людям»⁹. Таким образом, был составлен первый полный итоговый кодекс с откровениями Корана. Этот кодекс хранился у Абу-Бакра. Затем, после его смерти он перешел к Омару ибн аль-Хаттабу, а со смертью Омара он остался у его дочери Хафсы. Этот кодекс получил название «*Свитков Абу-Бакра*». Затем со смертью Омара ибн аль Хаттаба к власти пришел Осман ибн Аффан, при котором продолжилась внешняя политика Омара. Военный фронт мусульманской армии стал продвигаться все дальше от Аравии, захватывая все новые регионы. И в это время появилась проблема, которая и предрешила дальнейшие действия по сохранению текста Корана. Упомянутая ранее проблематика персональных, обособленных чтений сподвижников, во время правления Османа дала о себе знать впервые на широком уровне. При расширении военных действий на севере и востоке в данных регионах стали появляться мусульмане из числа местного населения, а также стало подрастать новое поколение мусульман, которые получили общее название «табиины». Естественно, будучи уже людьми другого поколения, они не знали всех особенностей ниспосылания Корана, какие были известны самим сподвижникам – очевидцам ниспослания Священного Писания. И в своих чтениях мусульмане каждого региона следовали за тем сподвижником, который был направлен в этот регион для обучения людей религии. Таким образом, мусульмане Леванта следовали за чтением Убайй ибн Кааба, а мусульмане Ирака следовали за чтением Абдуллах ибн Масуда. Как было уже указано ранее, разночтения, существовавшие между сподвижниками, усиливались также и диалектами, на которых был ниспослан Коран с наступлением эры переселения – хиджры.

До переселения Коран ниспосылался только на диалекте племени курайш, но с вступлением в Ислам представителей других племен Коран стал ниспосылаться на остальных диалектах арабского языка. Еще при жизни пророка Мухаммада, мир ему, стал известным случай, когда курайшит Омар ибн аль Хаттаб услышал, как сподвижник из другого племени, читал суру «Фуркан» не так, как он учил ее от пророка, мир ему. Это вызвало гнев Омара, который побудил его вместе с тем человеком обратиться к пророку, чтобы выяснить природу разночтения. На что пророк сказал Омару, что сура была ниспослана и так, и так, и что Коран был ниспослан в семи чтениях. Тем не менее, совокупность вышеуказанных аспектов разночтения привела к тому, что новое поколение мусульман столкнулось с тем, что при объединении войск северного и восточного фронтов, становясь в общую

⁹ Табарани, том 1, с.156

коллективную молитву, мусульмане одного из двух регионов слышали такое чтение Корана, которому их не учили. Непонимание причин разночтения привело к крайностям, в которых одни дошли до того, что стали обвинять в неверии противоположную сторону. Все это происходило на окраине халифата вдалеке от спокойной Медины. Сподвижник пророка Хузейфа ибн аль Яман, находясь в пучине смут, счел необходимым срочно доложить халифу о проблеме. Добравшись до Медины, он вошел к халифу Осману и произнес свою известную речь, в которой призвал халифа принять меры по сохранению Корана, пока Писание не постигла та же участь, которая постигла Тору и Евангелие. Осознав всю важность, халиф собрал комиссию, как сообщает Ибн Хаджар аль Аскаляни, состоявшую из двенадцати человек, во главе которой был все тот же секретарь пророка Мухаммада – Зейд ибн Сабит.

По тексту асара становится ясно, что Зейд был избран, помимо всего прочего, за свой хороший почерк, так как при отборе кандидатов Осман задал вопрос – «кто лучше всех пишет»? На что ему ответили, что из двенадцатитысячного населения Медины того времени лучшим является Зейд. Эта особенность, вскользь проскакивающая деталь, на сегодняшний день дает зацепку для попыток атрибуции или поиска Корана Османа, написанного аккуратным почерком Зейда. Помимо него в комиссии также были Убайй ибн Кааб – сподвижник лучше всех знавший Коран наизусть. Его обязанностью было диктовать текст для записи, а также отслеживать записываемое. Саид ибн аль Ас – лучший из сподвижников знаток флексии. Он следил за орфографической правильностью записываемого вместе с Абдуррахманом ибн аль Харисом. Таким образом, Осман собрал большую комиссию из самых искусных мастеров своего дела для того, чтобы выпустить тираж Корана пророка, мир ему, который был собран Абу-Бакром и теперь хранился у Хафсы.

Халиф Осман написал письмо к Хафсе, в котором он просил выдать на время для снятия копий Коран, хранившийся у нее, и после окончания работ вернуть ей обратно. Она выдала его комиссии и тиражирование началось, по некоторым мнениям, это был 25 год хиджры. Комиссии необходимо было выпустить около 5 кодексов. Существуют разные мнения насчет количества Коранов. Самое минимальное это пять кодексов: в Куфу, в Басру, в Левант, в Медину и один Халифу. Самым же большим количеством является семь – с добавлением Мекки и Йемена.

После окончания работ по тиражированию Корана, оригинал был обратно отдан Хафсе бинт Омар, и оставался он у нее вплоть до ее смерти в 39 году. При становлении халифата Муавии правителем Медины стал Марван ибн аль Хакам, который в силу полномочий потребовал получить Коран Хафсы. Получив его, он внимательно изучил рукопись. По наиболее известному мнению сжег ее. По другим мнениям он разорвал ее, а также передается, что он ее смыл. Поступил он так из-за того, что этот прототип не имел правильного расположения сур в их установленном порядке, как сообщает об этом авторитетный исследователь в сфере коранистики Абдуль Азым аз Зуркани. Так как при собирании этого кодекса в период правления Абу-Бакра, были собраны лишь аяты в их правильном порядке внутри сур, но сами суры не были расположены по порядку. Таким образом, этот ранний кодекс был изъят и уничтожен для предотвращения непонимания последующими поколениями мусульман, которые могли бы утверждать, что этот «рабочий» порядок сур и есть канонический.

В свете известного, становится ясно, что прямым представителем пророческого Корана является тираж Османа, в котором были учтены и правильность расположения аятов в сурах и также расположение сур в их правильном, установленном в пророческом Коране порядке. На сегодняшний день сохранилось достаточно большое количество древних Коранов или их фрагментов, датируемые первым веком хиджры. Их обилие и дает возможность поиска среди них рукописи, которая по своим характеристикам может оказаться одним из пяти Коранов Османа.

Известно, что в первом веке хиджры на заре становления исламской цивилизации стоимость Корана могла достигать целого состояния. Даже в экономически развитый период Омейядов, по свидетельству Таки ад Дина аль Макризи, стоимость рукописного пергаментного Корана, бывшего в употреблении, достигала тысячи динаров¹⁰. Динар в эпоху Омейядов чеканился только в столичном монетном дворе – Дамаске, и вес строго контролировался и достигал 4,2 грамма. С учетом того, что в динаре было высокое содержание золота, примерная стоимость кодекса Корана в эпоху халифа Абдуль Малика ибн Марвана могла достигать ста шестидесяти четырех тысяч долларов США.

Этот финансовый аспект позволяет, прежде всего, понять стоимость Корана и соответственно отношение к нему, и отсюда вытекающие - должные бережная забота и хранение его. Именно этот аспект наталкивает на

¹⁰ المواعظ والاعتبار بذكر الخطط والآثار т.4 стр. 19

мысль о том, что Коран, являющийся помимо духовной ценности, также и вполне материальной ценностью, должен был быть оберегаем и сохраняем, подобно тому, как сегодня сохраняются личные вещи подобной стоимости. Соответственно, допустить небрежное исчезновение Корана такой стоимости было маловероятным в первые века хиджры. Сверх того, отношение к халифскому Корану Османа, являющемуся эталоном и образцом для копирования, должно было быть еще на более высоком уровне.

Это все в свою очередь говорит о том, что вероятность сохранности этого кодекса или даже нескольких достаточно высока. С другой стороны существуют сообщения поздних арабских историков об увиденных ими в разных частях халифата Коранах Османа. К сожалению, вполне вероятно, что полноценно полагаться на их сообщения будет невозможно. Быть может к рассмотрению годятся лишь самые ранние сообщения о Коранах Османа, в силу их хронологической близости к периоду халифата Османа. Что же касается поздних авторов, то вероятно, что рукописи, которые они могли видеть в различных мечетях, могли быть ранними, но не могли наверняка принадлежать к тиражу Османа. Зачастую различные рукописи, написанные шрифтом Куфи, в силу возможной истрепанности или каких-то других причин могли атрибутироваться народной молвой к Осману. Уверенность в такой атрибуции могла усиливаться, если на страницах рукописи были багровые пятна, что сразу воспринималось как кровь самого халифа, тем самым подводя к выводу, что данная рукопись является «мусаф аль имам», то есть главная рукопись, принадлежавшая лично халифу Осману, за чтением которой он и погиб. Именно по таким признакам многие рукописи и были ошибочно атрибутированы к Осману.

На сегодняшний день почти все рукописи, которые по традиции считаются Кораном Османа на самом деле, с учетом палеографических особенностей, не могут быть кодексами, составленными в период Османа.

Таким образом, резюмируя, исходные исторические данные приводят к выводу, что сохранности Коранов в первых веках хиджры уделялось большое внимание в силу их высокой стоимости, что наверняка позволило сохраниться одному или даже нескольким единицам из тиража Османа. В то же время доверять существующей атрибуции некоторых рукописей к тиражу Османа не представляется возможным, ввиду их более позднего срока написания, что видно по их палеографическим и иногда орфографическим особенностям. В таком случае, вопрос с атрибуцией рукописей к тиражу Османа остается открытым. С одной стороны становится ясно, что высока

вероятность сохранности рукописей из тиража Османа, с другой стороны существующая атрибуция некоторых рукописей к Осману не выдерживает критики.

Для установления понимания данной проблематики в атрибуции рукописей и попыток проследить, и возможно отыскать следы тиража Османа, необходимо проведение всесторонних исследовательских работ.

Истоки развития традиции письменности у арабов уходят в доисламский период. Конечно, полноценное развитие письменности и культуры письменной фиксации приходится на период зарождения Ислама. Как уже стало известно из указанных выше текстов хадисов и асаров, пророк Мухаммад, мир ему, особенное внимание уделял сохранению текста Корана. В период невежества у арабов в приоритете в сфере информационной фиксации было заучивание. Именно посредством заучивания наизусть они сохраняли необходимые им сведения о родословных, чему уделялось в их культуре особое внимание, а также и высоко ценимая арабами поэзия фиксировалась преимущественно в памяти у людей. Но с началом ниспосылания откровений пророку Мухаммаду, мир ему, необходимо было предпринимать все доступные в его время меры по сохранению текста Священного Писания. И арабская письменность стала стремительно развиваться.

арабский	набатейский
ا	𐤀
ب	𐤁
ج	𐤂
د	N/A
هـ	𐤃
و	𐤄
ز	N/A
ح	𐤅
ط	N/A
ث	𐤆
ج	𐤇
س	𐤈
س	𐤉
ص	𐤊
ص	N/A
ط	𐤋
ط	N/A
ع	𐤌
ع	N/A
ف	𐤍
ق	𐤎
ك	𐤏
ل	𐤐
م	𐤑
ن	𐤒
هـ	𐤓
و	𐤔
ز	𐤕

Как было упомянуто в начале, основа арабского алфавита происходит от набатеев. Заимствованная от них система буквенных форм претерпела некоторые изменения. Этот переход от набатейских форм букв к традиционно арабским отчетливо виден на некоторых костях и остраконах с ранними кораническими текстами. Во второй половине двадцатого века стало доминировать мнение, что наиболее ранним шрифтом в арабской письменности является так называемый шрифт Хиджази. Это мнение также сходится с Ибн Надимом, в его «Фихристе», где он приводит хронологическое развитие арабских шрифтов, в котором первым и наиболее ранним он называет шрифт Маили, то есть «наклоненный». Этот шрифт, который он упоминает, был в употреблении у арабов Мекки. А развитие геометрического «Куфи» он, а также современные исследователи, относят к следующему хронологическому этапу развития

письменности, приходящемуся на последнюю декаду первого века хиджры.

Однако, как в начале было указано, анализ большого количества различных письменных материалов начала первого века хиджры, преимущественно наскальных надписей, не может поддержать это мнение. Существует достаточный для исследований объем ранних надписей, который позволяет делать выводы о существовавшей палеографической тенденции.

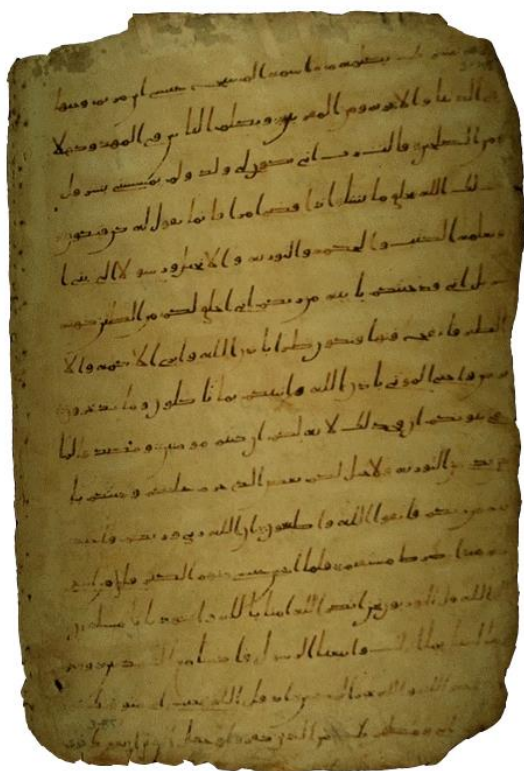
Из доминирующих письменных носителей начала первого века хиджры можно различить две группы: первая - наскальные надписи и вторая - пергамент и папирус. Такое деление, прежде всего, разделяет носители на персональные и частные, как письма, записки, документы, договоры, и непосредственно сам Коран, а также на публичные надписи на скалах, характер которых почти во всех случаях носит афтографические и хвалебные черты. В своей совокупности в этих надписях начала первого века хиджры мы можем получить для исследований как «хиджази» шрифт, так и шрифт «джазм», ставший предтечей куфического. Что касается писем и листов пергамента, то среди них доминирует хиджази. Он и его вариации встречаются также в деловых документах, написанных на папирусе. Примером может быть папирус Perf. No 558 от 22 года хиджры, а также папирус P. Berol 15002 также от 22 года. В этих документах, при их схожести с шрифтом хиджази, можно отметить отсутствие характерного для этого шрифта наклона, какой представлен, к примеру, в манускрипте *Arabe 328a,b,c*.

Тем не менее, тексты, написанные на пергаменте начала первого века хиджры, почти всегда представляют «хиджази» шрифт. Вероятно, из-за этого в современном мире арабистики и доминирует мнение, что единственный ранний шрифт в первом веке хиджры является хиджази, тем самым относя появление геометрических, без уклона форм букв «джазм» и «куфи» к следующему историческому этапу.

Однако, как было сказано ранее, существует большой пласт наскальных надписей первой половины первого века хиджры, который позволяет получить исчерпывающую информацию о тенденциях арабской графики, наносившейся на скалы и общественные места. И в данном случае очевидно разительное отличие форм букв от тех, которые использовались на пергаменте и папирусе. Наскальные надписи до 12, 24, 26, 31 годов хиджры, а также последующих, ясно демонстрируют типичный шрифт «джазм», демонстрирующий куфическую тенденцию без наклона букв с их строго перпендикулярными строке вертикалями, которые имеют ту же длину, что и

горизонтальными в буквах. Отличие этого типа букв от яркого примера хиджази типа Н-І, представленного рукописью Arabe 328a,b,c видно невооруженным взглядом. Если и в самом деле в начале первого века существовал только шрифт «хиджази», то почему ни одна наскальная надпись начала первого века хиджры не написана этим шрифтом с вытянутыми, наклоненными вертикалями букв? Хронологически и наскальные надписи, и пергаментные, и папирусные листы происходят из одного периода, буквально из одного десятилетия, тем не менее, различие в шрифтах очевидно. Сосуществование этих разных по характеру шрифтов приводит к выводу об одновременном использовании обоих шрифтов, тем самым фактически относя появление шрифта джазм/куфи к тому же периоду, что и хиджази.

Однако остается нерешенным вопрос о причине одновременного сосуществования этих шрифтов. Тот факт, что в рукописях, предназначенных для частного использования, использовался шрифт «хиджази», а в публичных наскальных надписях использовался «джазм», наталкивает на мысль, что «хиджази» является формой скорописи, а «джазм» является официальным, публичным, уставным письмом. Если провести анализ рукописей с «хиджази» шрифтом, то можно отметить особенность, часто встречающуюся в них – строки в них имеют в некоторых рукописях достаточно сильный наклон, кренящийся к левому нижнему углу. Отчетливо это можно видеть в Санаанской рукописи начала первого века - Codex Şan‘ā’ DAM 01-29.1 на листе, представленном в UNESCO Image No. 028005B. Эта

особенность указывает на то, что при предварительном разлинейвании листа, он находился по диагонали от переписчика, что может быть, если он находится на коленях у человека, сидящего по-турецки. Это в общем-то объяснимо ведь в Аравии не было письменных столов, тем более усиливая необходимость диагонального расположения листа, если он имеет вертикальный формат, в котором неудобно будет писать и разлинейвать верхние строки, ввиду их удаленности от писца. В таком случае, если текст наносился в таком же диагональном положении листа относительно писца, то

соответственно, буквы в письме также автоматически должны иметь наклон, что и объясняет скорописную природу уклоняющегося «хиджази» шрифта, в котором писец ставил перпендикулярно от себя вертикали букв в диагонально расположенном листе, образуя характерный хиджази наклон. Именно тот аспект, что писец ставил перпендикулярные от себя вертикали букв, указывает на то, что буквы изначально должны быть перпендикулярными горизонталям строк, а их уклон является последствием нахождения листа по диагонали, указывая на то, что почерк должен быть без наклона.

Помимо того, что «джазм» использовался в общественных наскальных надписях, которые предназначены для общественного чтения, их текст также зачастую можно отнести к предназначавшемуся для публичного чтения. Доказательством официального использования шрифта «джазм» может послужить официальное и статусное сооружение того времени – «Купол Скалы» в Иерусалиме. Ранее было сказано, что начало распространения шрифта джазм/куфи относится в современном мире арабистики на последнюю декаду первого века хиджры, а пик его на начало эпохи Аббасидов, как об этом пишет Ф. Дерош, датируя классический куфический тип VI-VII началом правления Аббасидов, то есть на середину второго века. Однако классический, буквально эталонный джазм, представлен в Куполе Скалы, строительство которого завершилось в 72 году, относя этот шрифт к эпохе правления Абдуль Малика ибн Марвана. Тот факт, что в халифском

торжественном строении, использовался для официальных надписей шрифт «джазм», говорит о том, что эта форма письменности была предназначена для официальных и публичных целей, в отличие от частных и персональных. Если это предположение верно, то представляется невозможным

использование скорописного шрифта для тиражирования пророческого Корана комиссией халифа Османа. В таком случае ожидаемо, что Коран Османа не мог быть написан скорописью, а вероятнее всего, должен был быть написан официальным, уставным шрифтом, более того, выписанным рукой Зейда ибн Сабита – человека, почерк которого в двенадцатитысячной Медине того времени считался хорошим.

Тот факт, что в Коранах начала первого века использовался скорописный шрифт, находит свое объяснение в том, что записанный коранический текст не являлся до середины первого века самостоятельным носителем текста Писания. В то время, как было сказано, в продолжение доисламской традиции в сохранении информации самым приоритетным способом было заучивание наизусть, в таком случае письменный Коран воспринимался лишь как шпаргалка для заучившего наизусть.

Происходило это из-за слабого развития арабской письменности. Однако, в связи с демографическими переменами в халифате на период конца правления Османа, появление которых стало ощутимо уже в период правления Муавии, стали активно предприниматься попытки адаптировать арабскую письменность для неарабов, которые во время чтения Корана в молитве, не зная арабского языка, совершали серьезные смысловые ошибки. Возникшая проблема непонимания арабского языка различными народами халифата привела к тому, что письменный Коран стал самостоятельным носителем текста, в котором старались зафиксировать и отобразить все особенности рецитации. Эволюционирование этих систем привело сегодня к тому, что человек, не понимающий арабскую речь, при освоении полного курса таджвида может правильно без смысловых искажений читать текст Корана.

Все эти попытки развития письменной фиксации текста Писания, привели к переосмыслению важности письменного Корана, постепенно делая его самостоятельным носителем коранических откровений. Вместе с этими переменами, пик которых приходился на 60-80 годы хиджры, параллельно происходит становление монументальности в почерках Коранов. Рукописи, датируемые примерно 80-ми годами и позднее, несут на себе значительные изменения в формах букв, в сторону их каллиграфической монументальности. Таким образом, в рамках первого века, отношение к письменному Корану сменилось с восприятия его как дополнения для чтеца Корана, знавшего текст наизусть, на самостоятельного носителя текста. Все эти перемены и повлекли за собой смену скорописных шрифтов в начале века на монументальные и каллиграфически выписанные к концу его.

Таким образом, резюмируя, можно сказать, что в первом веке хиджры отношение к рукописям Корана было крайне бережным, ввиду их высокой стоимости, что способствовало их сохранности. Искомая нами рукопись или даже несколько из тиража Османа, вероятно, могли сохраниться. Принципы использования шрифтов в рамках первого века демонстрируют наличие

различия между скорописью и уставным письмом, что вероятно, должно было быть применено к тиражу Османа, выделяя его халифским тиражом и официальным размерным шрифтом. Полученные предположения позволяют сделать вывод об особенностях, которые могут быть представлены в кодексе Османа. Для попыток поиска и идентификации Корана Османа из имеющихся в различных библиотеках и музеях рукописях, наличие выделенных особенностей и принципов могут быть определяющими в исследовательской работе.

Как было сказано ранее, на сегодняшний день большинство рукописей, атрибутируемых к тиражу Османа, ввиду палеографических особенностей не могут быть написанными в период правления Османа. Некоторые мусульманские ученые в свое время утверждали о невозможности такой атрибуции. На сегодняшний день в ряде мусульманских стран хранятся различные рукописи, которые в силу уже народной традиции именуется Коранами Османа. Как правило, почти на всех них имеются багровые пятна, которые воспринимаются людьми, как капли крови самого халифа Османа. Пожалуй, наиболее известными из них являются кодексы Ташкентский и Каирский. Оба этих кодекса были исследованы в начале двадцатого века российским арабистом А. Ф. Шebuниным.

Первым кодексом, над которым работал Шebuнин, был кодекс, привезенный из Средней Азии. Тогда в дореволюционное время он хранился в Самарканде. В связи с политикой имперской власти в Средней Азии многие историко-культурные ценности вывозились в то время в Петербург. Эта участь постигла и этот Коран. Работу свою Шebuнин опубликовал в 1892 году в

«Записках Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества». На сегодняшний день эта работа представляет из себя ценный вклад в исследование этой рукописи. Ценность ее определяется, прежде всего тем, что оригинал рукописи в период становления советской власти был передан обратно в Узбекскую ССР и

продолжал храниться уже в Ташкенте¹¹. С тех пор научного доступа к рукописи никто не получал. Однако в 1905 году в Петербурге была издана факсимильная копия этого Корана, подготовленная С. И. Писаревым тиражом в 50 экземпляров, по которой и сейчас продолжают вести научно-исследовательские работы. Но, к сожалению, в подготовке к изданию этой факсимильной копии Писаревым был допущен ряд опечаток, приведших к орфографическим ошибкам, не содержащимся в самой рукописи. Таким образом, обзор Шебунина является пока единственной работой, проводившейся непосредственно с самой рукописью.

Он приводит две версии появления этого Корана в Средней Азии. Обе версии были записаны генерал-адъютантом Фон-Кауфманом со слов местного духовенства. Первая из версий представляет из себя типичное народное сказание, в котором восхваляется сила и чудодейственные особенности, присущие адептам и последователям Ходжа Ахрара, благодаря которым один из учеников его и смог приобрести у «халифа Румского» данную рукопись. Вторая же версия, скорее всего, представляет из себя действительно примечательное историческое сообщение. Посланный Эмира Бухарского – Яхья ходжа поведал, что это единственный, но самый ценный экземпляр из библиотеки Тамерлана, некогда украшавший большое собрание книг, привезенных Тамерланом из военных походов из разных стран. Почти все они пропали в пожарах и распрях потомков Тамерлана, сохранен был лишь этот экземпляр. Действительно при анализе его шрифта ясно видно его исконно арабское происхождение, так как на территории Средней Азии ранний куфический шрифт не имел распространения. Наиболее ранние письменные памятники Мавераннахра были написаны достаточно поздним куфическим шрифтом типа DI – DII. Отчего напрашивается вывод, что Коран, написанный такой формой шрифта, мог быть написан в достаточно ранний период, на территории массового проживания мусульман, которой не являлась Средняя Азия в период, которым датируется шрифт этой рукописи.

Те пятна крови, которые имеются на страницах этой рукописи, по мнению Шебунина, являются поздней фальсификацией, так как кровь сама имеется только лишь на торцах страниц, и на протяжении всего кодекса она распределена совершенно равномерно. В то время как исторические сведения, передаваемые Ибн Касиром, Ибн Саадом, аль Вакиди и другими говорят о том, что во время смут, распространенных лицемером Абдуллах ибн Саламом, заговорщики большей частью египтяне ворвались в дом

¹¹ По данным историка А.В. Макарова, советник В.И. Ленина белорусский татарин Ахматович посоветовал Ленину передать в Узбекскую ССР рукопись Османа.

халифа, и застав его за чтением Корана, нанесли первый удар ножом по голове халифа, затем кто-то из заговорщиков замахнулся на халифа мечом. Осман поднял руку, и заговорщик отрубил ее, капли крови от кисти попали на аят 137 суры «Корова», на слова – «**Аллах избавит тебя от них**». И после этого, возникла потасовка с женой Османа – Наилой и ее слугой, который был убит, а Наила потеряла несколько пальцев, пытаясь отвести меч, нацеленный в живот халифа. Этот удар и стал последним для Османа. Таким образом, эти сведения указывают на то, что кровь халифа должна была пролиться на этой и смежных страницах. Соответственно, распространение крови должно было носить неравномерный характер, отчего, естественно, те багровые следы на листах этой рукописи не носят тех особенностей, которые были описаны выше в исторических источниках.

Сама рукопись, вероятно, была долгое время выставляема в качестве реликвии, свидетельством чего служит истрепанность страниц в местах нахождения крови, от которой вероятно, брали табаррук. В отчете Шебунина содержатся полезные сведения о наличии в очень редких случаях диактирических точек – «нукут аль аджам». Также, что особо примечательно, им была отмечена тенденция, имевшая хождение в период халифата Омейядов, а также ранних Аббасидов, в которой старые Кораны, написанные согласно ранним традициям переписки, были обновлены дополнением, к примеру, огласовками по системе Абу Асвада ад Дуали. Также, вероятно в более позднее время, ставились орнаментальные разделители сур и аятов по пять и по десять – «тахмис» и «таашир», которые, кстати, начинали распространяться еще при жизни сподвижников пророка Мухаммада, мир ему. Так, Абдуллах ибн Масуд называл их использование нежелательным – макрух. Однако распространяться они стали к концу первого века и, начиная со второго века, стали активно внедряться в рукописную традицию.

В описании всех этих особенностей, Шебунин, как выше было сказано, детально доказал одну, но весьма важную особенность. Орнаментальные разделители сур и аятов были расставлены позже самого написания текста. Расставлялись они в качестве некой ревизии кодекса, чтобы «подтянуть» его под обновившиеся рукописные нормы нового времени. Вывод этот особо ценен для отвода тех ошибочных заключений, оставленных группой западных арабистов середины двадцатого века, в которых они делают датировку многих рукописей с опорой на орнаментальные декоративные элементы, считая размещение их в кодексах единовременным их написанию.

Также в продолжение этой темы, хотелось бы затронуть до сих пор существующую ошибку, оставленную американским арабистом, протестантским профессором семитских языков Артуром Джеффери, который, вероятно, мотивируя миссионерским призывом, оставил ряд случайных или умышленных ошибок, которые до сих пор имеют широкое хождение в тематике истории ранних Коранов.

На сегодняшний день, почти все, сталкивавшиеся с темой ранних коранических рукописей, слышали о том, что в первые века хиджры в письме арабов не имелось диакритических точек. Тем самым, принятие этого мнения отодвигает датировку всех имеющихся на сегодняшний день ранних коранических рукописей на срок позже третьего века хиджры. Связано это с тем, что А. Джеффери писал в своей работе, что можно «с безопасностью» датировать Ташкентский кодекс периодом третьего века хиджры. Доказывая это мнение тем, что в Китаб аль-Масахиф Ибн аби Дауда содержится сведение о том, что в коранических рукописях не ставились точки. Тем самым, данные из Китаб ал Масахиф, он считает своего рода исторической сводкой о состоянии и правилах рукописных традиций на время жизни Ибн аби Дауда, жившего в третьем веке, подводя читателя к выводу, что в то время они еще не были изобретены. Таким образом, у читателя складывается впечатление, что появление и изобретение точек стало происходить после третьего века хиджры, и четко сформировалось, как он пишет во время имама Абу Амру ад-Дани, умершего в 444 год хиджры. Тем самым практически любая рукопись, имеющая оригинальные точки диакритики должна быть датирована после этого периода. Однако, даже те самые ранние рукописи, описанные выше – MS. Mingana 1572a, Arabe 328 a.b.c. Sanaa DAM-1-27.1 и многие другие, также получившие датировку радиоуглеродным анализом, содержат в себе точки диакритики. Рукопись MS. Qaf 47, датируемая по датировке C_{14} на 95% до 30 года хиджры, содержит в себе по-настоящему большое количество диакритических точек. Практически каждое слово было написано с расстановкой точек. Также и сама Ташкентская рукопись была датирована по C_{14} в университете Оксфорда, результаты которой показали, что рукопись была написана на 68% в период с 18 по 143 год хиджры.

Таким образом, становится очевидным, что наличие точек в коранических рукописях было всегда. Однако, возвращаясь к теме об отсутствии точек в арабском письме, необходимо указать, что их отсутствие было вызвано не тем, что они не были изобретены, а тем, что расстановка точек в тексте являлась своего рода оскорблением читателю. То есть

пишущий, расставляя точки в словах, сомневается в грамотности читателя, считая их наличие необходимым, чтобы читатель понял текст. Возможно, это воспринималось также, как если сегодня в тексте ставить ударения. Даже на столетие позднее Ибн Аби Дауда, Хилал ас Саби, в своем «Русум дар Хилафа» дает отдельную главу, посвященную этике написания писем, где он пишет: **«писец должен писать мелкими нерастянутыми буквами, избегая небрежности и слияния, воздерживаясь от точек и огласовок. Ибо проставляя и то и другое, он унижает того, кому он пишет, так как выставляет его человеком, знания которого недостаточны, и он нуждается в этом (точках) в своей переписке»**¹².

Наличие ранних наскальных надписей, содержащих дату нанесения надписи, также подтверждает наличие точек в ранний период. Наиболее знаменитая из них – надпись Зухайра, вольноотпущенника Ибн Шейбы, датированная **«годом смерти Омара - годом 24»**, которая отчетливо содержит в некоторых словах точки диакритики.

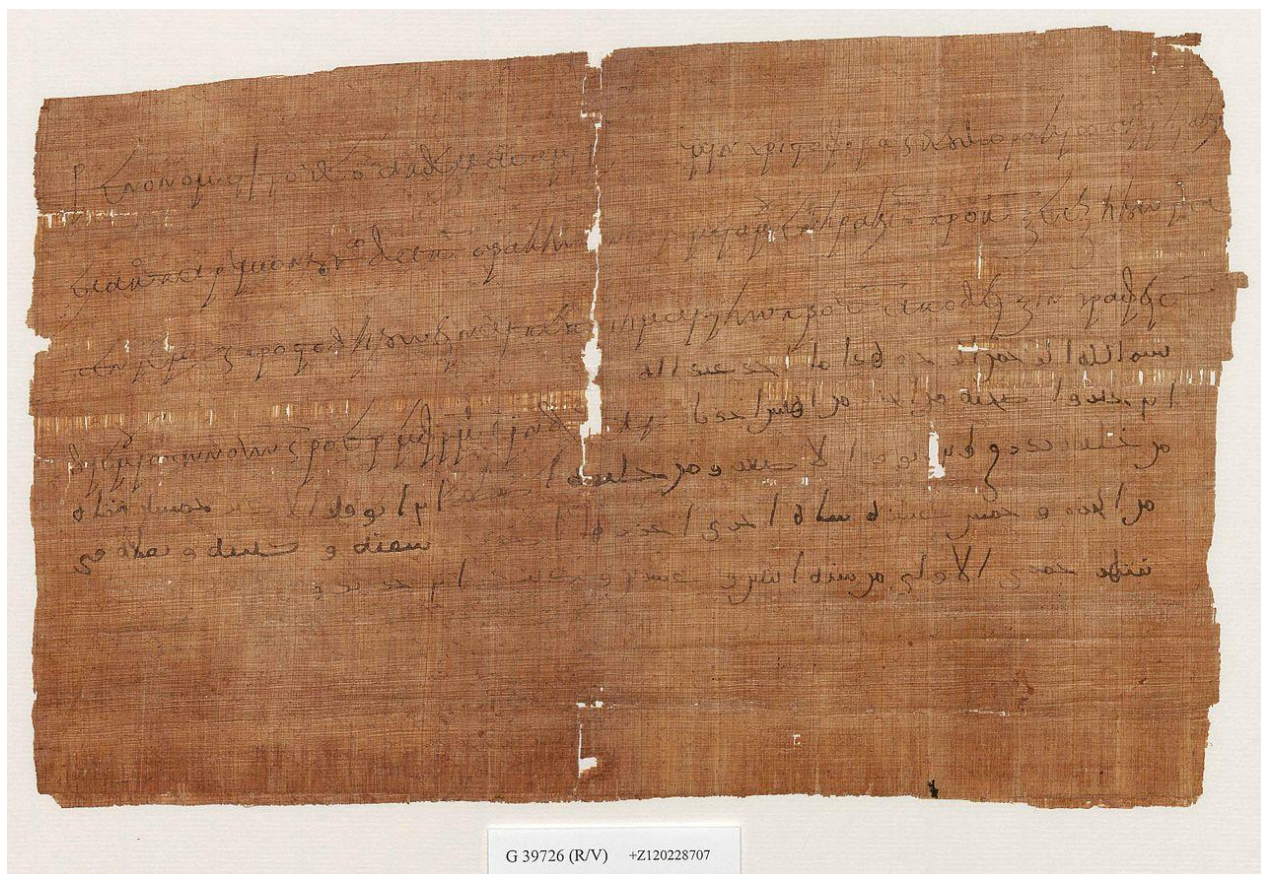
В свете существующих фактических доказательств изначального существования диакритических точек в арабском письме, историческое предание, которое передает алляма Калькашанди выглядит весьма правдоподобно. Он передает предание, повествующее о том, что точки диакритики были изобретены одновременно с арабским алфавитом. Оно гласит, что создателями арабского письма были Мурамар ибн Мура, Аслям бин Сидра и Амир ибн Джадара из племени Булан, где Мурамар был изобретателем самой формы букв, Аслям изобрел методы соединения букв, а Амир изобрел точки диакритики.

Так или иначе, ясно становится одно, что то ошибочное мнение, которое было порождено работой А. Джеффери, не находит подтверждения ни со стороны фактических доказательств, представленных датированными

¹² Хилал ас-Саби. Установления и обычаи двора халифов. М. Наука. 1983, стр. 105

радиоуглеродным анализом ранними рукописями, ни со стороны исторических данных и преданий.

В свете обилия артефактов и исторических сведений, предоставляющих исчерпывающую информацию об истоках появления точек диакритики в арабском письме, представляется сомнительным незнание этих аспектов Артуром Джеффери - человеком, профессионально занимавшимся коранистикой, в его датировке появления диакритических точек в арабской письменности после третьего века хиджры. Тем более, что его современник - выдающийся немецкий арабист Адольф Грохманн, трижды публиковал (в 1932, 1952 и 1966 годах) исследовательский материал о папирусе PERF No. 558, датированный 22 годом хиджры, в котором ясно представлены оригинальные диакритические точки.

Резюмируя, можно сделать вывод, что диакритические точки были известны со времен халифата Омара ибн аль Хаттаба, соответственно, наличие их в настоящем кодексе Османа вполне могло иметь место.

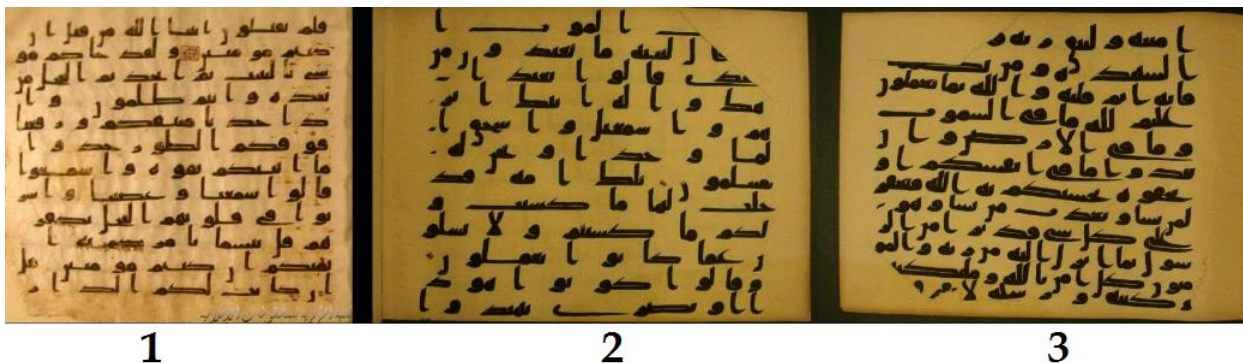
Возвращаясь к Ташкентскому кодексу в целом, как видно было ранее, этот кодекс не может быть датирован временем халифа Османа ибн Аффана. Невозможность эта подтверждается как данными палеографии, так и данными радиоуглеродного анализа. Более того, что было отмечено и

Шебуниным и Джеффери, в данном кодексе содержатся достаточно серьезные ошибки переписчика. В этой статье не ставится цель их всех привести, но дать общую характеристику необходимо. Помимо пропусков букв, которые имеют место вообще в рукописном деле не только Коранов, но и Библии, здесь представлены пропуски целых слов, и даже фраз. В некоторых случаях писец, все же обратив внимание на свою небрежность, на полях дописывал пропущенный текст, галочкой в строке указывая место, где он должен был размещаться изначально. Небрежность эта вызвана, вероятно, слабой подготовкой одного из писцов этого кодекса.

И самим Шебуниным, и также Джеффери было отмечено наличие двух почерков в данном кодексе. Однако, как и первый, так и второй, в конечном счете отвергли эту идею, объяснив это тем, что переход от одной руки к другой бывает плавным на протяжении нескольких страниц. Однако, едва ли можно это счесть возражением, так как рука А этого кодекса представляет собой уверенного писца, форма букв которого строго выверена, и он держится строки, буквы в словах не пляшут и строка не кренился вниз или вверх, в то время как рука Б этого кодекса, как раз содержит всю ту неопытность, которая была перечислена. Скорее всего, сценарий написания этой рукописи был таковым, что основным писцом была рука А, а рука Б была подмастерьем, и учась и подражая руке А, писец Б подстраивал свои буквы и общую стилистику письма под руку А, посредством чего и достигается тот плавный переход от руки А к руке Б. Пожалуй, итоговым доказательством наличия двух писцов в данном кодексе является тот факт, что все ошибки переписчика были сделаны неопытной рукой Б. В таком случае исчерпывающим становится ответ на природу появления в этом кодексе ошибок переписчика.

В дополнение к тому, что характер ошибок является непреднамеренным, следует привести исследовательские данные Шебунина, что Хедивский Коран в Каире является второй единицей этого тиража. Шебунин буквально пишет: **«решительно невозможно допустить между ними сколько-нибудь существенную хронологическую разницу»**. В таком случае, если оба Корана писались одновременно и по одному заказу, то сверка с Каирским кодексом может показать, являются ли ошибки Ташкентского Корана преднамеренными. Так как если эти ошибки были бы и в Каирском кодексе, то это бы означало единое для них текстуальное отличие, намеренно содержащееся в их общем первоисточнике. Анализ и сверка всех тех мест, где содержатся ошибки в Ташкентском Коране с Каирским, показывает, что в Каирском кодексе ни в одном месте нет тех

ошибок, которые были допущены рукой Б в Ташкентском кодексе. Тем самым, становится ясным, что ошибки переписчика, представленные в Ташкентском Коране, являются случайными, и они не содержались в их общем первоисточнике, с которого производилось копирование и Каирского и Ташкентского кодексов.

1 – Почерк каирской рукописи. 2 – почерк руки «А» ташкентской рукописи. 3 – почерк руки «Б» ташкентской рукописи.

Второй рукописью, о которой писал Шебунин, является кодекс Машхад аль Хусайни в Каире, также относимый к тиражу Османа. Это как было сказано ранее - вторая единица из этого тиража, которая несет на себе все те же общие стилистические признаки. Формат страниц одинаковый, все те же 9-12 строк на страницу, почерк тот же самый, тип VI-VII, разделители сур и аятов имеют одинаковые стилистические особенности. Посредством всех этих особенностей Шебунин делает вывод о том, что это две единицы одного тиража.

На данной рукописи также имеются багровые, в некоторых местах просто охристые пятна, характер которых также не вызывает доверия в их естественном происхождении.

Этот Коран, в отличие от Ташкентского, сохранился почти целиком. Содержит 99% от всего текста Корана, утрачено всего четыре листа. Вместо некоторых выпавших листов позднее была проведена реставрационная работа, в которой были добавлены бумажные листы и дописан утраченный текст. Этот Коран также был написан предположительно двумя писцами, различие между почерками значительно менее заметно, по сравнению с Ташкентским кодексом. Наиболее отчетливо видна разница между алифами.

Также как и в Ташкентском кодексе, здесь были наряду с редкими диакритическими точками отмечены разделители аятов по пять диагональных черточек, такими же по форме, как и диакритические точки. Эта система разделителей аятов является в этих кодексах оригинальной. Можно предположить, что подобная система деления аятов не подпадала в категорию «макрух» сподвижниками пророка Мухаммада, так как даже в самых ранних рукописях повсеместно можно встретить такие же разделители аятов. Они представлены и в MS. Mingana 1572a и в Arabe 328 a.b.c., также и в Sanaa DAM-1-27.1. Что касается ошибок переписчика, то в данном кодексе они представлены в значительно меньшем количестве по сравнению с Ташкентским кодексом и не представляют текстуального отличия от стандартного текста.

Сам кодекс состоит из 1087 листов, вес его достигает восьмидесяти килограммов. История этого кодекса начинает фиксироваться с периода Аййюбидов. Этот Коран был некогда в коллекции кади Абурахима аль-Аскаляни в медресе аль-Фадылийя, затем он был перевезен под купол медресе султана аль Гури, затем был перевезен в мечеть Зайнаби, потом во дворец Мухаммада Али паша, затем в Диван Авкаф, после этого в Каср Абидин и наконец в Машхад аль-Хуссайни, где пробыл до 2006 года, после чего был в конце концов перевезен в Масджид Саййида Зайнаб.

Как было отмечено, в обоих этих кодексах содержатся различные ошибки переписчика. Этот аспект также немаловажен в попытках идентификации Корана Османа, так как из исторических источников нам известно, что записыванием текста занималась комиссия из двенадцати самых выдающихся сподвижников. Едва ли можно допустить ошибку при коллективном нанесении букв на листы рукописи.

В целом, резюмируя особенности обоих этих Коранов, можно с уверенностью сделать вывод о том, что они не могли быть написанными в период халифата Османа.

Однако, налицо тот факт, что оба этих Корана являлись тиражом, ведь аспект тиражирования также может быть применим к работам по идентификации рукописей, чья атрибуция может быть отнесена к тиражу Османа. Возникает закономерный вопрос, чьим тиражом они могут быть? И применительно к данному вопросу существует историческое сведение, которое, к удивлению, достаточно тесно согласуясь с научными данными датировки, проливает свет на происхождение обоих этих Коранов. Более того, эта история связывает воедино оба эти кодекса с кодексом, также относимым к Осману, хранящемуся в музее Топкапы. Ряд исследователей, а также представители мусульманского духовенства, в свое время выражали сомнение по поводу атрибуции этих кодексов к тиражу Османа. В их числе Мухаммад Захид аль Кавсари, который писал, что кодекс Корана, хранящийся в Машхад аль Хусайни, не является Кораном Османа. В подтверждение этого также высказался один из самых выдающихся исследователей ранних коранических рукописей – Салах ад Дин Мунаджид в своем «Дирасат», в котором пишет, ссылаясь на Таки ад Дина аль-Макризи, что этот Коран на самом деле фигурировал в конфликте между Абдулазизом ибн Марваном и Хаджаджем ибн Юсуфом аль Сакафи.

Таки ад Дин аль-Макризи пишет в «Хитат», что в один из дней губернатор Ирака Хаджадж ибн Юсуф решил создать тираж Коранов, какой был создан несколько десятилетий назад халифом Османом. Создав несколько копий Коранов, он стал их рассылать по самым крупным городам халифата. Один из них был отправлен в Фустат, впоследствии ставший Каиром. Весть о прибытии столь значимого в те времена предмета быстро дошла до губернатора Египта – Абдулазиза ибн Марвана, брата Омейядского халифа Абдальмалика ибн Марвана. Передается, что при получении вести, что из Ирака прибыл Коран Хаджаджа, Абдулазиз ибн Марван разгневался. Гнев его, вероятно, был вызван подозрениями, что Хаджадж пытается таким образом расширить свое влияние и на его территорию. В ответ на это действие Абдулазиз ибн Марван дает приказ создать свой собственный Коран, нанимая наиболее искусных каллиграфов для этого дела. По истечении работ он объявляет на весь халифат, пусть придет знаток Корана наизусть – кари– и попытается найти в этой рукописи ошибки переписчика, обещая в награду за это тридцать динаров. В течение некоторого времени в Египет прибывает кари из Ирака из города Куфа по имени Зараа бин Сахль ас

Сакафи, который и заявляет губернатору Египта, что ошибка найдена. Это были перепутанные местами буквы в 23 аяте суры «Сад». Ошибка была тотчас же исправлена, а кари получил свои тридцать динаров и был назначен имамом.

Этим действием Абдулазиз, вероятно, хотел выделить свой Коран его безошибочностью. Тем самым поднять значимость своего кодекса над кодексом Хаджаджа.

Таким образом, можно отметить, что в конце первого века хиджры в Каире уже хранилось два губернаторских Корана, которые по своему виду и оформлению должны были нести достоинство и величие власти их заказчиков. Относительно Ташкентского Корана и Шебуниин и Джеффери писали, что учитывая особенности правописания, вероятнее всего он был написан в южном Ираке в районе городов Куфа – Басра – территории подконтрольной Хаджаджу. А учитывая тот факт, что и Ташкентский и Каирский кодексы, по мнению Шебунина, являются двумя экземплярами одного тиража, то это в свою очередь, указывает на то, что Каирский Коран является одной из копий Хаджаджа. И это действительно видно по палеографическим особенностям шрифта – классического раннего куфи, имевшего широкое хождение на территории Ирака, в противовес омейядскому шрифту Абдулазиза. В таком случае, Каирский Коран может быть одним из тех Коранов, которые были созданы по приказу Хаджаджа ибн Юсуфа. И может быть датирован, также как и Ташкентский и Коран Абдулазиза, о котором речь пойдет дальше, до 76 года, в котором умер Абдулазиз ибн Марван. Такую датировку поддерживает и Салах ад Дин Мунаджид в «Дирасат». Также такая датировка вполне согласуется с данными радиоуглеродного анализа Ташкентской рукописи. И как говорил Шебуниин – **«все, что сказано нами в описании Корана СПб Публичной Библиотеки относительно его древности, может быть буквально повторено и относительно возраста Каирского списка»**. В таком случае, датировка Ташкентского Корана может быть смело перенесена и на Каирский кодекс.

Резюмируя, можно отметить, что оба эти Корана, не могли быть Коранами тиража Османа. Учитывая данные датировки C_{14} , а также палеографические данные вкупе с историческими сведениями, можно датировать написание этих Коранов до 76 года хиджры и атрибутировать их к тиражу Хаджаджа ибн Юсуфа ас Сакафи. Вероятно, оба эти Корана могли

быть скопированы с настоящего Корана Османа, хранившегося в Куфе и Басре.

Третий Коран, относимый к Осману ибн Аффану – кодекс Топкапы, носящий номер H.S. 44/32. Это, предположительно, второй Коран, фигурирующий в истории конфликта Хаджаджа и Абдулазиза ибн Марвана. Этот кодекс также почти полностью сохранился, утрачены только два листа из рукописи, содержит более 99% текста всего Корана. История его появления в Турции начинается с 1811 года. В кодексе перед сурой «Фатиха»

имеется пояснительная надпись на Османском языке, в которой этот Коран атрибутируется к тиражу Османа. Этот Коран был передан в дар османскому султану Махмуду второму от губернатора Египта – Мехмет Али паша.

Таким образом, этот Коран происходит из Каира, и по своему виду и оформлению он несет все те же монументальные элементы оформления, присущие рангу официального правительственного заказа, как и тираж Хаджаджа. Как было указано ранее, на конец

первого века хиджры в Каире должны были храниться два Корана, заказанные официальными лицами. Оформление высокого ранга и Каирское происхождение указывают на упомянутую Макризи историю, делая его причастным к этим событиям.

В данном кодексе также имеются густые багровые пятна. По сравнению с двумя предыдущими, характер появления этих пятен выглядит более естественным. Сам характер пятен действительно походит на кровь. В некоторых местах эти пятна имеют очень большую плотность, ввиду их изначальной густой консистенции, при засыхании которой эта масса стала трескаться. Распространение крови шло преимущественно в конце суры «Корова» и начале «Семейства Имрана». Действительно, в упомянутом ранее 137 аяте суры «Корова», который приходится на нижнюю строку перед словами «**Аллах освободит тебя от них**», имеются несколько больших капель этой массы, в отличие от Ташкентского и Каирского кодексов. Но

несмотря на наличие этих характерных пятен, он не может считаться Кораном Османа ввиду его палеографических особенностей.

يسالون عما كانوا يعملون وقالوا كبر
 بولوا هوذا ان بكارة بهدوا فل
 بل مله انراهم حسبا وما كان من المسجد
 كبر قولوا امنا بالله وما ندرل السا
 وما ندرل الله انراهم واسماعيل و
 اسحاق ويعقوب والاسباط وما
 افره موسى وعيسى وما افره السور
 من دينهم لا نعرف نر احد منهم فعر له
 مسلمون فان امنوا بمثل ما امنتم به
 فقد اهدوا وان بولوا فانما هم مع
 سعا و فسددكم الله

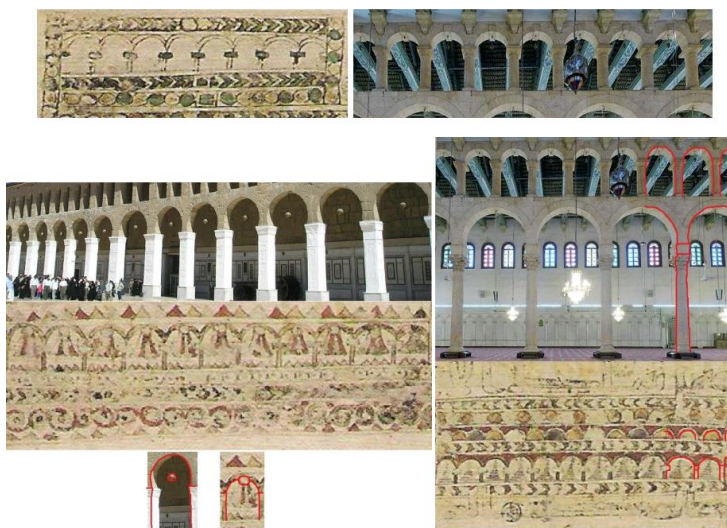
Шрифт его представляет типичную для Омейядской династии письменную тенденцию. Шрифт может быть отнесен к самому раннему типу куфического шрифта типа А-І, в котором еще очень много от скорописного «Хиджази». Этот шрифт является гибридным, демонстрирующим вышеописанный переход от Коранов, являвшихся шпаргалкой для чтеца к самостоятельному носителю Коранического текста. Шрифт очень близкий к шрифту рукописи из частной коллекции в Лондоне, радиоуглеродный анализ которой показал, что эта рукопись была написана на

95,2% в период с 30 года да хиджры по 75 год после хиджры. Иными словами, этот шрифт по C_{14} датируется первыми 75 годами после хиджры, что согласуется с атрибуцией его к Корану Абдулазиза. Также шрифт имеет значительные сходства с «Великим Омейядским Кораном» - Sanaa DAM 20-33.1, обнаруженным в Санае, в Джами аль Кабир. Предполагается, что этот кодекс был некогда заказан либо самим Омейядским халифом, либо кем-то из его окружения. В этом Коране, к большому удивлению исследователей, обнаружена богатая орнаментация и, как ими было сказано, если бы рисунки не находились на аверсе листа, на котором написана «Фатиха», то их нанесение посчитали бы видом поздней ревизии кодекса.

Sanaa DAM 20-33.1

Сами рисунки дают прочную зацепку в датировке. На рисунках на аверсе первой страницы изображена столичная Омейядская «Джами бани Умаййя» в Дамаске, строительство которой началось в 86, а завершилось в 93 году хиджры, во время правления халифа аль Валида ибн Абдуль Малика. Также эта рукопись была датирована методом радиоуглеродной датировки, которая показала, что эта рукопись была написана между 35-68 годами хиджры. Обе эти рукописи дают хронологическую привязку этого шрифта к периоду правления халифа Абдуль Малика ибн Марвана и началу правления аль Валида ибн Абдуль Малика. Таким образом, рассматриваемая нами рукопись может быть датирована к этому же периоду, подтверждая предположения, что это и есть кодекс, написанный по приказу Абдулазиза ибн Марвана.

Более того, этот кодекс также богато украшен орнаментальными розетками, разделителями сур и аятов, которые несут на себе типичные Омейядские, сходные с Византийскими, орнаментальные мотивы. Однако их нанесение имеет все те же особенности, которые были отмечены Шебуниным в

отношении Ташкентского и Каирского кодексов, делая заключение по этим признакам об их позднем написании без участия первоначального писца. В некоторых разделителях сур отчетливо видны архитектурные элементы из Джамии бани Умайя и Купола Скалы. Об этом также пишет и Тайяр Алтыкулач в своей работе над этим кодексом – **«это декорирование такое же как и в Куполе Скалы и мечети Омеййядов в Дамаске и прочих Омеййядских памятниках»**, также отмечая их вероятно более позднее нанесение – **«хотя есть несколько признаков, которые, по-видимому, размещались позже, см. лист 210а, строка 6»**. В случае их нанесения после завершения изготовления этого кодекса, он может датироваться до периода постройки этих памятников, которые отображены в орнаментальных розетках. Таким образом, и исторические и палеографические особенности позволяют датировать этот кодекс действительно временем правления халифа Абдуль Малика ибн Марвана, и с высокой вероятностью отнести его к Корану Абдулазиза ибн Марвана.

Что касается ошибок переписчика, то в данном кодексе они, на удивление, представлены в совсем малом количестве – всего 7 ошибок, носящих совсем незначительный характер – пропуск одной буквы, или написание лишней буквы в слове. Малое количество их может быть объяснено, упомянутой в истории конфликта Абдулазиза и Хаджаджа, той щепетильностью и перепроверкой текста на предмет ошибок переписчика.

В целом, становится ясно, что атрибуция его к тиражу Османа ибн Аффана не является верной, ни со стороны исторических сведений, ни со стороны палеографии.

Четвертый из списка наиболее известных, относимых к Коранам Османа, является рукопись под номером Е-20, хранящаяся в Санкт-

Петербурге в Институте восточных рукописей. Рукопись была подробно исследована российским востоковедом Ефимом Анатольевичем Резваном и ее история подробно освещена в документальном фильме.

Рукопись написана поздним «хиджази» шрифтом или начальным куфийским шрифтом. В целом она может принадлежать типу VI-VII, но некоторые буквы несут четкий ранний тип A-I, несущий в себе

доминирующие хиджази элементы. По мнению Элеоноры Селлар тип шрифта VI.b относится к эпохе Омеййядов. В кодексе различаются два почерка, указывая, что написанием рукописи занимались два писца. Радиоуглеродный анализ, проведенный в Голландии, показал результат, который демонстрирует ту погрешность, которая имеет место в датировке, при условии испорченности материала условиями его хранения, которая может давать погрешность $\pm 100-200$ лет в обе стороны. По результатам датировки, этот Коран мог быть написан на 95,4% до 373(!) года хиджры. В возражение такому результату Герд Пуин – первый исследователь

Санаанских Коранов – писал, что при учете той погрешности, которая может возникать в таком радиоуглеродном анализе, данные полученные от палеографических особенностей и орнаментации могут давать более точную хронологическую привязку. Неточность C_{14} датировки была также отмечена и Е. Резваном. Что касается палеографических исследований, то Алан Джордж пришел к выводу, что полученные данные анализа C_{14} не соответствует палеографическим данным и предложил на основании палеографии датировать его концом первого века хиджры. В данном кодексе, также как и в предыдущем Коране Топкапы, содержится редкая и малоизученная особенность ранней палеографии арабов, открытая профессором арабистики университета Гронинген в Голландии Фредериком Леммиусом. В своей работе он подробно описывает эту систему, которая представлена тремя видами написания букв «каф» и «фа». Первый вид

получил широкое распространение во всем мусульманском мире, и представлен написанием буквы «*фа*» с одной точкой над буквой, и для буквы «*каф*» двумя точками над буквой. Второй вид получил широкое распространение в странах Магриба, в котором он представлен для буквы «*фа*» одной точкой под буквой, а для «*каф*» одной точкой над буквой, то есть, так же как и пишется «*фа*» в остальной части исламского мира. Третий вид – вымерший, представлен для буквы «*фа*» одной точкой над буквой, а для буквы «*каф*» одной точкой под буквой.

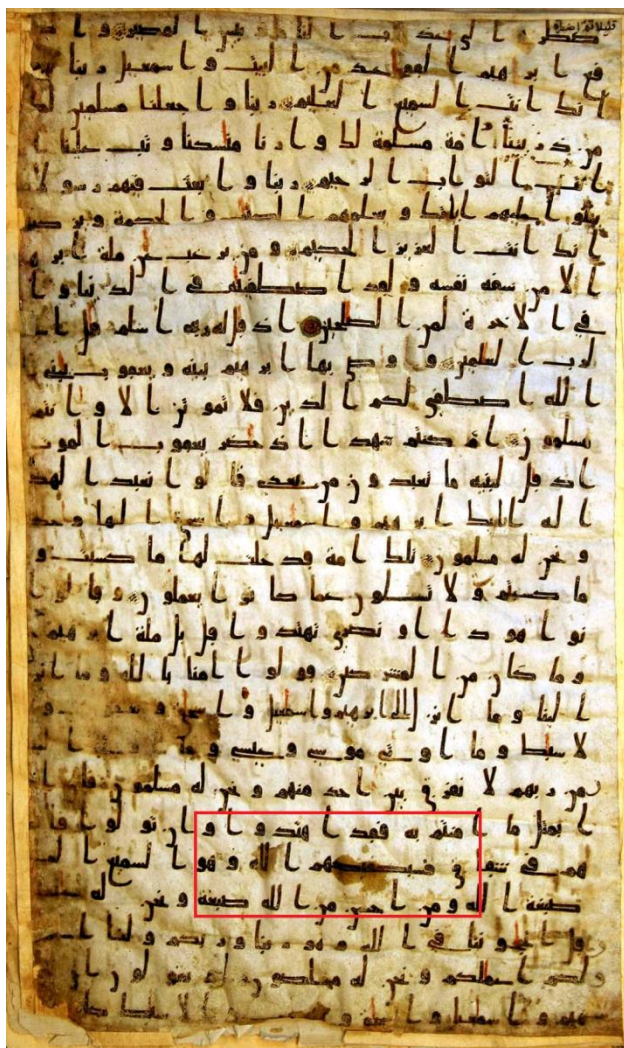
Эта система наглядно представлена в мозаичных цитатах Корана в Куполе Скалы, строительство которого завершилось в 72 году хиджры. После строительства Купола Скалы этот третий вид написания больше нигде не встречается. Распространение этого вида было на территории северо-запада Аравии и в Палестине.

Таким образом, Леммиус предлагает датировать рукописи, в которых представлен данный вид написания периодом, близким к постройке Купола Скалы, то есть около 72 года. Но не позже завершения его строительства.

Наличие этой палеографической особенности в кодексе Топкапы как раз является дополнительным доказательством в сторону того, что это и есть Коран Абдулазиза ибн Марвана. А в случае с рассматриваемой нами рукописью E-20, то наличие данной особенности дает достаточно точную датировку, которая также согласуется с анализом А. Джорджа.

Данный кодекс был приобретен советским востоковедом И.Ю. Крачковским в 1937 году. В то тяжелое для петербургской интеллигенции время к нему обратилась пожилая женщина, принеся данную рукопись. На вопросы откуда происходит этот манускрипт, он не получил ответа, но заметив инициалы на рукописи, он предположил, что она происходит из библиотеки Ириней Нофаля, выходца из Сирии, профессора в Школе Восточных языков. Таким образом, этот Коран был приобретен для Института восточных рукописей, в котором и продолжает храниться. Оригинальное происхождение и место изначального хранения рукописи так и осталось бы тайной, если бы не исследовательская работа Е. Резвана, в которой он получил сообщение от Ф.Дероша, что в отдаленном горном кишлаке Узбекистана хранятся несколько листов из этой же рукописи. Отправившись на поиски, Е.Резван действительно обнаружил двенадцать листов этого Корана в мечети села Катта-Лянгар, что близко к границе с Афганистаном.

Наведя справку об этом кодексе, он узнает, что некогда он был в гораздо более полном состоянии, и что из-за волны советских антирелигиозных гонений были утрачены многие листы из этого Корана.

Впрочем, начало истории по его разделению на коллекционные хранения началась еще в дореволюционное время.

Этот Коран, также как и другие кодексы, описанные выше, несет на себе следы крови. В этом аспекте он близок к Корану Топкапы в вопросе естественного происхождения багровых пятен на листах. Здесь значительная разница с Ташкентским кодексом, в котором очевидно искусственное, равномерное нанесение крови на листы рукописи. Также как и в Коране Топкапы, здесь в 137 аяте суры «Корова», имеются несколько отчетливо заметных, не осыпавшихся со временем, багровых пятен. Попавших на сами слова - «Аллах избавит тебя от них». Но наибольшее скопление крови в

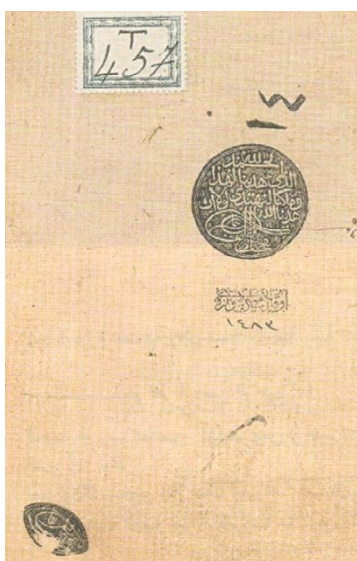
кодексе идет ближе к его середине. Вероятно, что наличие крови в данном кодексе, и тем более, полное соответствие характеру попадания капель на листы, передаваемым историческим источникам об убийстве халифа Османа, побудили хранителей рукописи в Катта-Лянгаре атрибутировать его к тиражу Османа.

Но как стало видно из особенностей палеографии, которая в данном случае дает единственный верный анализ датировки, этот Коран также не может считаться принадлежащим тиражу Османа. Что касается наличия ошибок переписчика в данном кодексе, то по свидетельству Е.Резвана – **«Текст Корана Османа не выходит за рамки общепринятых в исламском мире».**

Последний из рассматриваемых нами Коранов, атрибутируемых к тиражу Османа, является малоизвестной рукописью, о существовании которой большинство исламского мира не знает, однако которая более всех заслуживает внимания.

Рукопись, хранится в музее Турецкого и Исламского Искусств в Стамбуле под номером TIEM 457. За этим же номером она до упразднения халифата хранилась в мечети Айя София. Эта рукопись почти целиком сохранилась, утрачены только семнадцать листов, четырнадцать из которых были позднее реставрированы. Оригинальные листы являются пергаментом, сделанным из кожи газели. В конце рукописи содержится пояснительная записка от реставратора – Дауда бин Али аль-Кадири аль-Киляни. Который написал что, это Коран нашего господина Османа ибн Аффана, реставрацию которого он завершил в Мекке перед Каабой четвертого Джумада ас сани 841 года хиджры, то есть в 1463 году.

На листах рукописи 1a и 439б, имеется печать султана Баязида второго, пришедшего к власти в 1481 году. Наличие этой печати говорит об интересном территориальном передвижении этого Корана. Вскоре после его реставрации в 1463 году, он попадает в недавно завоеванный Константинополь, о котором так значимо говорил пророк Мухаммад, мир ему: - **«как прекрасно то войско и как прекрасен их повелитель»**. Еще в век сподвижников ими были предприняты многократные попытки походов на Константинополь, в одном из которых пал

выдающийся сподвижник, знаменосец пророка – Абу Айюб аль-Ансари. Многие мусульманские войска и правители хотели оказаться теми, кого так похвалил пророк Мухаммад, но этим войском и их повелителем оказалось войско Фатих Султан Мехмеда. Из записки становится известно, что этот Коран в Мекке считался Кораном Османа, то есть одной из важнейших реликвий. Надо думать, что факт взятия Константинополя и открытия его для Ислама инициировал передачу этой реликвии для отправки ее в Константинополь, дабы перенести благодать реликвии в такой важный город, о котором пророчествовал Мухаммад, мир ему. Лишь реликвия высшего ранга могла быть отправлена в обещанный Константинополь. И ко времени правления Баязида второго эта рукопись была уже в Константинополе. Тот факт, что она до упразднения халифата хранилась при мечети Айя София – личном вакфе завоевателя Константинополя Фатих Султан Мехмеда наталкивает на мысль, что она изначально по прибытию была помещена в Айя Софию – главную и центральную мечеть Константинополя. Из всего этого мы можем узнать, что на официальном уровне, уже в то далекое время, эта рукопись считалась Кораном Османа, противоположно тому, как ошибочно народной молвой атрибутировались к тиражу Османа кодексы, которые были описаны выше.

Эта рукопись, в отличие от других, не несет на себе какие-бы то ни было следы крови. Таким образом, исключая ее атрибуцию к Осману по признаку наличия крови на листах. Что касается шрифта, то он представлен формой позднего «хиджази» или раннего «куфи», тип близкий к VI-VII, однако имеющий тяготение к «хиджази» традиции ввиду вытянутых по вертикали букв. Как было упомянуто ранее, в данном кодексе вытянутые по вертикали буквы не имеют уклона ввиду горизонтального формата листов этого кодекса. Эта рукопись была исследована Салах ад Дин Мунаджидом, где в «Дирасат» он, исходя из палеографических особенностей, датирует ее второй половиной первого века хиджры, и буквально заявляя – **«И мы считаем, что он с конца первого века хиджры, это самая ранняя рукопись, которую мы можем видеть, и нет сомнения что он был написан после появления огласовок»**¹³. Также и Т.Алтыкулач, цитируя Мунаджида, соглашается с его датировкой. Датировал он эту рукопись второй половиной первого века из-за наличия в ней огласовок по системе Абу Асвада ад Дуали, из-за присутствия которых он пишет, что **«он был написан после появления огласовок, так как они в нем отчетливо**

¹³ دراسات في تاريخ الخط العربي منذ بدايته إلى نهاية العصر الأموي стр. 55

видны»¹⁴. Однако, как было известно из исследований Шебунина, в раннее время широко была распространена ревизия устаревших кодексов, в которой в старые кодексы добавлялись обновления. В таком случае, те огласовки и орнаментальные разделители сур и аятов, характер которых указывает на их позднее нанесение, были нанесены позже написания этого кодекса.

В таком случае датировка может быть отнесена на более ранний срок, ввиду того, что привязка датировки к появлению огласовок ад-Дуали не применима к этому кодексу, так как они, вероятнее всего, были проставлены позже написания этого Корана.

В таком случае, если это предположение верно, то датировать его первой половиной первого века хиджры представляется вполне возможным. Отличительной особенностью этой системы огласовок, отмеченной Т. Алтыкулачем, исследовавшим эту рукопись, является то, что они представляют из себя несохранившееся чтение, близкое к Басрийским чтениям. Что указывает на то, что огласовки были проставлены в тот период, в котором еще не получили распространения классические чтения, известные сегодня, указывая, что эта ревизия происходила в ранний период. Учитывая раннюю датировку шрифта этого кодекса Мунаджидом, в данном случае становится актуальным предположение, описанное ранее, что шрифты хиджази и куфи/джазм являлись формами скорописи и уставного, официального письма. В таком случае, палеографическая датировка Мунаджида столь ранним сроком может указывать на то, что форма этого шрифта является уставной (*джазм*) версией букв, в то время, когда массовое хождение имела скоропись (*хиджази*). И как ожидается, официальный халифский Коран, являющийся образцом для копирования, должен был быть написан официальным, уставным шрифтом, а не скорописью. Форма букв должна была быть каллиграфически выверенной, будучи написанной рукой Зейда ибн Сабита. Эта особенность также находит отражение в данном кодексе, где ясно видно наличие только одного почерка, указывая, что его мог писать один человек, а форма букв является строго выверенной и каллиграфически аккуратной, что не представлено в большинстве других рукописей.

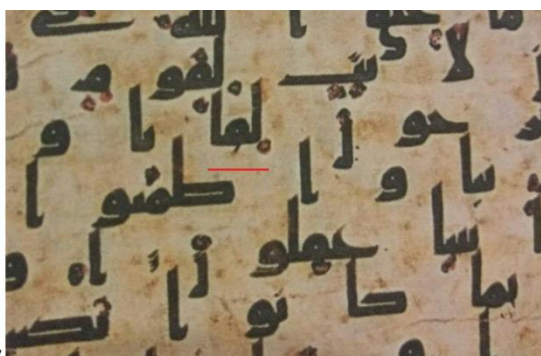
В своем подробном исследовании Т.Алтыкулач приводит результат, по настоящему выделяющий эту рукопись – **«к нашему удивлению, особенностью этого внимательного писца является отсутствие**

¹⁴ Hz. Osmana nisbet edilen Mushaf-i-serif (Turk ve Islam Eserleri Muzesi Nushasi) т. 1 стр. 340

письменных ошибок в этом мусхафе»¹⁵. Более того, как он пишет, оригинальный писец был очень последовательным в своей орфографии. Именно этот аспект выделяет его из всего ряда рукописей Корана первого века и наталкивает на мысль о строгом текстовом контроле. Именно такой контроль и обеспечивала комиссия Османа из двенадцати человек, в которой каждый из выдающихся сподвижников следил за своей частью работ. За орфографией следили лучшие знатоки флексии Саид ибн Ас и Абдуррахман ибн Харис, за текстом следил лучший знаток Корана наизусть Убайя ибн Кааб, а также многие другие сподвижники обеспечивали контроль за нанесением текста.

В данном кодексе в достаточно редких случаях, которые зачастую являются вынужденными мерами, проставлены диакритические точки. Проставлены они преимущественно в тех местах, где требуется их наличие, чтобы графемы букв, вид которых без точек может быть прочитан двояко, были обозначены. Также имеются разделители аятов, по несколько черточек, которые встречаются в ранних рукописях как Mingana 1572a, Arabe 328 и другие.

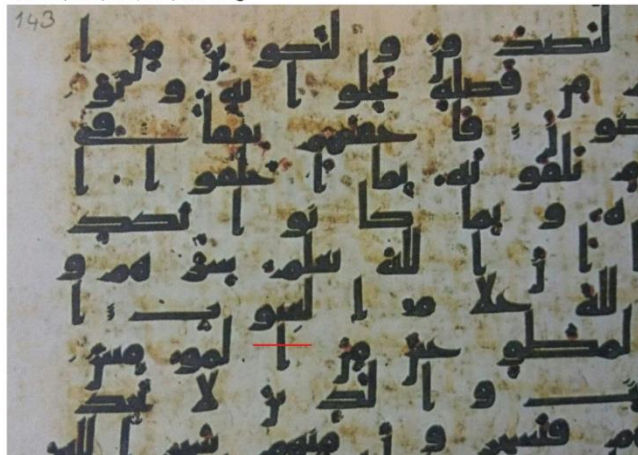
В рамках данной статьи в ходе исследования форм букв в данном

Юнус : 7

И т.д.

Также пример акцентирования ځ

кодексе был обнаружен третий вид из системы написания букв «фа» и «каф», открытый Ф. Леммиусом. Наличие этого вымершего вида, датируемого периодом до 72 года хиджры, также добавляет уверенности в его ранней датировке. Более того, была замечена никем ранее не отмеченная сходная система написания буквы «гайн», в которой ставилась одна точка под буквой, в противоположность тому, как сегодня ставится одна точка над буквой. Эта особенность отчетливо представлена в 78 аяте суры «Покаяние», написанной на седьмой строке 143 листа кодекса.

¹⁵ Hz. Osmana nisbet edilen Mushaf-i-serif (Turk ve Islam Eserleri Muzesi Nushasi) т. 1 стр. 101

Также по данным, переданным в Kitab аль-Масахиф и другим ранним книгам, в которых упоминается особенность орфографии Корана Османа, Салах ад Дин Мунаджид составил список отличий от современных правил орфографий, встречавшихся в оригинальном кодексе Османа. Сверка с данной рукописью показала совпадение отличий, указанных Мунаджидом, с орфографией этого кодекса во всех случаях, за исключением одного.

سورة البقرة -

٤ - وكتب تاء التانيث في كلمات كثيرة تاء مبسوطة ، مثل :

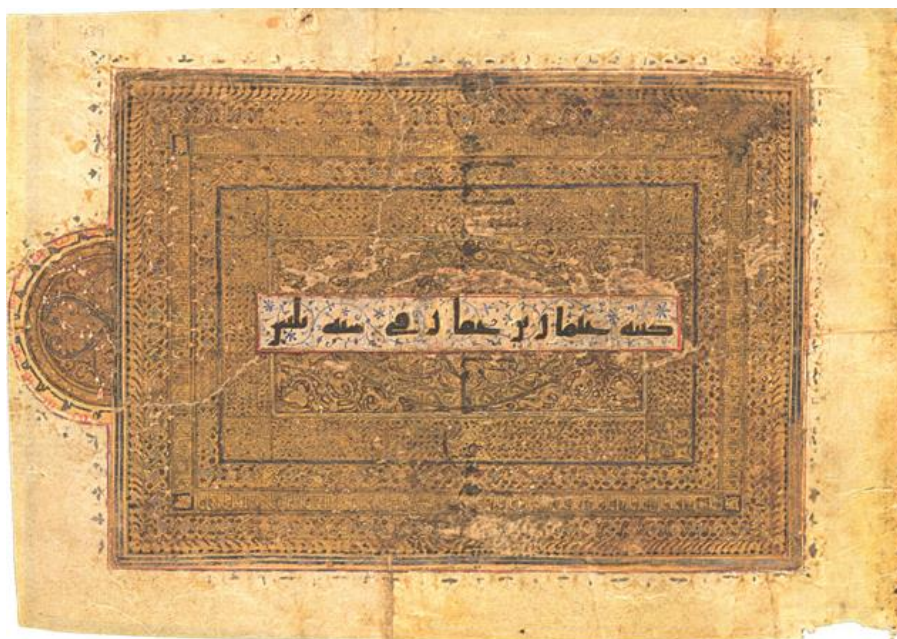
ان رحمت بك (٢٠) (سورة الانعام)	
تمت كلمت ربك (١٢) (سورة الاعراف)	
سنة الأولين (٢٣) (سورة الحجر)	
امرات العزيز (٣٣) (سورة يوسف)	
غيابة الجب (٢٤) (سورة يوسف)	 написана "ta mamduda" written "ta mamduda"
نعمت الله (٢٥) (سورة آل عمران)	
لعنت الله (٢٦) (آل عمران)	
شجرة الزقوم (٢٧) (الدخان)	

٥ - وحذفوا الفتحة الممدودة من ألفاظ كثيرة ، فكتبوا :

عبد الرحمن (الزخرف) (٢٨) بدلا من عباد الرحمن	
ملك يوم الدين (الفاتحة) (٢٩) بدلا من مالك يوم الدين	не сохранилось/not preserved

٦ - يجب ان تنتبه الى أن الفات الخط المكي،

Пожалуй, в завершение описываемых особенностей следует указать надпись, содержащуюся на последнем 439 листе этого кодекса, где по середине листа тем же почерком, каким и был написан весь кодекс, написано – «написал его Осман ибн Аффан в год тридцатый».

Из хадисов известно, что Осман никак не фигурировал в тиражировании Корана, он лишь издал правительственный указ о начале работ по тиражированию. В таком случае, с учетом того, что Кораны Османа должны были быть выставлены в различных мечетях, то для того, чтобы их отличить от остальных Коранов, необходима была бы в них изначальная пояснительная надпись, несущая в себе имя Османа, чтобы обозначить рукопись как халифский образец для копирования. В таком случае, неуместным было бы написание имени фактического переписчика – Зейда, так как в таком случае атрибуция Корана относилась бы к нему персонально, наводя на мысль, что это чтение сподвижника, подобно ибн Мусуду, а не к тиражу Османа. Данное соображение подкрепляется словами Ибн Касира в «Бидая ва нихая», где он говорит: **«Называются эти мусхафы «Мусхафами Османа» из-за того, что они были написаны по его велению, в его время, и в его правление, также как говорят «Денарий Гераклия», то есть, чеканенный в его время и в его государстве»**¹⁶. Так или иначе, этот кодекс, датируемый первым веком хиджры, в котором, как было указано, стоимость кодекса Корана составляла целое состояние, едва ли мог иметь фальшивую надпись, относящую этот Коран к Осману. Тем более, в то время, когда подлинные Кораны Османа были в общедоступном пользовании. Создание столь дорогостоящего объекта, как кодекс Корана, не могло оставаться в стороне, чтобы быть незамеченным, для размещения в нем каких-то фальсификаций со стороны нанимаемых известных мастеров каллиграфии. Более того, если это был частный заказ состоятельного человека, то

¹⁶ بداية ونهاية т. 7 стр. 216

становится абсурдным нанесение этой надписи в кодекс, тогда как подлинные Кораны Османа были доступны читателям в мечетях.

Как было сказано ранее, дополнительным аспектом, позволяющим облегчить идентификацию Корана Османа среди множества сохранившихся рукописей первого века, является наличие повторяющихся копий, несущих на себе параллельные черты оформления, которые указывали бы на тиражность рассматриваемых экземпляров.

Касательно данного кодекса имеются несколько фрагментарных рукописей, схожесть которых с данной рукописью нашла подтверждение со стороны ряда исследователей. Первая рукопись, которая имеет, по мнению доктора наук из Кембриджа М.С.М. Сайфулла, сильное сходство в почерке и типе шрифта - рукопись MIXT 917, хранящаяся в Вене. Некогда она также

Лист 27 v Codex Mixt. 917

хранилась в Стамбуле, но в начале 20 века была продана и вывезена в Австрию, где до сих пор и находится. Формат страниц такой же, как и в рассматриваемой нами рукописи – горизонтальный, содержит порядка 105 листов, что дает около 27% от всего текста Корана. Отличительной особенностью этого кодекса является то, что в качестве ревизии, в нем

поздней рукой были широко проставлены диакритические точки, они расставлены в соответствии с третьим видом системы Ф.Леммиуса. Таким образом, эта ревизия была произведена в период до 72 года, что наталкивает на вывод, что изначальный текст был написан ранее этой ревизии. В таком случае, при учете схожести обоих кодексов, эта датировка также могла бы

быть применена и к TIEM 457.

Третий кодекс, имеющий общие стилистические особенности – Minutoli 256, хранится в Берлинской библиотеке.

Он представлен схожей формой шрифта, написанный на листах горизонтального формата,

содержащие все те же общие 15-16 строк на страницу. Во время написания этой работы, обнаруженные автором статьи параллели с вышеуказанным кодексом (*Minutoli 256*), нашли дополнительную интригующую деталь. На последней странице кодекса была надпись, сходная с надписью в TIEM 457 - «**написал его Осман ибн Аффан**». Эта деталь может пополнить список рукописей, относимых к Осману. Описанные соображения были отправлены Ахмеду Виссам Шакиру – исследователю ранних коранических рукописей, автору работ в International Qur’anic Studies Association (IQSA). Он также выразил интерес к данной рукописи, а также к надписи этого кодекса. Сама рукопись является фрагментарной. В ходе работ с этим манускриптом был найден второй фрагмент этой рукописи. Он хранится в Иерусалиме в Национальной библиотеке Израиля за номером MS. Yah. Ar. 968. В этом ряду при учете всех параллелей, существующих между этими кодексами, наличие второй повторяющейся надписи, атрибутируемой к Осману в одном из них, является как минимум примечательным.

TIEM 457

Minutoli 296

Таким образом, существует несколько рукописей, которые демонстрируют единые с TIEM 457 особенности палеографии и оформления, что в совокупности может указывать на взаимосвязанную природу их появления.

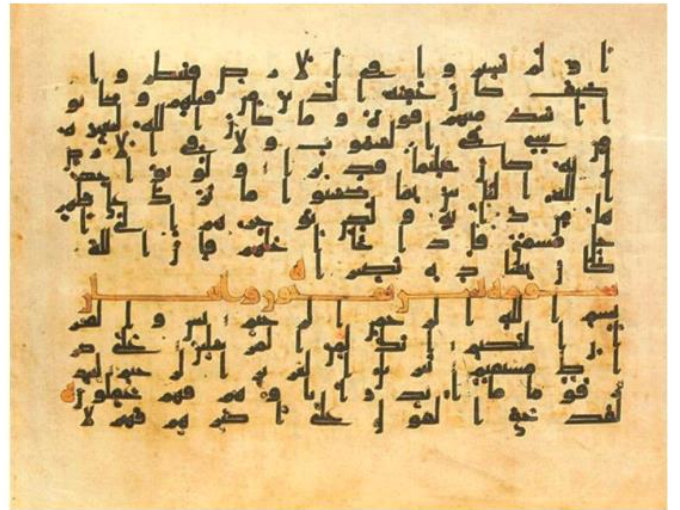
Наряду с наличием подобия между рукописями, демонстрирующими очень близкие палеографические особенности, существует также схожесть иного порядка. В коллекции рукописей Национальной библиотеки Франции (BNF) хранится ряд рукописей, по своему оформлению повторяющих TIEM 457 с его горизонтальным расположением листа, 15-16 строками на странице, а также шрифтом, близким к нашей рукописи. Однако, палеографические, а

также орфографические особенности этих кодексов указывают на то, что они были написаны позднее, вероятно на рубеже второго и третьего веков. Возникает вопрос, что стало причиной подражания кодексу ПЕМ 457 в этих поздних рукописях? При наличии очевидного общего с нашей рукописью дизайна, можно предположить, что это подражание вызвано попытками максимально точно скопировать оригинальный текст кодекса Османа с его особенностями, тем самым создавая своего рода факсимиле кодекса, его, грубо говоря, фотофиксацию. Это подражание имеет настолько сильный характер, что например, в рукописи Arabe 5122 расположение слов в строке и также самой строки между другими строками в листе, зачастую повторяет то же расположение, что и в ПЕМ 457 и подобных вышеописанных рукописях. Как известно, такое может возникнуть при тщательном копировании текста с образца и едва ли может быть совпадением.

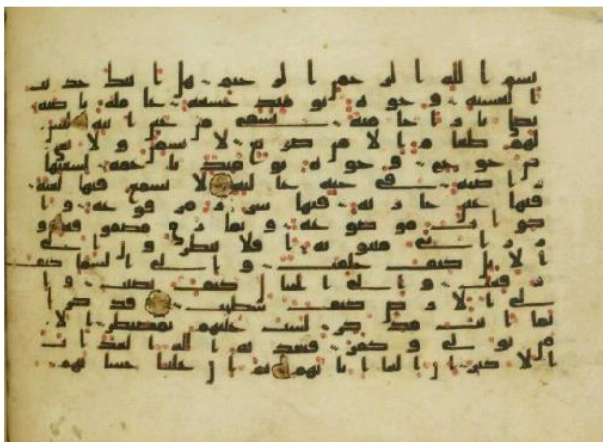

Arabe 5122

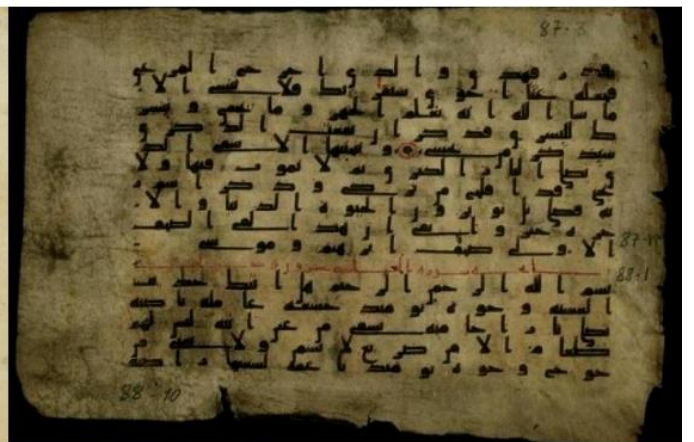
Сура «Йа-Син»

Turk ve Islam Eserleri Muzesi

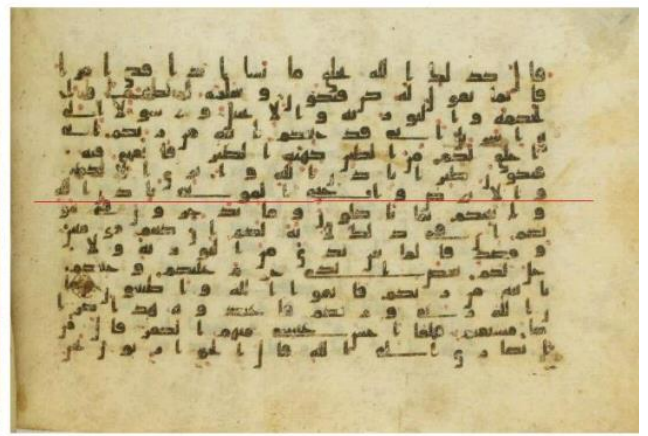

ARABE 5122

Codex San'a 16-20.2

والا بر من و احيه الموتى با در الله
والا بر من و احيه الموتى با در الله

Слева кодекс Codex Mixt. 917

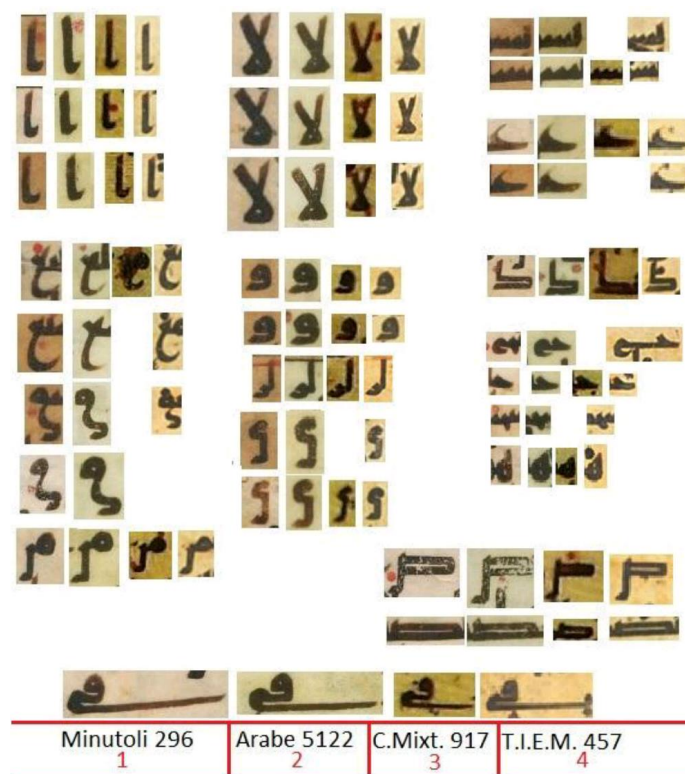
справа ARABE 5122

Arabe 5122

Minutoli 296

Конечно, данная мысль слишком смелая, но она могла бы иметь место в случае идентификации подлинного Корана Османа. Так как психологический фактор, мотивирующий к обладанию точной копией, снятой с легендарной рукописи Священного Писания, вполне объясним.

Палеографическое сравнение между указанными рукописями

Бесспорно, применительно к данному кодексу, проведение радиоуглеродной датировки могло бы дать надежные результаты и поставить точку в вопросе атрибуции к Осману.

Все перечисленные особенности выделяют данную рукопись из всех остальных, приписываемых Осману. В этой рукописи нашли отражение мусульманские предания. Выводы исследователей этой рукописи также выделяют эту рукопись из всех остальных. Пожалуй, ясность могла бы внести радиоуглеродная датировка этой рукописи. Так как одни лишь данные палеографии не являются безошибочными, как это было в случае с рукописью Qaf 47, которую на основе палеографии арабист Бернхард Мориц (Bernhard Moritz) датировал третьим веком хиджры. В то время как радиоуглеродный анализ этой рукописи показал вариацию ее написания на 96% с 16 года до хиджры до 30 года хиджры, то есть начало первого века. Также и сама по себе радиоуглеродная датировка без учета палеографии не является безошибочной, как это было с рукописью E-20, которая была датирована на 95,5% между 153 годом и 373 годами хиджры, в то время как палеографически она датируется востоковедом Аланом Джорджем концом первого века хиджры.

Как бы то ни было, исходя из того, что Коран в первом веке, и вероятно в последующих, также был весьма дорогим предметом, можно

предположить, что столь значимый для исламского мира тираж Османа обязательно должен был сохраниться не только в силу высокой материальной стоимости кодекса, но и в силу высокой ценности его, как такового. Это в конечном счете дает место для его поиска и идентификации среди множества других рукописей.

Список использованной литературы и медиа:

François Déroche. «Qur'ans of the Umayyads, A First Overview»

François Déroche. «The Abbasid Tradition (Nasser D Khalili Collection of Islamic Art)»

Fred Leemhuis. «From Palm leaves to Internet»

Michael Marx. "The Qur'an - The First Arabic Book"

Шебунин А.Ф. "Куфический Коран Спб. Публичной Библиотеки"

Шебунин А.Ф. "Куфический Коран Хедивской Библиотеки в Каире"

Резван Е.А. док.фильм «В поисках Корана Османа»

Dr. Tayyar Altıkulaç. «Hz. Osman'a Nisbet Edilen Mushaf-ı Şerîf Türk İslâm Eserleri Müzesi Nüshası»

B. Sadeghi, M. Goudarzi. «Sana 1 and the origins of the Quran»

M.Azami. «The History of the Qur'anic Text from Revelation to Compilation: A Comparative Study with the Old and New Testaments»

M.C.M. Saifulla. «Islamic Awareness»

دراسات في تاريخ الخط العربي منذ بدايته إلى نهاية العصر الأموي . الدكتور صلاح الدين المنجد

كتاب المصاحف . ابن أبي داود السيستاني

المقنع في معرفة مرسوم مصاحف أهل الأنصار . أبي عمرو الدامي

Codex Topkapı Sarayı Medina 1a «1M»

В 2018 году, в Минске была выпущена факсимильная копия данной рукописи. Настоящая статья является кратким обзором на историю, палеографию, датировку, а также текстологический анализ рукописи «1M».

Перед вами уникальное факсимильное издание наиболее интригующей ранней рукописи Корана, происходящей из первого века хиджры. Данная рукопись носит название Codex Medina 1A «1M» и хранится в запасниках музея Топкапы в Стамбуле. Рукопись содержит примерно 78% от всего текста Корана. В рамках данного исследования в рукописи была обнаружена самая ранняя на данный момент фиксация оригинальной системы *التعقيبية*, в которой первое слово следующей страницы пишется в конце предыдущей. Изначально эта и многие другие рукописи так называемой «коллекции Левантйских листов» (*şam evrakları*) хранились в Мечети Омеййядов в Дамаске. Вся коллекция «Левантйских листов», как и эта рукопись, несут явные следы оформления в соответствии с традициями династии Омеййядов – ранней династии (39-128 г.х.), которая пришла на смену «*пророческому халифату*» четырех праведных халифов.

Исторический путь данной реликвии мало изучен, также мало сведений осталось о том, каким образом она приобрела свое нынешнее местоположение. Поскольку рукопись несет явные следы оформления эпохи Омеййядов, то она демонстрирует много параллелей с другими манускриптами этой эпохи. Это позволяет выдвинуть предположение, что она могла быть написана на территории Леванта. Сходные типы шрифтов представлены в Лондонском Or. 2156, где И. Рабб указывает, что данная рукопись могла быть написана в провинции Хомс. Это свидетельствует, что столичный регион омеййядского халифата был активно занят созданием различных рукописей Корана. Известный арабист Ф. Дерош упоминает, что в период халифа Абдуль-Малика Ибн Марвана был выработан некий особый шрифт, который, вероятно, получил наибольшее распространение в его правление. Дерош предлагает считать шрифт руки F этой рукописи относящимся к этому типу особого халифского шрифта. Если это предположение верно, то данная рукопись могла быть создана на территории Леванта в столичном регионе, начинавшемся от Иерусалима и тянувшегося на север до Дамаска. Любопытно то, что рукопись, вероятнее всего, так и хранилась больше тысячи лет в столичной мечети Омеййядов в Дамаске,

построенной халифом аль-Валидом в 93 году хиджры. А уже оттуда ее транспортировали в Стамбул на закате Османского Халифата в конце 19 века вместе с «Коллекцией левантийских листов». Рукопись так и продолжает храниться в запасниках музея Топкапы и не экспонируется. К сожалению, до наших дней не дошли сведения о процессе и принципах создания рукописей эпохи Омеййядов. Лишь только находка хранилища Коранов в Джами аль-Кабир в Санае дала несколько примеров оригинальных крышек переплета эпохи ранних Аббасидов, которые были уже повторно использованы. Хотя это и не позволяет сделать полную реконструкцию переплета, но, тем не менее, позволяет понять принципы оформления обложек. Вероятнее всего, тип представлял из себя некоторые параллели с «коптским переплетом», который мог попасть в традиционно арабийскую среду через Эфиопию, с которой у мусульман всегда были хорошие отношения. Отличие, скорее всего, могло быть в покрытии торца книги. Сами крышки, как правило, были деревянными, именно это и объясняло их излишнюю толщину. Данные особенности, насколько это было возможно, мы постарались повторить в этом издании, чтобы максимально приблизить читателя к реликвии и ее эпохе. Дизайн тиснения на обложке был создан нами. Он схематически изображает мечеть, обрамленную орнаментальными треугольниками, прототипом которых послужили элементы декора в Петербургской рукописи

Е-20. Само же изображение мечети было разработано по прототипу такого же изображения на первых листах «Великого Омеййядского Корана» - рукописи, которая была создана в те же десятилетия, что и данный манускрипт. Тем самым, обложка книги отображает наиболее популярные орнаментальные мотивы того времени.

В основу этого печатного издания легли фотоснимки рукописи, сделанные в 1930-х годах немецкими востоковедами - Отто Претцлом и Готтхельфом Бергштрассе [Gotthelf-Bergsträßer-Filmarchiv, Bayerische Akademie der Wissenschaften], которые путешествовали по мусульманскому миру с целью фиксации и каталогизации наиболее древних кодексов Корана. К сожалению, многие работы, краткие очерки и исследования этих авторов пропали после взятия Берлина в 1945 году. На сегодняшний день осталось совсем немного информации об их исследовательской работе. Сохранились

лишь несколько партий фотоснимков рукописей, хранившихся у Антона Спиталера (Anton Spitaler), в числе которых и данная рукопись. Известный ученый Мухаммад Хамидулла, встретивший Отто Претцла, прибывшего в Париж, чтобы собрать фотокопии коранических рукописей, представленных в Парижской библиотеке, говорит, что у него были фотографии "42000 копий (или фолиантов?) Корана" и что "они сверены".¹⁷ Хамидулла добавляет, что Претцл также издал "предварительный доклад", в котором говорилось, что в этой рукописи были обнаружены случайные ошибки переписчиков, но "нет текстуальных отличий" от официального текста.¹⁸

¹⁷ М. Hamidullah, *Khutubat-e-Bahawalpur*, 1401 AH, Islamic University, Bahawalpur (Pakistan), pp. 15-16.

¹⁸ М. Hamidullah, *Khutubat-e-Bahawalpur*, 1401 AH, Islamic University, Bahawalpur (Pakistan), pp. 15-16.

Датировка

Известный немецкий арабист Адольф Грохманн был одним из первых ученых, специально перечисливших арабские рукописи Корана, датируемые первым веком хиджры. Его список состоит из: *British Museum Ms. Or. 2165, Arabe 328a, Istanbul Topkapi Saray Medina 1a, A. Perg. 2, P. Cair. B. E. 1700, Vat. Ar. 1605, Arabic Pal. Pl. 44 and P. Michaélidès No. 32.*¹⁹ Тем самым он был одним из первых, кто дал палеографическую датировку этой рукописи, отнеся ее к первому веку хиджры. В своей другой монографии Адольф Грохманн изучал эту рукопись, хотя он был ограничен одним листом шрифта Хиджази. На основании сходства с датированными арабскими папирусами первого века, Грохманн датировал Medina 1a первым веком хиджры.²⁰ Помимо этого, профессор Берлино-Бранденбургской академии Михаэль Маркс утверждает, что Медина 1a является из числа самых ранних рукописей Корана династии Омеййядов, написанных шрифтом Хиджази:

sence of vowel marks in early manuscripts. For example, the earliest manuscripts written in Hijazi script from the Umayyad epoch (Fig. 4) use only very few diacritics and no marks for short vowels. Manuscript Wetzstein 1913 in the Berlin

«Например, самый ранний манускрипт, написанный шрифтом Хиджази из эпохи Омеййядов (*ссылка на фото рукописи Medina 1a*), использует небольшое количество диакритических точек и не имеет точек для вокализации».²¹

В данной рукописи содержится редкая, исчезнувшая в первом веке хиджры система написания диакритических точек буквы «каф» - ق̣ , которая была обнаружена профессором арабистики университета Гронинген (Голландия) Фредериком Леммусом (F. Leemhuis). Сам профессор пишет:

¹⁹ A. Grohmann, "Zum Problem Der Datierung Der Ältesten Koran-Handschriften" in H. Franke (Ed.), *Akten Des Vierundzwanzigsten Internationalen Orientalisten-Kongresses München, 28. August Bis 4. September 1957, 1959*, Deutsche Morgenländische Gesellschaft e.V.: Wiesbaden, pp. 272-273; *idem.*, "The Problem Of Dating Early Qur'ans", *Der Islam*, 1958, Volume 33, Number 3, p. 222. In the latter article, Grohmann also includes *Arabic Pal. Plate 43*.

²⁰ A. Grohmann, "The Problem Of Dating Early Qur'ans", *Der Islam*, 1958, Volume 33, Number 3, pp. 221-222.

²¹ M. Marx, "The Qur'an - The First Arabic Book", U. Franke, J. Gierlichs (Eds.) in collaboration with S. Vassilopoulou, L. Wagner, *Roads Of Arabia - The Archaeological Treasures Of Saudi Arabia*, 2011, Ernst Wasmuth Verlag: Tübingen / Berlin (Germany), pp. 199-201.

The style or styles of the script used for these early manuscripts seems to have been or to have become more or less specific for manuscripts of the Qurʾān and appears to be different both from the more cursive styles that are known from early papyri and from the lapidary ones that were used in most inscriptions incised in stone. In this early qurʾānic style of writing additional signs were introduced to distinguish characters that were used for more than one consonant. Little dashes or dots were added above or under the letters to identify them. The system that is found in the early qurʾānic manuscripts is basically the same as the one still in use, except for the treatment of the two letters *fāʾ* and *qāf*, which have the same initial and medial form. For some time three methods existed: (1) one dash above for the *fāʾ* and two for the *qāf*; (2) one dash underneath for the *fāʾ* and one above for the *qāf*; and (3) one dash above for the *fāʾ* and one underneath for the *qāf*. The first method has become the standard for eastern styles of Arabic and for its printed forms. The second became the norm in the Arab west and can still be found in lithographed editions of the Qurʾān in use in the Maghrib.

The third method did not survive and probably was followed for only a short time, possibly in the Ḥijāz and Yemen. It is, however, significant because it was also used in the inscriptions in the Dome of the Rock in Jerusalem. The mosaic inscriptions in the Dome of the Rock, which consist

148 *Fred Leemhuis*

mainly of qurʾānic quotations, quite clearly imitate a style of writing that is very close to the style we know from early qurʾānic manuscripts. Where *fāʾ* and *qāf* are punctuated, they have their dashes exactly according to this third method. This external evidence leads to the conclusion that early Qurʾān manuscripts with the same method of punctuation date roughly from the same short period, i.e., from around 692 CE when the Dome of the Rock was built.

To date, I am aware of only four manuscripts in which this method is adopted. They are preserved in Istanbul (Saray, Medina 1a³), Şanʿāʾ (Dār al-Makhṭūṭāt, Inv. No. 01–29.2⁴), St Petersburg (Inv. No. E-20⁵) and Vienna (Fig. 5; Cod. Mixt. 917⁶). Two of these manuscripts are fairly long; of the Viennese codex 104 leaves are extant, and of the St Petersburg one, 81 leaves. As all early qurʾānic manuscripts appear to do, these two manuscripts also represent the ʿUthmānic redaction. This suggests that the ʿUthmānic redaction already enjoyed a degree of acceptance at that early period. The

"Система, которую можно найти в ранних Коранических рукописях, в основном та же, которой пользуются и поныне, исключая написание двух букв *Фа* ف и *Каф* ق, которые имеют одинаковую начальную и медиальную форму. В течение некоторого времени существовало три метода их написания: 1 - одна черточка над *Фа* и две над *Каф*, 2 - одна черточка под *Фа* и одна над *Каф*, 3 - одна черточка над *Фа* и одна под *Каф*. Первый метод стал стандартным для восточных стилей арабского письма и для печатных форм. Второй - нормой на арабском западе и до сих пор ее можно найти в печатных изданиях Корана в использовании в Магрибе. Третий метод не сохранился и вероятно использовался только в течение короткого времени, возможно, в Хиджазе и Йемене. Это важно, поскольку он также использован был в надписях в мечети «Купол Скалы» в Иерусалиме. Мозаичные надписи в Куполе Скалы, которые состоят в основном из коранических цитат, вполне ясно повторяют манеру письма, которая очень близка к стилю ранних коранических рукописей. Там, где *Фа* ف и *Каф* ق обозначены, у них стоят точки в точном соответствии с этим третьим способом. Эти внешние данные приводят к выводу, что ранние рукописи Корана с таким же методом пунктуации датируются примерно этим же коротким периодом, то есть около 692 н.э. (70 г.х.) когда была построена мечеть «Купол Скалы». На сегодняшний день я знаю только четыре рукописи, в которых принят этот метод. Они хранятся в Стамбуле (Торкарі Saray Medina 1a), Сане (Dar al makhtutat инв. No. 01-29.2), Санкт-Петербурге (инв. № E-20) и Вене (Codex. MIXT 917). Две из этих рукописей довольно длинные. В Венском кодексе сохранилось 104 листа, и один манускрипт из Санкт-Петербурга с 81 листом. Как и все ранние коранические манускрипты, эти две рукописи также представляют редакцию Османа. Это говорит о том, что редакция Османа уже получила степень признания в тот ранний период.²²

²² "From Palm Leaves To The Internet" in J. D. McAuliffe (Ed.), *The Cambridge Companion To The Qur'an*, 2006, Cambridge University Press: Cambridge (UK), pp. 147-148.

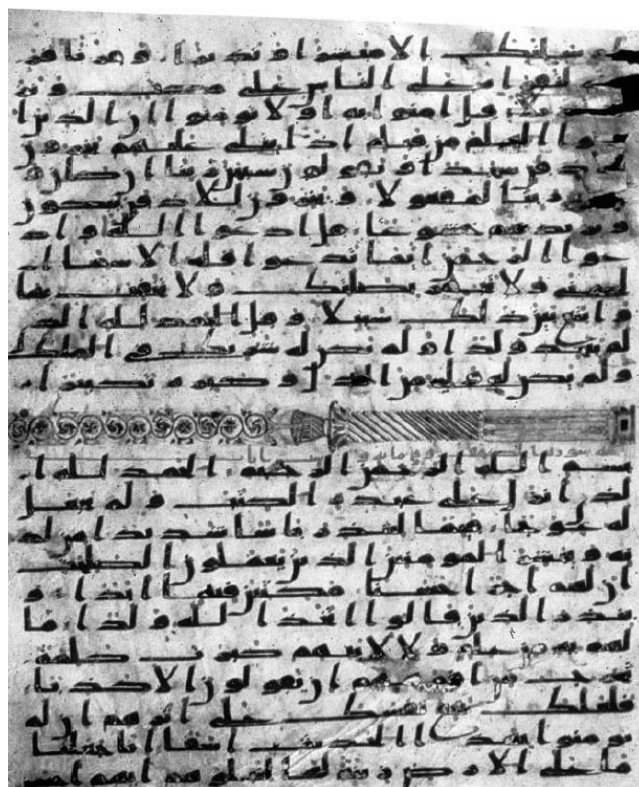

W اِذَا فِضَّ امْدَا فَا نَمَا يَعْوَلُ لَهْ كَرَفِكُورِ اِر اللّٰه دِي وَ دِيكُمْ
 فَا عِكُوهُ هَكَآ طَرَطَا مَسْتَجِيْمٌ : سَهَكَ اللّٰه اِنَّهُ لَا اِلّٰهَ
 اِلّٰهُو وَالْمَلِيْكُهُ وَ اَوَّلُوْا الْعِلْمَ فَيَمَا نَالِفَسَطَا اِلّٰه اِلّٰهُو

Пример надписей в мечети «Купол Скалы»: буква *ق* имеет одну точку под собой (*подчеркнуто красным*), также часть мозаики с датой завершения строительства «Купола Скалы»: "Построил этот купол Абдуллах Имам ал Ма'мун, повелитель верующих в год 72, да примет Аллах от него".

Исходя из работы Ф. Леммуса, все тексты с такой орфографией датируются до этого времени, так как на множестве последующих построек, на эпитафиях и текстах уже больше не встречается такой метод написания этих букв.

За исключением последней руки, рукопись Medina 1a написана в различных формах шрифта *Хиджази*, все из которых представляют знакомство с *куфическими* тенденциями периода Омеййядов, о чем свидетельствует равномерность и регулярность их внешнего вида и общего вида страницы. Стиль шрифта Medina 1a как в рукописи *Marcel 13 + Arabe 330c* (одна и та же рукопись, разделенная на две коллекции), а также и рукопись *TIEM ŞE 321*.

Рукопись *Marcel 13* из собрания РНБ, СПб.

Финальная рука рукописи *Medina 1a* (Рука *F*) имеет наибольший потенциал, чтобы пролить свет на место, в котором эта рукопись была создана, а также дату написания этого манускрипта. Рукопись *Marcel 13* была подробно описана в литературе²³, выделяя ее из небольшой группы особых рукописей. С точки зрения палеографии, один из ведущих арабистов нашего времени Франсуа Дерош обобщает главные характеристики этого шрифта *Marcel 13*, показывая свое тесное родство с упомянутыми рукописями (*Arabe 330c*, *TIEM ŞE 321*), а также с пограничными камнями халифа Абд аль-Малика ибн Марвана (правил с 63-83 г.х.).²⁴ Последняя рука из *Медины 1a* вписывается в эту группу шрифтов.²⁵ Основываясь главным образом на палеографических и художественно-исторических критериях, востоковеды Алан Джордж и Барри Флуд датируют *Marcel 13* периодом до конца I-ого века хиджры. Алан Джордж заявил, что шрифт предшествует *Кодексу Санаа 20-33.1*, который датирован до конца первого

²³ F. Déroche, "Colonnes, Vases Et Rinceaux Sur Quelques Enluminures D'Époque Omeyyade", *Comptes Rendus Des Séances / Académie Des Inscriptions & Belles-Lettres*, 2004 (published 2006), pp. 227-264.

²⁴ F. Déroche, "Colonnes, Vases Et Rinceaux Sur Quelques Enluminures D'Époque Omeyyade", стр. 231-234.

²⁵ F. Déroche, "Colonnes, Vases Et Rinceaux Sur Quelques Enluminures D'Époque Omeyyade", стр. 233

века хиджры.²⁶ Рукопись Санаа 20-33.1 – т.н. «Великий Омеййядский Коран», датирован по С¹⁴ с 657-690; т.е. с 35-67 г.х. Вон Ботмер палеографически соглашается с этой химической датировкой.²⁷ Если предположение А. Джорджа верно, то данный тип шрифта следует датировать периодом до прим. 67 г.х./690 г.

Слева – рукопись TIEM ŞE 321, демонстрирующая тот же почерк руки F рукописи Medina 1a, справа – пограничный камень халифа Абдуль-Малика, имеющий сходство с Marcel 13 + TIEM ŞE 321 по мнению Ф. Дероша.²⁸

Topkapı Sarayı Medina 1a	Marcel 11, 13 & 15	TIEM ŞE 321 "Damascus Umayyad Qur'ān"	BNF Arabe 330c	Milestones of 'Abd al-Malik

Figure 2: Comparison of consonant shapes in Codex Topkapı Sarayı Medina 1a with Marcel 11, 13, and 15, TIEM ŞE 321, BNF Arabe 330c and milestones of 'Abd al-Malik b. Marwan.

Таблица сопоставления шрифтов, созданная Ф. Дерошем, куда исследователь М. Сайфулла добавил шрифт Medina 1a.

²⁶ A. George, *The Rise Of Islamic Calligraphy*, 2010, Saqi Books: London (UK), pp. 75-80 & p. 148; F. B. Flood, "The Qur'an", in H. C. Evans & B. Ratliff (Eds.), *Byzantium And Islam: Age Of Transition 7th - 9th Century*, 2012, Metropolitan Museum of Art: New York (USA), pp. 270-271.

²⁷ H-C.G. Von Bothmer "Neue Wege Der Koranforschung". 1999, стр.45.

²⁸ F. Déroche, "Colonnes, Vases Et Rinceaux Sur Quelques Enluminures D'Époque Omeyyade", стр. 231-234.

body of the text.

Another script could also be representative of the Umayyad book hands (fig.10). The discovery of a fair amount of folios from a Qur'ān with illuminated *sūra* headings (it will be referred to now as the Damascus Umayyad Qur'ān⁵⁸) was instrumental in establishing its date.⁵⁹ The illumination of this Qur'ān relies on motifs which find their parallels with the mosaics of the Dome of

the Rock (fig.11). The orthography is slightly more developed than that found in the manuscripts and fragments in *hijāzī* style. The format is still vertical. A tendency towards a greater homogeneity in the number of lines per page is obvious. The letters are spread over the page thanks to an extensive use of the elongation of the horizontal connections or to a regular spacing of the letters or groups of letters irrespective of their being part of a word or not. In keeping with the use observed in the manuscripts and fragments in *hijāzī* style, words can be divided at the end of a line when there is not enough space left, provided that the word includes a letter which does not require connection with the next one.

The script itself still bears some similarities with the *hijāzī*. Although the writing instrument is slightly thicker than the one usually associated with *hijāzī* (between 1.5 and 2 mm), the ratio between the height of the script and its thickness is still quite high and as a whole its appearance is close to that of MS BL Or. 2165 (fig. 6). The shafts (*lām*, *alif*) tend to be vertical, although there are still some tendencies to have them slanting to the right; an exception is the shaft of the letters *ṭā'* / *zā'* which remains oblique. The *lām* in isolated position was apparently somewhat problematic for the copyists of the time who hesitated between two shapes. In some instances, the lower horizontal stroke is located below the base line – similar to the final *lām*. In other cases, this part of the letter is drawn on the base line; the shape cannot be mistaken for a *kāf* since, as we have already seen, the latter is written in a very different way in its isolated and final positions. The isolated *lām* with its lower tail on the base line is already found in *hijāzī* manuscripts. It significantly appears on 'Abd al-Malik's milestones nos 1 and 3 in Max van Berchem's publication, whereas the other shape has been used on milestone no 2.⁶⁰ By far the most original letter is the final or isolated *mīm* which is devoid of any tail – to such an extent that in some fragments, a later hand added these tails in order to make the script more "legible"; in this case, the parallel is obvious with the *hijāzī* style, or at least with a tendency found in some manuscripts, particularly London, BL Or. 2165 and hand A of Paris, BNF Arabe 328a.

[TIEM ŞE 321] «Другой шрифт также представляет шрифт книг Омейядов. Орнаментирование этого Корана отражает мотивы, которые находят параллели в мозаиках Купола Скалы (до 72 г.). Орфография немного более проработанная, по сравнению с тем, что можно найти во фрагментах хиджази стиля. Формат все еще вертикальный. Шрифт сам все еще носит сходство с Хиджази. В то же время инструмент для письма чуть более толще по сравнению с хиджази (между 1,5 и 2 мм.), пропорция между высотой шрифта и толщиной все

еще высока, и его общий вид близок к Or. 2165 (*датированный Й. Дуттон от 30-85 г.х.*)...Отдельный Лям с его нижней частью почти такой же, какой в хиджази манускриптах. Это наглядно отображается на пограничных камнях Абд ал-Малика номера 1 и 3 по публикации Макса ван Берхема, где также другая форма была использована на камне номер 2. В этом случае очевидна параллель с хиджази стилем, или как минимум с тенденцией имеющейся в некоторых манускриптах, частично в Лондонском 2165 и рука А Парижского *Arabe 328a*».

Более подробно Ф. Дерош исследует этот тип шрифта в книге «*Qur'ans of the Umayyads: A First Overview*». Где он пишет:

As noted by Amari, this script (which I propose to call "O I") retains something of its *hijāzī* origins.²⁰ As indicated previously, Hand D of the *Codex Parisino-petropolitanus* can be seen as a forerunner.²¹ It is still a little hesitant and some of the letter shapes, the *hā'* for instance, are very different from those of the new Umayyad script. What is more interesting is the relationship between the script of the Qur'anic manuscripts and some of the Umayyad inscriptions, notably 'Abd al-Malik's milestones: "[their] writing as a whole echoes manuscript calligraphy."²² The isolated or final *qāf* is almost identical with that found on stone and the same can be said of the final *kāf* in the caliph's name on three of the milestones;²³ to these comparative examples can be added the shape of the *kāf* found on two of the inscriptions on the Dome of the Rock, that in mosaic and another one on a copper plate at the northern entrance of the building.²⁴ Alain George has suggested to identify in all these

«Как уже было отмечено Амари, этот шрифт, (который я предлагаю называть О I [Омейядский – 1]) сохраняет кое что от его хиджази истоков. Как было отмечено ранее, рука D кодекса *Parisino-Petropolitanus (Arabe 328)* может быть предшественником [этого шрифта]... «Что более интересно, это связь между шрифтом Коранических манускриптов и некоторыми Омейядскими надписями, в частности пограничные камни Абд ал-Малика: «*их написание – эхо каллиграфии манускриптов*». Отдельный и конечный «каф» почти идентичный тому, что находим на камне, и то же самое можем сказать о конечном «кяф» в имени халифа на трех пограничных камнях. К этим примерам может быть добавлена форма «кяф» на двух надписях на

«Куполе Скалы» – на мозаичной и на медной пластине над северным входом в здание»²⁹.

Далее он резюмирует свою датировку этого типа шрифта:

manuscript tradition, a style becoming specific to a certain use. These elements point into the same direction: at the end of the first/seventh century, under the reign of caliph 'Abd al-Malik, a fateful change occurred in the chancery of

«Эти элементы отмечают одно и то же направление: на конец первого [хиджры]/седьмого века, под правление халифа Абдуль-Малика...»³⁰ то есть примерно с 63 по 83 годы хиджры.

В целом, как было представлено в работах ранних и современных арабистов, данная рукопись с типом шрифта O I датируется всеми учеными первым веком хиджры. Что касается более конкретной датировки, то и по системе написания буквы «каф», отмеченной Ф. Леммусом, а также стилистический и палеографический анализ Ф. Дероша позволяют отнести эту рукопись на период правления халифа Абдуль-Малика ибн Марвана, то есть с 63 по 83 годы хиджры. Учитывая достаточно точный ориентир – написание буквы «каф» периодом примерно 70-х годов первого века – мы предлагаем относить датировку этой рукописи на первую половину правления халифа Абдуль-Малика, то есть, до 70-х годов. Так как существует большой пласт наскальных надписей на территории Хиджаза, датированных авторами периодом правления халифа аль-Валида и последующих правителей, в которых уже более не встречается данная система написания «каф». Это позволяет сказать о прекращении практики такого написания после строительства мечети «Купол Скалы». Согласно палеографическим особенностям, представленным другой рукописью - San'a 20-33.1, которая датируется по радиоуглеродной датировке C₁₄ периодом до 67 года хиджры (в соответствии с особенностями палеографии немецкий арабист фон Ботмер подтвердил эту дату), мы можем утверждать, что наша рукопись была написана гораздо раньше. Поскольку тип шрифта O I, который встречается в нашей рукописи, также содержится в рукописи Marcel 13, которая по мнению Алана Джорджа предшествует рукописи San'a 20-33.1. Это означает, что этот шрифт O I был распространен в конце 50-х и начале

²⁹ Qur'ans of the Umayyads: A First Overview (Leiden Studies in Islam and Society). December 2, 2013. стр. 80

³⁰ Qur'ans of the Umayyads: A First Overview (Leiden Studies in Islam and Society). December 2, 2013. стр. 94

60-х годов первого века хиджры. В целом, можно достаточно смело утверждать, что данная рукопись была написана через пятьдесят лет после смерти пророка Мухаммада, мир ему и благословение Аллаха.

Текст

Текст этой рукописи имеет уникальное преимущество. Он перепроверялся писцами по несколько раз. Обусловлено это было тем, что над его созданием трудилось от четырех до шести различных писцов, где каждый последующий перепроверял то, что было написано его предшественником. Уже упомянутый ранее Г. Бергштрассе подтверждает вышеописанный принцип надежности перепроверенного текста:

2. Списки, проверенные и исправленные писцом путем сравнения с исходной рукописью, надежнее тех, что не подвергались такой процедуре.¹⁵

¹⁵ Бергштрассер, *Усуль Накд Ан-Нусус уа Нашр Аль-Кутуб* [на арабском языке], Каир, 1969, стр. 14.

В рукописи имеется ряд правок, представленных преимущественно на страницах 382 и 421, которые по своему виду могут показаться дополнительным внесением в первоначальный текст существенного речевого объема, размером в несколько предложений. Следует отметить, что их нанесение было единовременным написанию самой рукописи, тем самым отвергая вариацию их поздней, инородной, непредусмотренной оригинальными писцами ревизии. Обусловлено это было, как сказано выше, тем, что над рукописью трудилось несколько различных писцов, где каждый новый писец, приступая к работе, перепроверял то, что было написано его предшественником. Таким образом, наибольшее количество правок представляет последняя рука F. Далее будут приводиться таблицы сопоставления шрифта правок с рукой F.

стр 382

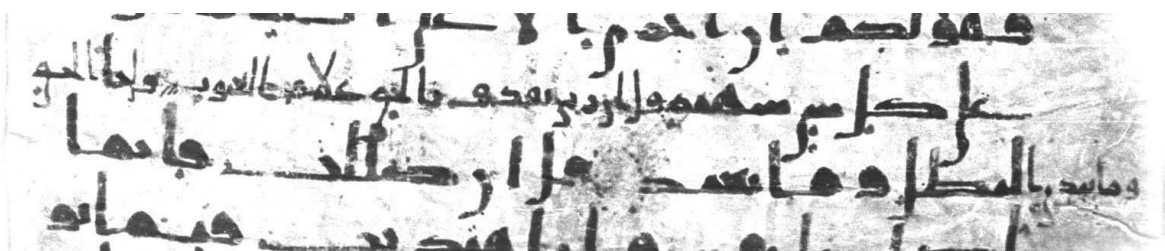

другие места в
рукописи
рука F

*Образцы конечных форм стр. 382,
носящих общие черты с рукой F*

Как видно в таблице, характерные для правки стр. 382 особенности написания конечного «*ya*» и конечного «*ka*» полностью совпадают с этими же буквами в почерке руки F. Таким образом, становится ясно, что эта правка была нанесена еще тогда, когда сам манускрипт еще не был завершен, делая ее единовременной самому написанию текста рукописи. В таком случае, все образцы букв этой правки являются примерами написания руки F, давая возможность для идентификации и атрибуции второй правки на стр. 421.

421 382

стр. 576, 74:22, пример руки F в тексте

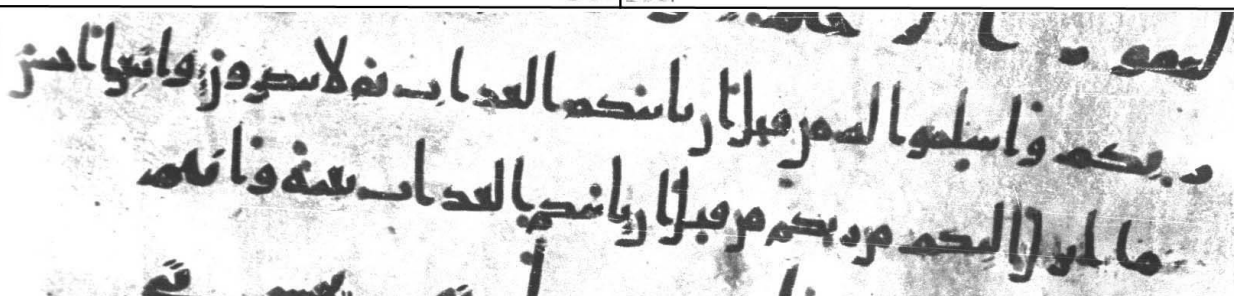
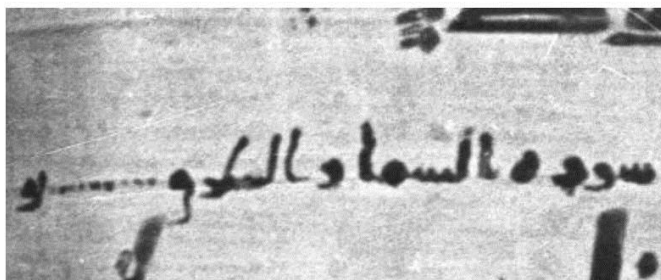

Таблица сопоставления шрифта из рассмотренной и атрибутированной к руке F правки стр. 382 со второй правкой на стр. 421

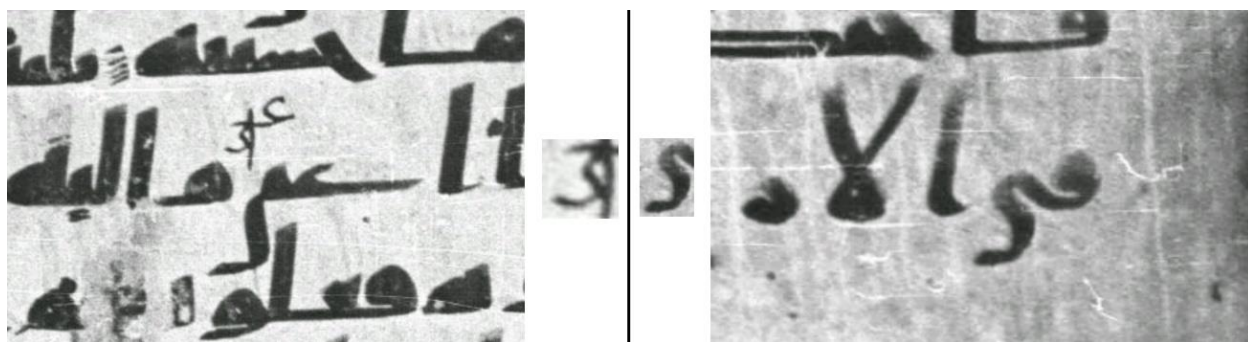
Здесь отчетливо видно написание ряда букв, полностью совпадающее с правкой стр. 382, ранее атрибутированной как рука F. Таким образом, правка стр. 421 также является правкой руки F этого кодекса. Исходя из этого, можно сделать вывод, что исправления ошибок были сделаны еще в момент написания самой рукописи, оставляя неисправленными совсем незначительные орфографические ошибки, не выходящие за рамки 1-2 букв в 20 местах рукописи.

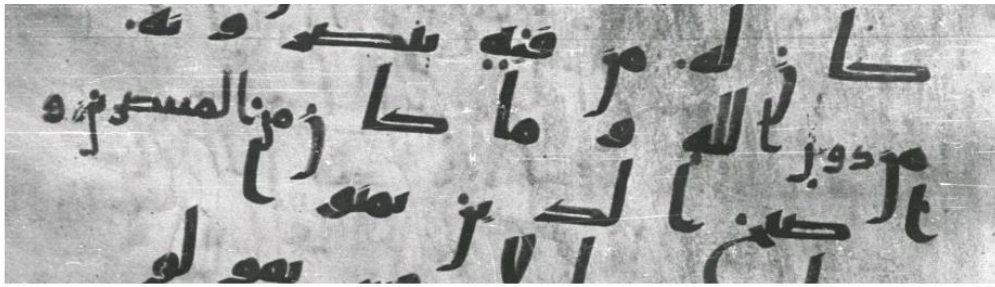
Примечательны также и комментарии руки F перед началом сур в 30 джузе. Они выписаны совсем тонким пером, что указывает на то, что почти все, даже незначительные исправления в этом манускрипте, были сделаны

рукой F. Тем самым, они могут быть датированы периодом, когда рукопись еще не была завершена, относя все правки к первоначальному, предусмотренному тексту. Следует обратить внимание, что этот писец в данном кодексе тонким пером вписывал названия сур в заголовке, а также расставлял порядковый номер согласно нумерологии «абджад», это же встречается в рукописи Arabe 330c, написанной этим же почерком O I.

Ярким примером того, что «тонкие» исправления, отмеченные выше, написаны рукой F, является то, что форма конечного «йа» аналогична форме конечного «йа» руки F.

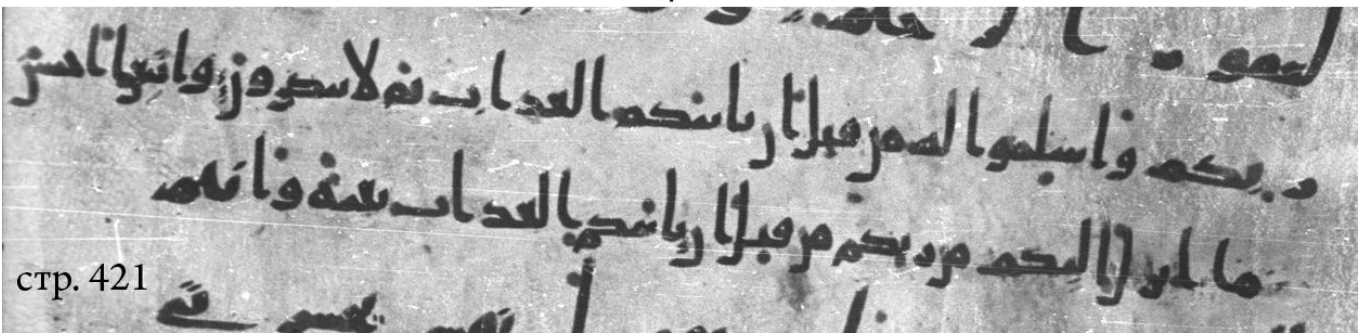

Резюмируя, можно утверждать, что почти все исправления, даже незначительные, являются исправлениями руки F, тем самым относя все исправления к периоду, когда рукопись еще не была завершена. Далее будут приводиться сопоставленные места исправлений с уже идентифицированными примерами исправляющего почерка руки F на странице 421, 382 и других, где представлен обычный почерк руки F.

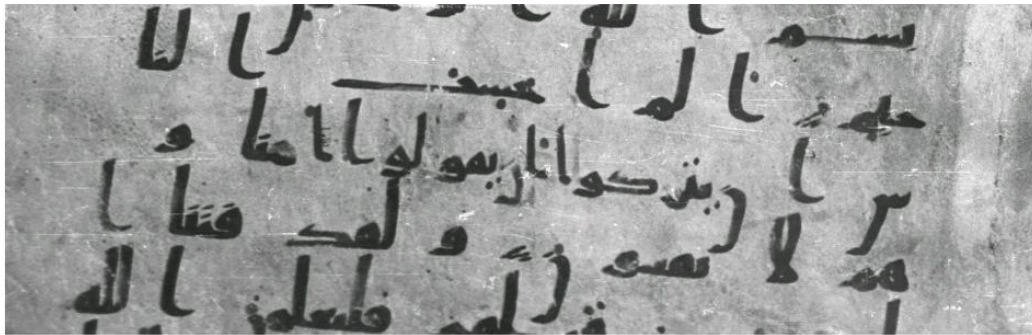

لا
د
و
من

стр. 421

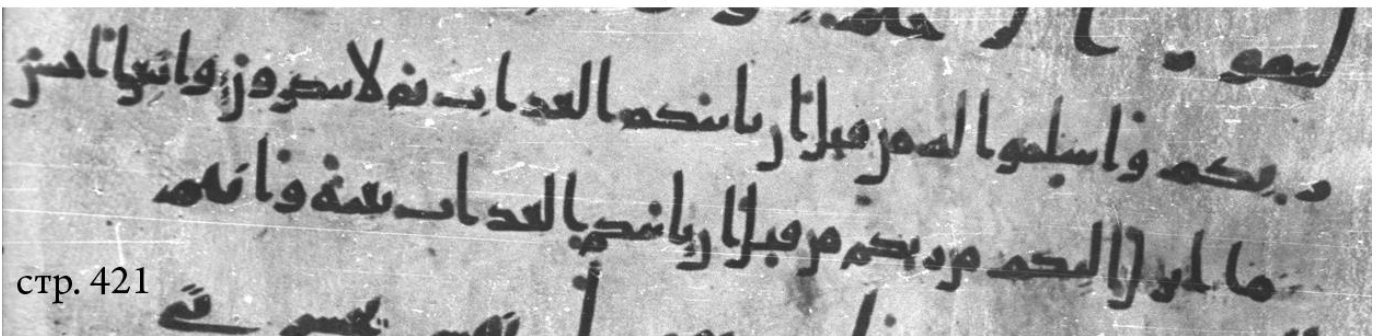

стр. 421

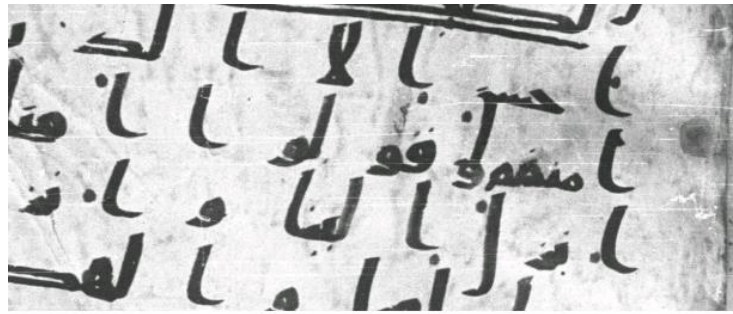

لا
د
و

стр.421

стр. 421

م م | م م
و و | و و

стр.421

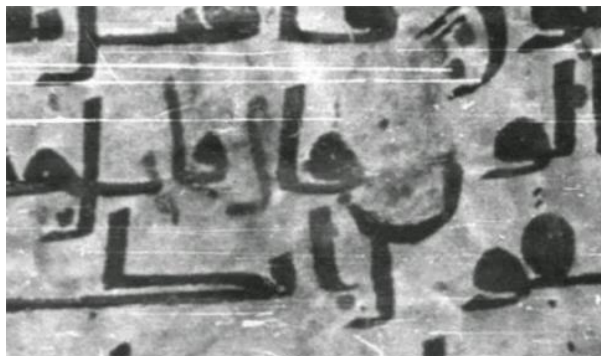
م م | م م

стр. 455

لا لا | لا لا
لا لا | لا لا

стр.421

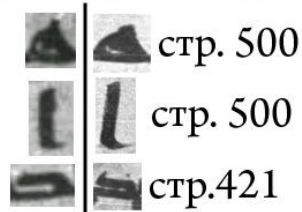

م م | م م
م م | م م

стр.421

م م | م م
م م | م م

стр.376

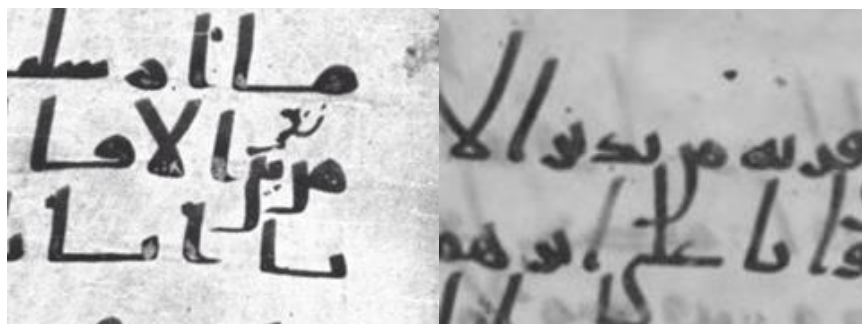

Таким образом, все исправления³¹, имеющиеся в данной рукописи, были внесены в текст тогда, когда рукопись еще не была завершена, относя все эти правки к изначальному, предусмотренному тексту.

Ошибки переписчика

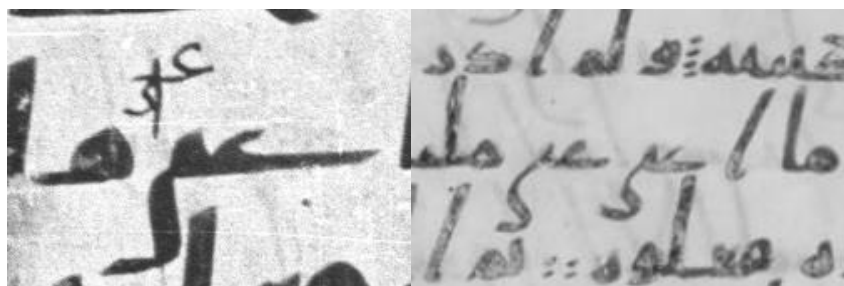
В данном кодексе содержится 21 незначительная орфографическая ошибка. Здесь имеется, пожалуй, в качестве наиболее серьезной ошибки пропуск буквы в 43:23, где пропущена буква ذ в слове نذير изначально была пропущена и ر однако этой же рукой была проставлена над словом. Позже рукой, не относящейся к писцам этого манускрипта, [это единственная правка неоригинальных писцов, хотя возможно это тоже рука F, о чем свидетельствует «тонкий» характер пера], была изначальная буква ر обведена и добавлена перед ней буква ن. Это исправление характерно для шрифта Насх, так как в нем хиджаская буква ر похожа на د шрифта Насх, и если к ней прибавить начальный ن и поставить над ним, а также над د точку, то это даст نذ в таком случае, оставшееся на строке исходное رى дает в шрифте насх - ير

³¹ За исключением одного, о котором будет написано в разделе «Ошибки переписчика», хотя возможно и оно было внесено рукой F

К примеру, в манускрипте Arabe 328b (справа), написанный прим. до 30-40 г.х., нет этой ошибки, показывая, что данное написание является ошибкой орфографической, а не текстуальным различием.

Имеется пропуск слова **عني** в 69:28, но оно вписано и исправлено этим же писцом во время написания самой рукописи, так как конечный **ي** такой же, как и у этого писца. Выше было проведено сравнение типа этих букв с типом «тонких» букв в ремарках и подписях к сурам руки F, которые показали, что это – одна рука. Здесь также отсутствуют диакритические точки, что является присущим этому писцу, ввиду того, что в первом веке они редко ставились. Поэтому, данную исправленную ошибку не мы помещаем в список ошибок этого кодекса, так как она была своевременно исправлена, но приводим здесь ее, чтобы продемонстрировать, что сам характер пропуска является широко известным в науке текстологии. Его причина - гомеотелевтония, это ошибка, возникающая по причине одинакового окончания слов, или строчек, из-за чего писец мог допустить пропуск повторяющегося элемента с таким же окончанием. В данном случае, оба слова пишутся одинаково, за исключением начального алифа в первом слове.

В манускрипте Arabe 328b (справа), написанный прим. до 30-40 г.х., нет этой ошибки, показывая, что данное написание является ошибкой орфографической, а не текстуальным различием.

Этот тип ошибки также отмечен авторитетным текстологом Нового Завета Брюсом Мецгером в его книге «Текстология Нового Завета: Рукописная традиция, возникновение искажений и реконструкция оригинала», где он пишет:

а) Если переписчик копирует текст, где две строки оканчиваются на одни и те же слова или группу слов, а иногда и на одинаковый слог, то его взгляд может перескочить с первой строки на вторую, случайно опустив целый отрывок текста, находящегося между ними. Этим объясняется, например, курьезный вариант чтения Ин 17:15 в Ватиканском кодексе, где опущены слова, заключенные в квадратные скобки: "не молю, чтобы Ты взял их от [мира, но чтобы сохранил их от] зла". Можно предположить, что экземпляр, с которого переписчик делал копию этой рукописи, содержал текст расположенный следующим образом:

..... αὐτοῦς ἐκ τοῦ

κόσμου

..... αὐτοῦς ἐκ τοῦ

πονηροῦ

После того, как переписчик скопировал первую строку, его взгляд возвратился к началу строки 2, а строки 4. Такого рода ошибка носит название *parablepsis* (небрежность, дословно: взгляд в сторону)⁵ и возникает вследствие гомеотелевтонии (*homoeoteleuton*) (одинакового окончания строк).

В различных рукописях можно найти много других примеры пропусков, называемые гаплографией. Так, в Синайском кодексе (К) полностью опущен стих Лк 10:32 из-за того, что это предложение оканчивается тем же самым глаголом ἀντιπαρήλθεν, что и предыдущее (стих 31). В Александрийском кодексе пропущен целый стих 1 Кор 9:2,

Б. Мецгер, описывая рукописи Нового Завета, наглядно показывает текстологические и письменные аспекты, которые представляют древние манускрипты, где он проводит анализ с выявлением «технических» ошибок, отделяя их от преднамеренных.

Далее приводим список простых ошибок в графемах букв:

8:40 в слове المولى написана лишняя ا

9:107 в слове و الذين пропущен و

13:40 в слове و إن пропущен ن

14:14 в слове لمسكنكم пропущен второй ن

15:79 в слове فانتقمنا перепутаны местами م ن

17:21 слово الاخرة при переносе на новую строку повторно написано خر

17:52 в слове ليبتتم пропущен ت

- 17:64 в слове الشيطان пропущен первый ا
- 18:54 в слове الانسان пропущен второй ن
- 20:5 в слове استوى пропущен ت
- 20:14 в слове للذكري - ل то есть - للذكري
- 23:41 в слове فيغدا пропущен غ
- 25:20 в слове اتصبرون пропущен ب
- 30:8 в слове بينهما пропущен م
- 30:13 в словах لهم من в слове لهم пропущен م что возможно, представляет из себя архаичную систему ассимиляции звука, как в примере من ما которое пишется как مما
- 35:27 в слове سود перед د написана лишняя буква, то есть د возможно это د
- 40:58 в слове المسيء касра в мадд муттасыл прописана через ا и завершена хамзой через ى что являлось архаичным правилом орфографии первого века. [не является ошибкой]
- 43:32 в слове معشتهم нет ت
- 48:14 в слове يشاء хамза пишется через ى как говорилось о 40:58 [не является ошибкой, это правило также встречается в 18:77]
- 58:1 в слове تشتكي нет второго ت
- 60:9 в слове تولوهم написан лишним второй ل
- 68:48 в слове هو буква و перепутана на م их графемы в данном хиджазском почерке имеют похожую конечную форму.

Итого 21 орфографическая ошибка, все эти ошибки представлены либо пропуском буквы, либо написанием лишней буквы, либо спутыванием порядка написания двух букв. Что в своей совокупности демонстрирует, что характер этих ошибок незначительный и не влияет на текст Корана. Как об этом писал в своем предварительном докладе исследовавший этот Коран, ранее упомянутый Отто Претцл, утверждая, что в этой рукописи были обнаружены случайные ошибки переписчиков, но **"нет текстуальных отличий"** от официального текста³².

О природе таких ошибок, упомянутым ранее Б. Мецгером в его книге «Текстология Нового Завета: Рукописная традиция, возникновение искажений и реконструкция оригинала», были отмечены критерии, позволяющие такие ошибки в рукописях классифицировать как случайные и непреднамеренные ошибки переписчика. Мецгер пишет:

³² М. Hamidullah, *Khutubat-e-Bahawalpur*, 1401 AH, Islamic University, Bahawalpur (Pakistan), pp. 15-16.

Взаимозаменяли друг друга не только сходно звучащие гласные, но иногда некоторые согласные, как например в Мф 2:6 εκ σοῖ (от тебя) стало εξ οἱ (от кого) в К^о (ср. также Мф 21:19 и Мк 11:14). Подобные замещения происходили и при использовании глагольных форм с одиночными или двойными согласными (например, формы настоящего времени и второго аориста ἐμελλεν и ἐμελεν в Ин 12:6), а также при употреблении совершенно различных, но одинаково звучащих слов (например, ἐγενήθησαν и ἐγενήθησαν в Ин 1:13). Подобное присутствует и в чтении 1 Фее 2:7, где звучание фразы ἐγενήθημεν ἡτιοι (мы были тихие) практически не отличается от ἐγενήθημεν νήτιοι ("мы были детьми", см. ниже с. 227—229).

Курьезную замену согласных можно наблюдать в Откр 15:6, где семь ангелов, описанные как "одетые в чистый блестящий лен" (λίνον), в некоторых ранних рукописях (включая А, С и кодексы Вульгаты) представлены как "одетые в чистый блестящий камень" (λίθον). В Клермонтском кодексе переписчик в Евр 4:11 вместо αλεΐθειας ("непокорности") написал αληθείας ("истины"), что совершенно исказило смысл!

Данная категория ошибок включает разночтения, возникающие в силу того, что в промежуток между обращением к копируемой рукописи и записью увиденного там, держит в своей памяти (иногда ненадежной) предложение или последовательность букв. Этим можно объяснить происхождение многих ошибок, заключающихся в подстановке синонимов, изменении порядка слов и пререстановке букв.

а) Подстановка синонимов может быть показана на следующих примерах: εἶπεν вместо ἐφη; εκ вместо αλό, и наоборот, ευθύς взамен ευθέως, и наоборот, διῆμι вместо διότι; περὶ вместо υπέρ, и наоборот, ομμάτων взамен οφθαλμών.

б) Обычным явлением представляется изменение порядка слов; так, например, три слова πάντες καὶ ἐβαπτίζοντο в Мк 1:5 встречаются в порядке καὶ ἐβαπτίζοντο πάντες, равно как и καὶ πάντες ἐβαπτίζοντο.

в) Перестановка букв в слове иногда приводит к появлению совершенно другого слова, τρκελαβον в Мк 14:65 стало в некоторых рукописях ἐβαλον (εβαλλον в других списках). Такие перестановки в отдельных случаях приводят к совершенной нелепице; так, в Ин 5:39 Иисус говорит о Писаниях: "они свидетельствуют (αἱ μαρτυροῦσαι) о Мне", что переписчиком кодекса Безы было записано как "они согрешают (ἀμαρτάνουσαι) о Мне"!

г) Формулировки некоторых фраз заменялись формулировками из параллельных мест, которые были лучше знакомы переписчику, что может служить объяснением многих изменений в синоптических Евангелиях. Так, в Мф 19:17 ранние рукописи дают чтение "Почему ты спрашиваешь Меня что есть благое? Есть только Один, Кто благ", в более поздних списках эта фраза была приведена в соответствие со словами Иисуса в Мк 10:17 и Лк 18:18 "Почему ты называешь Меня благим? Никто не благ, кроме одного Бога". (Переводчики Библии короля Иакова следовали поздней форме текста Мф). Неоднократно в Посланиях к Колоссянам и к Ефессянам переписчики вводят в одно из этих посланий слова и фразы, принадлежащие, на самом деле к параллельному месту другого послания. Так, например, в Кол 1:14 к предложению "в Котором мы имеем

Таким образом, данные ошибки, в которых перепутаны буквы, либо упущена одна или написана лишняя буква, Б. Мецгер классифицирует как непреднамеренные ошибки переписчика, которые не оказывают влияния на сам текст и не являются преднамеренными. Как видно в приведенном нами списке ошибок, в данной рукописи нет серьезных орфографических ошибок, не говоря уже о текстуальных. Это позволяет сделать вывод, что данная рукопись дает нам слово в слово тот же текст Корана, который имеется сегодня. Более того, данный текст был записан примерно через 50 лет после смерти пророка Мухаммеда, мир ему и благословения Аллаха, и через 25 лет после публикации пророческого Корана халифом Османом ибн Аффаном, да будет доволен им Аллах!

Археологические свидетельства ранней фиксации Корана

В исламе отсутствует такое понятие как *Textus Receptus* Корана³³. Обусловлено это тем, что в отличие от других конфессий, в исламе канонически Писание передается путем заучивания только от учителя к ученику. Таких различных цепочек на сегодняшний день сотни тысяч, которые в свою очередь восходят к семи риваятам - «передачам [текста]». Эти семь риваятов были собраны семью различными имамами-эпонимами самих риваятов: Нафи аль-Мадани (ум. в 785), Абдуллах аль-Макки (ум. в 737), Абу Амр ибн аль-Ала (ум. в 770), Абдуллах аль-Ясриби (ум. в 736), Асим ибн Абу Наджуд (ум. в 744), Хамза ибн Хабиб (ум. в 772), Али аль-Кисаи (ум. в 804), которые в свою очередь получили текст Корана от табиитов и сподвижников пророка, мир ему и благословение Аллаха. Только отучившийся в данной системе человек знает, насколько требовательные условия выставляются для хафиза – человека, выучившего Коран наизусть. Важно не только буквальное запоминание самого текста, но не меньшее внимание отдается расстановке пауз в тексте, растягиванию гласных, на какую долготу удлинять, где удваивать согласные и многое другое, это отдельный

³³ Габриэль Рейнолдс (Gabriel S. Reynolds – профессор востоковедения в университете Нотр Дамм) заявил, что Каирское издание 1924 года, легшее в основу современных изданий, основано на риваятах, а не на манускриптах.

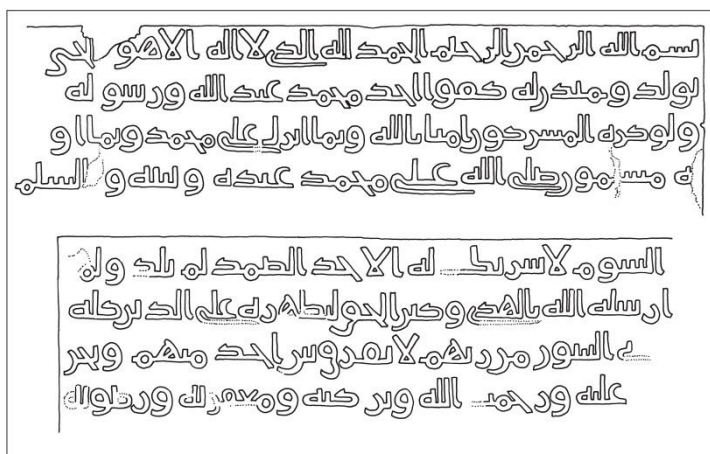
дисциплинарный корпус. Все это в своей совокупности передает не только сугубо сам текст, но и его звучание. На основе этой системы текст Корана передается до сегодняшнего дня. Она, бесспорно, имеет свои преимущества, так как можно детально отследить конкретный путь, по которому Коран дошел до современного человека сквозь века. Отследить какие люди его передавали, кто они, какова их репутация, можно ли им доверять? Такой анализ невозможен с писаниями других религий. Их атрибуция к тому или иному автору является приписываемой, и так и остается сугубо традиционной. Помимо всего, совокупность сотен тысяч цепочек, восходящих через имамов риваятов к пророку, текстуально дают один и тот же текст Корана. Несмотря на то, что цепочки веками разбросаны по всему мусульманскому миру: риваят Варш от Нафи распространен на западе Сахары, риваят Калюн от Нафи – в Ливии, риваят Дури – на юге Судана, Асым – на востоке, от Сирии до Индии, Ибн Закван от Ибн Амира – в горах Йемена. Но в основе своей этот метод передачи текста Корана для стороннего исследователя частично остается в области теории. Где вещественные доказательства наличия в раннюю эпоху этой самой системы? Бесспорно, исследования рукописей Корана I века хиджры, проведенные в последние полвека, дали достаточно большой фактический материал, доказывающий аутентичность системы передачи текста. Такие рукописи как Arabe 328, HS44/32 и многие другие показали, что они написаны в соответствии с различными риваятами, можно даже выделить тенденцию, что в столичном дамасском регионе преобладало чтение в передаче Ибн Амира. Новым свидетельством о ранней фиксации текста Корана в риваят можно назвать мозаичные надписи в мечети Куббат ас Сахра в Иерусалиме. Мечеть строилась в 69-72 годах хиджры, и в ее декорировании были использованы полосы зеленого цвета, на котором золотыми буквами были выложены из смальты различные аяты Корана. Мое внимание привлекла сура 112 написанная на внешней южной стороне октагональной аркады. Существуют различные прорисовки всех надписей этой мечети. Одни из самых известных – прорисовки Кристел Кесслер (Christel Kessler), изданные в 1970 г. в *Journal Of The Royal Asiatic Society*, стр. 2-14. Вторым исследованием в эпиграфике «Купола Скалы» стала работа профессора ориенталистики университета Виктория в Канаде – Маркуса Милврайта (Marcus Milwright). И пожалуй самым ценным материалом являются высококачественные фотоснимки,

выполненные Саидом Нусейбе и опубликованные в книге «The Dome of the Rock» Олега Грабаря. Однако, в формате книги качество фотоснимков остается слабым, в отличие от их цифрового оригинала. При первичном осмотре прорисовки Кесслера мной было замечено несколько странное написание слова كُفُوا Оно было написано без конечного алифа.

سِ سَمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِیْمِ لَا اِلٰهَ اِلَّا اللّٰهُ وَحْدَهُ لَا شَرِکَ
 لَهُ فَارْهَوِ اللّٰهَ اِجْرَ اللّٰهِ الصّٰمِکَ لَمْ یَلٰکْ وَلَمْ یُوَلِّکْ وَلَمْ
 یُکْرِهْکُمْ کُفُوًا یَک مُحَمَّدٌ رَّسُوْلُ اللّٰهِ طَمَّ اللّٰهُ عَلَیْهِ ﴿*

*Прорисовка К. Кесслера, Journal Of The Royal Asiatic Society, стр. 2-14. 1970 г.
 Подчеркнуто отсутствие алифа*

Такое странное написание вызывало двойные подозрения: ошибка Кесслера или ошибка древних мастеров? В ходе исследований я нашел статью Маркуса Милврайта, в которой была его прорисовка медной таблички с выгравированными кораническими цитатами, находящейся на северном входе в Куббат ас Сахра. Я обнаружил ряд ошибок в тексте, которые лишали смысла некоторые слова.

Прорисовка М. Милврайта с медной таблички северного входа

Столь странное написание слов вызвало мой интерес, в ходе которого я обратился к автору статьи М. Милврайту с просьбой в предоставлении более подробной информации о первоисточнике, с которого он снимал копию текста, снимал ли он вживую или с фотографии? Также в письмо я приложил его прорисовку, в которой я исправил ошибочные места красным цветом, с указанием как они должны выглядеть без ошибок.

Исправленная прорисовка М. Милерайта

В его скором ответе он сообщил, что он копировал надпись с фотографии Алана Джорджа, опубликованной в одной из его монографий. И любезно предоставил мне оригинал фотоснимка. На самом снимке текст был полностью правильно выгравированным. Из-за глубоких теней в проблемных местах создавалась иллюзия ошибочного написания. Таким образом, в оригинале надпись на медной табличке была написана без ошибок. Текст ее содержит цитаты из Корана и суру 112: **«Именем Аллаха Милостивого Милосердного, хвала Аллаху, кроме которого нет другого бога, Он Живой, Суший, нет партнера у Него, [Аллах] «Один, [Аллах] Бесконечный, Не родил и не рожден, и нет ничего подобного Ему» 112:1-4. Мухаммад – раб Аллаха и посланник Его, «Послал Аллах его с истинным руководством и религией истинной, дабы превознести ее над всеми [другими] религиями, и даже если это ненавистно язычникам» 9:33. Мы уверовали в Аллаха и в то, что Он ниспослал Мухаммаду, «и то, что было дано пророкам от их Господа, не различаем мы из них ни одного и Ему мы покорны» 2:136. [Пусть] Аллах будет доволен Мухаммадом, Его рабом, Его пророком, и мира ему [Мухаммаду] и милости Аллаха и благодати Его, и прощения Его, и довольства Его».**

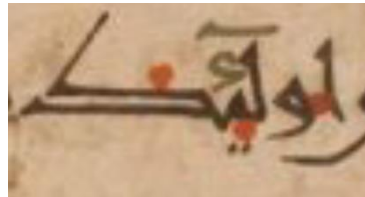
Табличка является современной самой постройке. Благодаря этому материалу, стало возможным дальнейшее и весьма плодотворное общение с профессором М. Милврайтом. На вопрос о том, имеются ли у него оригинальные фотоснимки мозаичных надписей, он ответил отрицательно. Однако указал, что делал свои прорисовки с фотоснимков С. Нусейбе по изданию О. Грабаря. И также предоставил мне свою прорисовку внешней южной стены аркады. Его прорисовка отличалась большей точностью и детализацией по сравнению с прорисовками Кесслера, однако и там отсутствовал алиф. В письме он сам заранее обратил мое внимание на это странное написание слова **كُفُوا**, также попутно указав на нестандартное написание конечного **ك** в слове «*партнер*». Которое, впрочем, широко представлено на омейядских дирхемах на аверсе, представляя в конечном счете лишь каллиграфическую вариацию. Получив и здесь прорисовку текста, в котором отсутствует алиф, я стал понимать, что это написание

оригинальное. К этому времени уже созрело решение приобрести книгу Олега Грабаря, понимая, что в таком деле нужно иметь оригинальные снимки, а не прорисовки. Книга «Купол Скалы» не издавалась с 1996 года, поэтому в книжных магазинах мира ее не было, мне удалось найти издание 1996 года у одного букиниста в США. Приобрести это издание помог мой надежный друг, который всегда в делах ислама оказывает помощь, пусть Аллах примет его благие дела! Через месяц после покупки я наконец смог получить книгу. Фотоснимки, хоть и не совсем четкие ввиду их размера в книге, но вполне ясно демонстрировали отсутствие алифа в этом слове. В ожидании прибытия книги я обратился к фотографу этих надписей – Саиду Нусейбе. На тот момент я уже нашел ответ о написании этого слова. И смог обосновать в своем письме к С. Нусейбе необходимость получения цифрового фотоснимка южной стены с сурой 112. В своем письме я подробно изложил выдвинутую мной причину такого написания. Следует отметить, что фотографии являются авторской собственностью С. Нусейбе, поэтому приобрести их можно только путем выкупа фотоснимков. Ввиду этого, получить их для целей исследования без выкупа не представляется возможным. Однако С. Нусейбе, ознакомившись с моими соображениями, любезно предоставил мне ряд фотоснимков суры 112 в высоком разрешении, за что я премного благодарен ему, так как я наконец смог получить вполне исчерпывающий материал для исследования. Качество снимка настолько хорошее, что можно сосчитать количество кусочков смальты, из которых выложены буквы! Однако, материал им был дан мне лично, без возможности публикации. На фотографии отчетливо видно отсутствие алифа в слове كُفُواً и компоновка букв в строке показывает, что такое написание было предусмотрено заранее, так как расстояние между этим и следующим словом такое маленькое, что невозможно было бы уместить туда алиф. В таком случае действительно мы имеем суру 112 с таким странным написанием. Но действительно ли это ошибка? В ходе исследований этой особенности я обнаружил в индийском издании Корана «كلام الله مجيد بخط الكوفي» заметку на полях, что в риваяте Нафи и Хамзы это слово хамзованное, и в нем не пишется конечный алиф. Также подкрепляет это тафсир Самарканди.

Заметка на полях с разъяснением написания хамзованного слова

Следует отметить, что значок хамзы в первом веке хиджры отсутствовал, хамзованные буквы никак не обозначались, то есть хамза подразумевалась, что относительно недавно подробно указал М. Ван Путтен, обозначив, что самый ранний мусхаф с привычным для нас значком хамзы был написан в 361 году хиджры в Коране Ибн Шадана.

Самый ранний значок хамзы из Корана ибн Шадана, 361 г.х.

Учитывая отсутствие графического оформления хамзы в первом веке, это слово без конечного алифа является ничем иным, как словом с хамзованным «و» по риваяту Нафи и Хамзы. В таком случае в 69 году хиджры был нанесен текст в соответствии с определенным риваятом. И это различие не посредством различия огласовок, а в самой «скелетной» основе слова. Эта особенность написания занимает особое место в свидетельстве ранней фиксации текста согласно риваяту. Нанесение текста происходило в тот период, когда на территории Леванта проживало еще много учеников пророка Мухаммада, мир ему и благословение Аллаха. Последний сподвижник, живший в Дамаске, умер в 83 году, а последний из всех сподвижников пророка умер в 101 году (по другим сообщениям в 110). Учитывая, что сподвижники пророка были особой и уважаемой прослойкой общества, можно смело предположить, что они были приглашены на торжественное открытие этой мечети в 72 году хиджры. И стали свидетелями

и очевидцами этого текста на стенах мечети, тем самым передавая нам засвидетельствованный ими текст Корана, написанный по устной передаче.

Стилометрия Корана: два взгляда

Текстология Корана является предметом многочисленных исследований. Как правило, исследования располагают традиционным материалом: рукописями и историческими сведениями, получаемыми на основе раскопок или летописных сведений, которые анализируются посредством традиционных же научных методов. Но в век компьютерных технологий инновации открыли дверь к совершенно неожиданному и новому методу исследований текста. Существует особая дисциплина – стилометрия³⁴. Она представляет собой разновидность искусственного разума, представленного программным обеспечением, которое на основе различных математических алгоритмов исследует загружаемый текст и выводит в процентном соотношении общий стиль автора текста. Этот метод помогает выяснить, какова типичная для данного автора длина предложения, каковы методы оформления предложений, каков стандартный словарный запас, каковы литературные приемы, с какой частотой он пользуется тем или иным приемом, словом, анализу поддается как словарный запас по отдельности, взаимодействие слов, но также и построение предложений, их длина, оформление и общая стилистика текста. Конечный результат представляет из себя подробнейший результат вычислений, где в числовом виде выводится типичный маркер стиля автора. Применяется это в основном в западных странах в сфере научных исследований, где новая научная работа загружается в стилометрическое программное обеспечение с целью обнаружить в работе плагиат. Точность алгоритмов позволяет вычленивать из текста инородные фразы и предложения, которые автор мог списать из других источников, скрывая это. Стилометрия используется также в юридической экспертизе.

Метод доктора Садеги

В начале XXI века был предпринят ряд исследований текста Корана с применением стилометрии. На сегодняшний день одним из наиболее авторитетных исследований является результат долгих работ талантливого

³⁴ Стилометрия — исследование стилистики, обычно включающее статистический анализ и относящееся к письменному тексту. Обычно стилометрия используется для атрибуции или датировки текста и применяется как в филологии, так и в юридической экспертизе.

ученого, магистра Университета Райза в электротехнике (математической теории управления), доктора наук Принстонского университета – Бехнама Садеги (Behnam Sadeghi) в его работе «Хронология Корана: программа стилометрического исследования», опубликованной в 2011 году³⁵. В исследовании он затрагивает различные вопросы, связанные с кораническим текстом и подробно разбирает все его части. Автор доказывает, что стилометрия позволяет установить не только то, что Коран был написан одним автором, но, что не менее важно, демонстрирует так называемый «стилистический разрыв», который наглядно показывает такое явление как отмена/замена аята, как об этом говорится в самом Коране: **«Когда Мы отменяем или заставляем забыть один аят, то приводим тот, который лучше его, или равный ему»** 2:106. И это в своей совокупности явно демонстрирует скачки стиля параллельно событиям из жизни пророка Мухаммада, мир ему и благословение Аллаха. Ранние суры имеют свои стилистические особенности, а поздние – свои. Таким образом, стилометрия показывает не только то, что автор Корана является одним лицом, но и показывает стилистические «слои» текста, развивавшегося на протяжении 23 лет пророчества. Это позволяет выявить хронологию аятов методами стилометрического соответствия.

Подводя итоги, автор пишет:

There are also implications for the *Sira* literature. It has always been evident that there is a fit between the Prophet's biography in the *Sira* and the Qur'an's style and contents. At the broadest level, the *hijra* divides the Prophet's career into two different periods, a nice fit with the fact that stylistically these periods are distinct. More particularly, there are apparent links between the major events of the Prophet's career and specific passages. The connections are noteworthy enough for the *Sira* to offer a "plausible chronological framework for the revelations".⁶⁷ These connections have normally been exploited to shed light on the chronology of the Qur'an. For example, Bazargan uses them to test and calibrate his chronology. Thus, the flow of information has been more often from the *Sira* to the Qur'an, although one could also have argued for mutual corroboration between the *Sira* and the Qur'an. Now, however, that one is able in some measure to evaluate chronologies of the Qur'an without resort to historical reports, one can reverse the direction of information flow: to the extent that a style-supported chronology fits the *Sira*'s outline, there is independent substantiation of the *Sira*.

«Есть также влияние для сире, жизнеописательной литературы. Всегда было очевидно, что существует совпадение между биографией Пророка и стилем и содержанием Корана. На всех уровнях хиджра делит жизнь Пророка на два разных периода, это хорошо представлено тем, что стилистически эти

³⁵ «The Chronology of the Qur'an: A Stylometric Research Program» опубликованная BRILL *Arabica* 58 (2011) 210-299

периоды различны. В частности, существуют очевидные связи между основными событиями жизни Пророка и конкретными местами текста. Совпадения заслуживают внимания для изучения сиры, чтобы предложить «вероятную хронологическую структуру откровений». Эти соединения используются для того, чтобы пролить свет на хронологию Корана. Например, Базарган использует их для перепроверки и выверки хронологии. Таким образом, прежде поток информации был более обширным из сиры для хронологии Корана, хотя можно было бы также обсуждать взаимное подтверждение сиры и Корана. Теперь, в какой-то мере *можно исследовать хронологию Корана, не прибегая к историческим данным...*»³⁶.

Автор резюмирует свою работу словами:

Implications

Literary sources and manuscript evidence indicate that the Prophet Muḥammad disseminated the contents of the Qur'ān, and that the Caliph 'Uṭmān dispatched master copies of the scripture to several cities.⁶⁵ As a *thought experiment*, however, let us unlearn what we know, imagining that we had come across the Qur'ān not knowing where it came from or who disseminated it. In fact, let us even overlook the semantic contents of the text. What could one conclude about the Qur'ān's composition just from the formal-stylistic patterns observed?

One would conclude that *style backs the hypothesis of one author*. For the sake of argument, suppose there were two authors: let's say *A* wrote Groups 1-11, and *B* wrote 12-22. Then one would have to say that the style of *A* moved along a trajectory towards that of *B*, or that *B* picked up where *A* stopped, with respect to not only verse length, but also frequencies of the most common morphemes and frequencies of uncommon words. It is much easier to imagine a single author. Furthermore, if one assumed three, four, or more authors instead of two, the improbability would increase exponentially. Imagine three authors: author *A* being responsible for Groups {1-5}, *B* for {6-11}, and *C* for {12-22}. Again, one would have to explain why *A*'s style gravitated over time towards that of *B*, not only in terms of verse length, but also in terms of vocabulary usage for high-, medium-, and low-frequency morphemes. Moreover, one would need to explain why the style of *B* forms an intermediate stage between those of *A* and *C* in terms of the various markers of style that have been considered. If one imagined seven authors, one would have to explain why each person's style is between two others not only with respect to verse length, but also with respect to frequent morphemes, medium-frequency morphemes, and unusual words.

«Литературные источники и рукописи свидетельствуют о том, что Пророк Мухаммад распространил содержание Корана, а халиф Осман разослал копии Писания в несколько городов. Как *мысленный эксперимент*, давайте забудем то, что мы знаем о Коране, откуда он взялся и как он распространялся. Давайте по факту взглянем на семантическое содержание

³⁶The Chronology of the Qur'ān, стр. 289

текста. Что можно заключить о композиции Корана только со стороны формально-стилистических наблюдений?

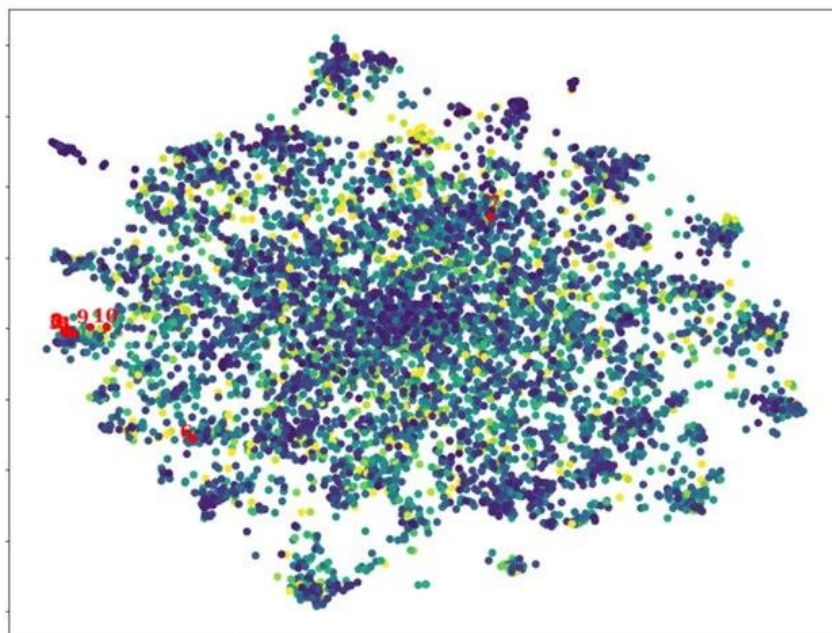
Одно можно заключить, что *стиль поддерживает гипотезу об одном авторе*. Ради аргументации, предположим, что есть два автора: скажем, автор А написал группы 1-11, а автор Б написал 12-22. Тогда нужно сказать, что стиль А перемещается по траектории к траектории Б, или что Б поднялся туда, где А остановился, в отношении не только длины стиха, но и частоты наиболее распространенных морфем и частоты гапакса (*крайне редко используемое слово*). Гораздо проще представить себе одного автора. Кроме того, если предположить трёх, четырёх или более авторов вместо двух, невероятность увеличивалась бы экспоненциально. Представьте три автора: автор А отвечает за группы {1-5}, Б- {6-11}, и С - {12-22}. Опять же, нужно было бы объяснить, почему стиль А тяготел со временем к Б, не только в размерах длины стиха, но и в объемах использования лексики для высоко-, средне- и низкочастотных морфем. Более того, нужно было бы объяснить, почему стиль Б образует промежуточный стиль между теми, что есть в А и С, с точки зрения различных маркеров стиля, которые были рассмотрены. Если представить себе семь авторов, нужно было бы объяснить, почему стиль каждого автора находится между двумя другими не только в отношении длины стиха, но также и в отношении частых морфем, среднечастотных морфем и необычных слов (*гапаксов*)»³⁷.

Метод доктора Сидки

Данная работа стала стимулом для отдельных исследований доктора наук университета Нотр-Дам в химической и биомолекулярной инженерии и магистра прикладной и вычислительной математики и статистики Хайсама Сидки. Автор проделал также различные манипуляции с текстом. Следует отметить его крайне холодный и критический подход, благодаря которому он разложил текст Корана и проводил различные манипуляции с измерениями его структуры, но также он пробовал удалять и искажать части текста, чтобы вывести нарушения «гладкости» стиля. В ходе исследования ему поступали предложения от различных востоковедов, и наиболее критичным и проблемным местом по указанию Гиййома Дийо (Университет Брюсселя) оказался фрагмент текста 23:2-9, где аяты 6-7 выпадали стилистически из ряда аятов 23:2-9, таким образом создавая видимость «разрыва стиля». Хайсам разложил весь текст Корана в виде стилометрического облака точек, в котором каждая группа представляет стилистическое единство. Где-то

³⁷The Chronology of the Qur'ān, стр. 288

группы из большого скопления точек – это большие суры с большим количеством аятов, где-то же скопления меньше – это суры с малым количеством аятов. Разложенная часть текста 23:2-9 показала «разрыв стиля», в котором аяты 6-7 оказались вдалеке от своих «соседей», 2-5...8-9.

Результаты исследования автор публиковал в процессе работы, так что он и сам не знал, к чему придет в итоге. При публикации результатов о «разрыве стиля», мной было замечено то, что данные «выпадающие» аяты состоят в стилистической связке с другими группами аятов из других сур, таким образом, этот факт указал на одно – то, что автором этих аятов является автор других аятов, в группе которых они находятся. Таким образом, данный самый критический момент показал, в конечном счете, одно – автор этого разрыва – автор всего Корана. Но существующий «разрыв стиля» был исследован Б. Садеги, который указал, что разрыв стиля объясняется отменой/заменой аята в позднее время³⁸, что я предложил Хайсаму, с чем он выразил согласие.

³⁸The Chronology of the Qur'ān стр. 287

Также, в конце исследования, Хайсам проверил Коран по технологии skip-gram³⁹. Она показывает наиболее тесные связи между словами в тексте, наиболее частое употребление слов в связке.

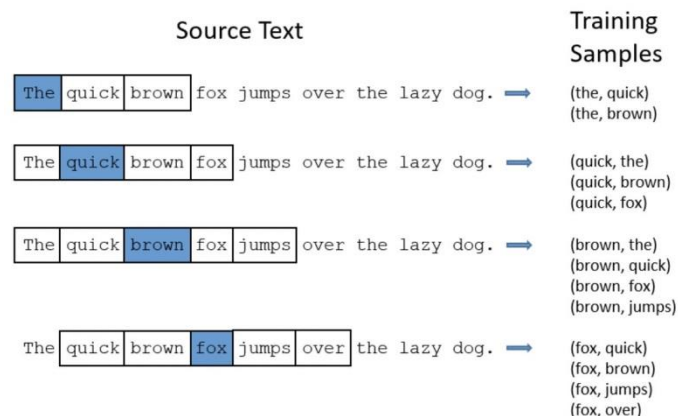

Схема примера принципа skip-gram

Им были составлены различные экспериментальные словосочетания, результаты которых показали, что устойчивые выражения Корана не нарушаются «ложными» вбросами инородных слов.

Пример результата наиболее частой связки к имени «Муса» показал слова «бани», «исраиль» (сыны Израилевы)

```
model.wv.most_similar('muwsaY', topn=2)
[("<isra'iyla", 0.962783932685852), ('baniY', 0.9522520303726196)]
```

³⁹ Архитектура типа Skip-gram использует текущее слово, чтобы предугадывать окружающие его слова.

А для слова «Иса» – «хавариййон» (апостолы)

```
model.wv.most_similar('EiysaY', topn=1)
[('lHawaAriyuwna', 0.9985159635543823)]
```

Для чистоты эксперимента, доктор Сидки прибег к небольшим манипуляциям. Он внес в Коран искажение. В тексте, где вместе встречаются слова «джаннат» (Рай) и «муминун» (верующие) он изменил «муминун» (верующие) на «кафару» («[те, которые] не веруют») и далее сделал то же, что было описано выше: текст с искажениями пропустил через skip-gram, чтобы проверить, будет ли теперь искусственно внесенное слово «кафару» стилистически связанным с «джаннат». Результат его ошеломил, наиболее подходящим словом для «кафару» оказалось – «нар» (Огонь, т.е. Ад). Таким образом, попытка искусственно связать эти два слова дала негативный результат, который показал, что текст Корана не поддавался на внесенные искажения, продемонстрировав, что слово «неверующие», несмотря на искажение, стилистически связано со словом «Огонь», а не Рай.

```
In [80]: model.wv.most_similar(positive=['kafaruwA', 'janat'], negative=['\aAmanuwA'], topn=1)
Out[80]: [('lNaAri', 0.9371703863143921)]
```

А если в связке «шайтан» (сатана) + «адуў» (враг), слово «шайтан» изменить на «Аллах», то получим – «Хаким» (Мудрый). То есть текст Корана, несмотря на вброс, показал устойчивость к искажению, и не подтвердил новую связь слов.

```
model.wv.most_similar(positive=['llahu', 'Eaduw'], negative=['l$ayTanu'], topn=1)
[('lHakiymu', 0.9827228784561157)]
```

В завершение своих разносторонних экспериментов и исследований в области стилометрии, Хайсам подытожил:

don't know, but we have a model we can test! Where does this leave us? Well, I personally find the evidence compelling enough to justify the claim of *predominantly* single authorship.

«Что ж, я лично нашел достаточное доказательство, чтобы оправдать заявление о «преимущественно одном авторе».

Резюмируя, мы можем заключить, что двое независимых ученых, обладающие научной компетенцией и статусом в научном мире, провели ряд исследований Корана с текстологической позиции с использованием новейших технологий. Оба результата совпали. Для текстологии Корана это дает ряд выводов:

1. Автор Корана – один.

2. Это отрицает необоснованные заявления о плагиате Мухаммада цитат из Библии или других книг.

3. Также это отрицает «соавторство» кого-то наравне с основным автором Корана. Опровергая различные беспочвенные домыслы о «двух почерках в Коране», или заявления, будто Мухаммад, мир ему, обращался за помощью к иудеям или христианам, или к поэтам в создании текстов для Корана.

4. Будучи стилистически единым текстом, Коран не имеет инородных текстуальных вставок или искажений, наглядно демонстрируя сохранность первоначального текста.

Эти результаты не есть продукт субъективности человеческого разума, подверженного прихотям и желаниям выдать желаемое за действительное, но результат машинного математического вычисления, в котором отсутствуют желания, амбиции и погрешности. А значит, мы имеем вполне точные и надежные данные.

Эта технология, бесспорно, новый шаг и совершенного нового, высокого качества в науке исследования Корана. Благодаря этой технологии, как вскользь об этом упомянул Б. Садеги, можно стать «современником» становления текста Корана, минуя манускрипты и археологию окунуться в сам текст Корана, стать прямым свидетелем формирования текста. Это дает преимущество перед помехами в виде лакун и фрагментарности манускриптов или неоднозначных исторических сведений, и получить тот Коран, который метафизически существовал во время Мухаммада, мир ему и благословение Аллаха.

Analysis of the Qur'anic manuscripts attributed to the circulation of Caliph 'Uthman

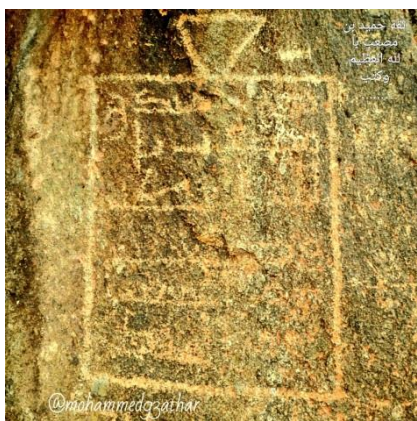
The historical concept "Uthman's circulation" is paramount importance for the more than 1.5 billion Muslim world. And this importance is not limited only to the framework of the Muslim world, since the Muslim civilization itself, based primarily on the Qur'an, made a significant contribution to the universal human heritage. The theme of the 'Uthman's Qur'an was touched upon, one way or another, in the works of many historians and religious figures. Perhaps, since the establishment of the Abbasid state, or even earlier, attempts to identify the manuscripts and attribute them to the legendary circulation of the companions have been made. An objective analysis of the problem would allow the Muslim world to find a connecting link as a legendary codex, which would be the reason and opportunity for the union and consolidation of such a fragmented and seething Islamic world of today. Muslim traditions - *Hadith* and *Athar* - fixed with a high degree of accuracy a detailed history of compiling the Qur'an into a single codex. The very existence of the codex as such during the life of the Prophet Muhammad, peace be upon him, is affirmed by a large number of hadiths, in which appears the aspect of the written fixation of the revelations on solid media.

The materials described in Hadith are widely represented. These are palm leaves, cloth, boards, parchment, ostracons, bones, rubble and much more. Various archaeological finds, which are some of the types of materials listed above, containing Qur'anic verses, can serve as material evidence of this. From the paleographic point of view, it is possible to draw a conclusion about their early origin. In some, the rudimentary method of writing the final "Dal", "Waw", medial "Qaf" and other letters, the same as in the Nabatean alphabet, which is the forerunner of the Arabic alphabet, is clearly visible. This fact may indicate that these verses could have been written really before the formation of the Caliphate of the Righteous Caliphs, and belong to a very early period of the Islamic state, since there is a sufficient amount of written material from the period of the Abu-Bakr and Omar's caliphate, where the classical for the of the Islamic era first jazm font, already with no Nabatean elements, has been clearly formed.

As a rule, due to their small size, the content of the Qur'anic ayahs in them is very brief and isolated, no more than 3-4 ayahs, but unfortunately most of them are still hidden in regional museums of Saudi Arabia, and partly Jordan, without the possibility of wide demonstrations.

One cannot take no notice of the sad event of the time of the first campaigns of the ibn Abdulwahhab's movement on the Hejaz, where, during the conquest of Mecca by the troops of Muhammad ibn Abdul Wahhab, the Meccan library of manuscripts was burned. It reportedly contained private letters from the Companions, a large number of ancient manuscripts, and even fragments of broken idols from the Jahiliyah period. Preservation of this library would give today much more material than the famous discovered repository of the manuscript in Jami al-Kabir in Sana'a.

As for writing on wooden boards, there are a number of hadith in which is mentioned the writing of the Quran on the boards during the life of the prophet, peace be upon him - Transmitted from Zeid ibn Thabit: **“Once, when we sat near the Messenger of Allah, peace be upon him and Allah’s blessings , writing the Quran on the (wooden) boards ... ”**⁴⁰. With regard to this case, there is a very interesting find, demonstrating the presence of wooden plates in the early era, which are now widely distributed in the countries of the Maghreb - the center of the Maliki madhhab, the foundation of which is *“A'mal Ahl al-Medina”* - *“deeds of the people of Medina”* a tradition of manufacture of which could appear in the Maghreb from the Prophetic Medina. In Saudi Arabia, rock carvings of the first and second centuries of the Hijra were found in various parts of the country, which were ornamented in

a rectangle with a handle at the top - a form identical to the wooden tablets of the current Maghreb's Quran. In this case, it is tempting to think that the rock-painting of the wooden tablet is a sample of those wooden boards on which the verses of the Qur'an were applied by the associates. In this case, the Hadith, telling about the writing of the Quran on the boards, become embodied in a specific historical monument.

⁴⁰ Al-Hakim, Mustadrak 2828

In this series, as an example of early written monuments, parchment sheets can also be presented, which are fundamentally different in production from the type of sheets commonly used in preserved Qur'anic codices stored in the vaults of the Topkapi Museum in Istanbul, containing separate surahs from the Qur'an that belong to the museum from time of the Companions. They

represent about the same type of design and writing, as the famous letters of the Prophet Muhammad, peace be upon him, which were met ambiguously in the research world. About them wrote recognized authority in the Qur'anistic - Salahuddin Munajjid in his "*Dirasat*". He states that, despite the disagreement among researchers regarding the authenticity of these letters, paleographically, they date back to the beginning of the first century of Hijra, reproaching Orientalists for their poor knowledge of historical sources and the chronological development of Arabic writing, he wrote: "**There is no doubt that some letters that reached to this day are authentic**". Thus, this single paleographic type font of the sheets of the Topkapi Museum he dates from the beginning of the first century AH. This type also clearly represents a number of analogies of archaic letter forms with the alphabet of the Nabataeans, albeit to a lesser degree than ostracons and bones. These sheets are remarkable for their textual abundance untypical for such early written monument. They can occur from two sources. Either it is part of the collection of relics from the mosque of the Prophet in Medina, that were collected by the Mamluk Sultan Kait Bey during the big reconstruction of the mosque, by the way, during which the famous dome was builded over the prophet's room, peace be upon him, and then were

seized by the Ottoman Sultan Yavuz Sultan Selim in the capture of Cairo. Or they could come from the Umayyad mosque in Damascus, in the so-called Şam Evrakı Koleksiyonu, that is, the “Levant Sheets Collections” - collections of about two hundred and fifty thousand sheets of ancient manuscripts of the first centuries of the Qur’an, stored in the vaults of the Topkapi museum⁴¹. From literary sources, however, it becomes known that the recording of the Quran on sheets of parchment has been already widespread in the early Meccan period, the evidence of this fact is depicted in the famous story about the adoption of Islam by Omar ibn al Khattab: **“... give me the scroll that you have for me to read him. To this his sister said: Verily, you are unclean, and only clean ones can touch it, go and wash! And Omar made a complete ablution, and then picked up a scroll and read.”** Separate, unfortunately, not yet causing the attention of scientists, a rich source of early texts that can give as well as textual finds, and paleographic, are rock inscriptions. Just recently, in May 2017, in Saudi Arabia, not far from the Medina, a group of autographic rock inscriptions was found. The inscriptions were left by two brothers of the famous Companion, the interpreter of the Quran - Abdullah ibn Abbas - Fadl and Tamam ibn Abbas, who were the cousins of the Prophet Muhammad, peace be upon him. Both inscriptions can be dated back to the period of the twelfth year of the Hijra, since, according to one of the opinions, Fadl ibn

Abbas died in Palestine, in the days of the Abu Bakr’s Caliphate, as reported by the well-known Hadith expert Yahya ibn Ma’in. Both inscriptions can give sufficient paleographic material for its further use in dating. In addition to these, there is a large number of rock inscriptions from the first half of the first century of the Hijra containing the date of the inscription, which is invaluable for compiling paleographic specimens of fonts with a hard chronological reference. By the way, what is especially noteworthy is the autographs

of the famous persons of Islam of the first century - the companions and tabiins. At

⁴¹ Francois Deroche

the moment, there are two autographs of the Caliph Omar Ibn al Khattab. About one of them, that in Najran, epigraphic research F. Imbert, the head of the Franco-Saudi writes: **“Generally, signatures of this type, when they are accompanied by no eulogy, title or invocation, tend to be considered an autograph affixed by their author.”**⁴² All

this in aggregate is the richest layer of written material, suggesting several conclusions at once. The first is the presence and prevalence of writing in Muslim society of the Prophet Muhammad, peace be upon him, which is also confirmed by the Hadith. For example, a non-Muslim prisoner of war could free himself from captivity if he taught several Muslims to read and write. The second, and most important, is the presence of the Qur’anic writing fixation, widely represented both on rock inscriptions and on bones, ostracons and parchment, which indicates that writing the Qur’an on a carrier was common at the beginning of the first century of the AH. And the third one is the paleographic features of the early inscriptions, which make it possible to revise the principle of using fonts and dividing them according to the principle of “*charter*” and “*cursive*”. The principle, which clearly demonstrates this gradation, can be represented by the ancient Egyptian letter of the Greco-Roman period. Monumental hieroglyphics were predominantly official type, cursive *hieratics* were businesslike, and completely simplified *demotic* was used for everyday needs. Exactly this observation makes it possible to revise the dating of a number of manuscripts with its transfer to an earlier date.

The above aspects in their totality give a quite clear overall picture of the state of writing and, most importantly, the written Qur’anic fixation at the beginning of the first century of the Hijra. In the light of all this, the Hadith, which clearly mentions that the Qur’an was entirely collected during the lifetime of the Prophet Muhammad, peace be upon him, look quite natural. For example, Ibn Hajar al-Askalani in Fath-ul-Bari reports from Anas ibn Malik, a close associate of the prophet, peace be upon him, **“Qatada asked Anas ibn Malik:“ Who gathered the Quran during the life of the Messenger of Allah? He replied: “Four, and they were all from among the Ansars. It was Ubayy ibn Kaab, Muadh ibn Jabal, Zeid ibn Thabit and Abu Zeid. ”** Each of these associates had a high status and reputation. The Prophet Muhammad himself, peace be upon him, said that if you wish to learn the Quran, then you teach it from Ubayy ibn Kaab.

⁴² F. Imbert, "Graffiti Arabes De Cnide Et De Kos: Premières Traces Épigraphiques De La Conquête Musulmane En Mer Égée", *Travaux Et Mémoires*, 2013, Volume 17, pp. 757

And Zeid ibn Sabit was the personal secretary of the prophet, peace be upon him, a man to whom the prophet Muhammad entrusted to record Qur'anic revelations. Thus, we see that the text of the Quran was fully compiled in written form during the lifetime of the Prophet Muhammad, peace be upon him, among some of the most eminent and trustworthy companions. And this conclusion does not look any strained, in view of the large written material dated to the period of the life of the Prophet Muhammad or the period of the caliphate of Abu Bakr and Omar. Also in other hadiths, the description of the codex of the Quran appears - **“So that no one touches the Quran, except to perform the ablution”**⁴³, or for example: **“Do not travel with the Qur'an in hand, because I am afraid that enemies will take it”**⁴⁴.

Additional argument of early fixation of the Qur'anic text can be manuscripts and Sanaa DAM 1-27.1, as well as some others. Regarding the manuscript MS. Mingana 1572a, the discovery connected with it caused a worldwide resonance. Even purely regional news agencies did not pass by the news about this manuscript. Italian orientalist Alba Fedeli, working in the manuscript archives of the University of Birmingham, drew attention to several pages of this manuscript. During the work with this manuscript, his radiocarbon dating was carried out at Oxford University, the results of which showed that this manuscript was written at 96% between the year 54 AH and 23 year after the AH. That is, on average, the writing of this manuscript falls on the period of the life of the Prophet Muhammad himself, peace be upon him, as said David Thomas, the head of radiocarbon analysis, - **“The person who wrote this text could have known the Prophet. Perhaps he saw him and heard his sermons. He could even personally know Muhammad. Even the very thought of it fascinates.”**

This manuscript is divided into two collections. Two sheets are stored at the University of Birmingham, and the remaining fourteen are stored in the National Library of France under the number Arabe 328c. It contains fragments of surahs "Yunus", "Hud", "Kahf", "Maryam", "Ta-ha", "al-Anbiya". It is textually the same as 'Uthman's edition. This early written monument, giving 32 pages of the

⁴³ Muwattah

⁴⁴ Sahih Muslim

Qur'anic text of the time of the Prophet Muhammad or the first caliphs, clearly demonstrates the presence of the Qur'anic codexes in the life of the Prophet Muhammad and the early caliphate of the companions.

The second manuscript, at all its intriguing history, gives a very unexpected conclusion. This manuscript was discovered quite by accident, after a major downpour that eroded the roof of Jami al Kabir in Sana'a, which was laid during the life of the Prophet Muhammad, peace be upon him, by his command by an associate Wabr ibn al-Yuhannas al-Khuza'i. In 1965, after the above-mentioned rainfall, the restoration works of the mosque and the reconstruction of the eroded parts of the building started. During the restoration work of the roof of the eastern library, more than fifteen thousand sheets of Qur'anic manuscripts of the first four

centuries were found between the layers of reed and palm leaves. Among them, the manuscript under the number San'a DAM 1-27.1 caused the greatest interest. Its peculiarity is that this manuscript is a palimpsest, that is, sheets of parchment were used twice, by flushing the first text to clean the sheets and preparing to apply the new text. It was the lower, early layer that attracted the attention of Orientalists. The conclusions obtained while working on this manuscript became a big reason for various speculations on the part of journalists, who, unfortunately, thoughtlessly

began to spread information that this lower layer of text differs from the classic text of the Quran, playing with the presentation of the material, leading the reader to the idea about the deliberate distortions of Scripture.

Since the beginning of the research of this manuscript by Professor Gerd Puin in 1980, a great amount of time has passed, which was necessary for scientific research to give any serious results. The scientific work of Behnam Sadeghi and Mohsen Godarzi from Harvard and Stanford universities became such result. In a detailed study, they established the fact that the differences of the lower layer of this palimpsest are nothing more than the reading of the associates of Ubayy ibn Kaab, 'Abdullah ibn Mas'ud and others, the legend of which was recorded and preserved in such books as "*Kitab al Masahif*" ibn Abi Dawud, "*Itqan fi 'ulum al Quran*" Suyuti and others. Given that the radiocarbon dating of this manuscript gave a variation on the writing of this text by 95% between 44 AH and 47 AH, it is tempting to think that the text recorded on these sheets could have been written during the lifetime of these companions, and was alternately recorded from both

the one and the other. If this assumption is true, then we are dealing with another codex recorded during the life of the Prophet Muhammad, peace be upon him, or during the Caliphate of Abu Bakr and Omar. This idea is also supported by Behnam Sadehi, who studied the radiocarbon analysis of this manuscript, and openly suggested dating the lower layer to the period of the Companions of the Prophet Muhammad, peace be upon him. Thus, the authors of the study themselves clearly confirm the strength of the Muslim Hadith and Athar, which, until recently, were presented only as a literary legend, and with the advent of archaeological finds like this codex, this legend gains the strength of a scientific, archaeological artifact, which is what the researchers people themselves say:

"C-1 (*Sanaa DAM 1-27.1*, they proposed the numeration C-1, that mean "Companion – 1", having in mind that the text was written by companions) confirms the reliability of much of what has been reported about the other Companion codices not only because it shares some variants with them, but also because its variants are of the same kinds as those reported for those codices. There are additions, omissions, transpositions, and substitutions of entire words and sub-word elements (morphemes). A large number of these variants involve "minor" elements of language such as suffixes, prefixes, prepositions, and pronouns. Many variants involve changes of person, tense, mood, or voice (passive or active), or the use of different words having the same root. Furthermore, the variants in C-1 and other Companion codices richly display the phenomena of assimilation of parallels – whereby a scribe's writing of a verse is affected by his or her memory of a similar verse elsewhere in the Qur'ān – and assimilation of nearby terms, whereby a scribe's writing is influenced by nearby expressions. The fact that all these features are found both in the codex of Ibn Mas'ūd, as described by al-A'mash, and in C-1 establishes that the literary sources preserve information about codices that actually existed. The question remains whether these real codices originated at the time of the Companions, which is what early Muslims recalled. A positive answer to this question is supported by textual criticism, as described above, which assigns the beginning of the C-1 text type to the period before the spread of the standard text type, that is, before ca. AD 650. In sum, the "Companion" codices indeed existed at the time of the Companions, as the literary sources maintain."⁴⁵

The fact that the Quran was recorded during the period of the Companions can be considered established. However, the question arises, which generates a

⁴⁵ Ṣan'ā' 1 and the Origins of the Qur'ān. pp. 20

wave of misunderstanding - why in this early codex there are the very differences that were inherent in reading certain associates. In other words, why there were some separate readings of the Companions of the Prophet Muhammad, peace be upon him. The answer is in fact obvious in the Quran itself: **“When We cancel or forget one verse, we give the one that is better than it or equal to it”** 2: 106.

Quran - Scripture, that was sent down in parts. These parts were completely different in size and content, and the sending was not systematized into some sequence or chronology. For example, the first five ayats that were sent down to the prophet Muhammad, peace be upon him, on Mount Nur, in the Quran were to be the first five ayahs of 96 surah, while they are chronologically the first. The following verses that were sent to him when he got home are now in surah number 74, although in chronological order they come as number two. Sending portions of the Qur'an could represent both an entire lengthy narrative and just a couple of verses. Totally Quran sent down for twenty-three years. Scripture was overgrown with revelations throughout the period of the prophecy of the Prophet Muhammad, peace be upon him. New verses appeared, and old ones were canceled and dropped out of the text of Scripture. For twenty-three years, the Quran dynamically grew and changed. Thus, the Qur'an, as it was, for example, in the fifth year of prophecy was significantly different from the Quran, as it was in the twentieth year of prophecy, although this and that one are still the same Quran, under the control of the Prophet Muhammad, peace be upon him. It is this important aspect that makes it possible to shed light on the textual problems of the early codices. Therefore, those readings that the Companions could teach, even if directly from the prophet, for example, in the eighteenth year of prophecy, ultimately, in the last twenty-third year of prophecy, without undergoing all those abolition of ayahs and their replacements that occurred with the Quran over the years, could no longer be the final, complete text of the Quran. Hence, the discrepancies of the Companions, which are transmitted in Athar, and which are represented by some manuscripts, like Sanaa DAM 1-27.1, originate.

This explains the well-known inaccessibility of Abdullah ibn Mas'ud on the issue of muawidhatayn. He learned directly from the prophet about eighty surah, being a muhajir, he taught a lot in the Meccan period, and with the release of 'Uthman's circulation he did not agree with the placement of the muawidhatayn in the codex. But with the arrival of *Ijma of Sahabs*, he abandoned his opinion, as says Muhammad Bakhit al Muti, an expert of the Rivayahs of the Qur'an. The story is also reflected by Imam Bukhari in his *“Sahih”* - **“reports Asym (Kufi) from Zarr ibn Khubaysh (Ibn Masud reading transmitter), who said: “I asked Ubayy ibn Kaab, I said: O Abu Mundhir, your brother Ibn Masoud reads so**

and so. And Ubayy answered: I asked (about this) the Messenger of Allah, peace and blessings of Allah be upon him, and he said to me - “read to me”, and I read. And we read as the Messenger of Allah read, peace and blessings be upon him.”⁴⁶ Here we see that the features of the reading of Ibn Mas’ud are not the final reading of the prophet, peace be upon him.

This clarifies the issue with the canon of Ibn Mas’ud and his features, and the nature of the differences between the companions. Thus, we see that the Qur'an in large volume was fixed on solid carriers during the life of the Prophet Muhammad, peace be upon him, and in the early caliphate of the companions.

In the light of the explained problematics of the separate readings of the Companions, it becomes clear that the textually correct and complete text of the Quran could be presented only by the text left by the prophet at the time of his death. From the Hadith it becomes clear that in the year of the death of the prophet, peace be upon him, the presentation of the Qur’an to the angel Jibril occurred twice. Thus, the final divine edition the text was checked twice, and with the death of the Prophet Muhammad, peace be upon him, the same year the sending of the Holy Book was completed.

As mentioned earlier, several *Ansars* had a fully assembled text of the Quran during the lifetime of the Prophet Muhammad, peace be upon him. And among them was Zeid ibn Thabit - the secretary of the prophet, responsible for the written fixation of the sent ayahs of the Qur’an. Eleven months after the death of the Prophet Muhammad, peace be upon him, in Ramadan the eleventh year of Hijra, in the battle of Yamamah, Abu Bakr and Omar, make Zeid ibn Thabit responsible for of the Qur’an, left by the prophet in the integral codex. As a result, the principle of collecting the text together was developed, in which the necessary conditions were: first - the presence of the recorded Quran on the carrier, which was supposed to be provided by companions who had something recorded from the Quran, the second - to reinforce the originality of the written fragments by at least two witnesses with clear reputation for accepting their testimony. What Ibn Abi Daud reports in the *Kitab al-Masahif*: **“Omar stood up and said: “Let everyone who has heard from the Messenger of Allah come something from the Qur’an!” People had records made on sheets, boards, and bare palm branches, but he did not accept them until they were confirmed by two testimonies.**” And this is in addition to the fact that the commission itself consisting of the Companions, and Omar and Zeid knew the Quran by heart, as well as Zeid, mentioned earlier had the whole Quran , with which he also checked - **“After that, I set to work and began**

⁴⁶ Sahih Bukhari 4693

to collect the Quran from (“things that were with me and others ”- *Ibn Hajar, Fath ul-Bari*) recorded on pieces of cloth, date-tree leaves and flat stones, and also from Qur’an scholars who knew it in mind”⁴⁷. The whole Quran under the Prophet Muhammad, peace be upon him, was a collection of a large number of different written material, which Zeid listed above, with the first verses written on it. Systematization of them was not required during the life of the prophet, since the sending of ayahs continued, and as it is known new ayahs could be placed in any specified place in the surah, thereby breaking the order established earlier. The Qur’an itself, which was kept by Zayd, who, moreover, was on the final presentation of the Qur'an, was recorded under the Prophet Muhammad and was personally verified by him: **“I (*Zayd*) took a scapula or a piece of cloth and started writing what he (*the prophet*) dictated to me When I finished, he said “Read!” - and I read to him what was written. If there was a flaw, he corrected it, and then showed it to people.”⁴⁸** Thus, the first complete final codex was compiled with the revelations of the Qur'an. This codex was kept by Abu Bakr. Then, after his death, he passed on to Omar Ibn al-Khattab, and with the death of Omar, he remained with his daughter Hafsa. This codex is called the *Abu Bakr Scrolls*. Then, with the death of Omar Ibn al Khattab, ‘Uthman Ibn Affan came to power, under which Omar’s foreign policy continued. The military front of the Muslim army began to move farther from Arabia, capturing all new regions. And at that time raised a problem, which predetermined further actions to preserve the text of the Quran. The previously mentioned problems of personal, separate readings of the Companions, during the reign of ‘Uthman, let know about itself at the first time at a broad level. With the expansion of hostilities in the north and east, in these regions appeared Muslims from the local population , and a new generation of Muslims began to grow up, getting the general name "Tabi’ins". Naturally, being already people of another generation, they did not know all the features of sending the Qur'an, that were known to the companions - eyewitnesses of the sending of Holy Scripture. And in their readings, the Muslims of each region followed the associate who was sent to this region to train people of religion. Thus, the Muslims of the Levant followed the reading of Ubayy ibn Kaab, while the Muslims of Iraq followed the reading of Abdullah ibn Mas’ud. As it was already mentioned earlier, the discrepancies that existed between the Companions were also intensified by the dialects in which the Quran was sent with the advent of the relocation era - Hijra.

⁴⁷ Sahih Bukhari 4701

⁴⁸ Tabarani 1, pp.156

Prior to the resettlement, the Qur'an was sent down only in the dialect of the Quraish tribe, but with the entry of representatives of other tribes into Islam, the Qur'an began to be sent in the other dialects of the Arabic language. During the life of the Prophet Muhammad, peace be upon him, occurred the wellknown case when Qurayshi Omar ibn al Khattab heard an associate from another tribe reading Surah "*Furqan*" not the same way as he taught it from the prophet, peace be upon him. This provoked the wrath of Omar, who prompted him to turn to the prophet with the man to find out the nature of the discrepancy. To this the prophet told Omar that the surah was sent down so and so, and that the Quran was sent down in seven readings. Nevertheless, the combination of the above aspects of the discrepancy led to the fact that the new generation of Muslims was confronted with the situation when with the unification of northern and eastern fronts, lining up for common collective prayer, Muslims of one of the two regions heard such a reading of the Qur'an, that they were not taught. Failure to understand the reasons for the discrepancies led to extremes, when some muslims went so far as to accuse the opposite side of unbelief. All this happened on the outskirts of the caliphate, far from the quiet Medina. The associate of the prophet Hudhayfa ibn al Yaman, being in the depths of distemper, found it necessary to urgently report to the caliph about the problem. Reaching Medina, he went to the Caliph 'Uthman and delivered his famous speech, in which he called on the Caliph to take measures to preserve the Quran, until the Scriptures suffered the same fate that befell the Torah and the Gospel. Realizing the importance, the Caliph assembled a commission, as reported by Ibn Hajar al-Asqalani, consisting of twelve people, headed by the same secretary of the Prophet Muhammad - Zeid ibn Thabit.

According to Athar, it becomes clear that Zeid was elected, among other things, for his good handwriting, as when selecting candidates 'Uthman asked the question "*who writes the best*"? To this he was told that among the twelve thousand people of Medina of that time, Zeid was the best. This feature, a casual skipping detail, today gives a clue to attempts at attribution or search for the Quran 'Uthman, written in Zeid's neat handwriting. In addition to him, the commission also included Ubayy ibn Kaab - an associate who knew the Quran best of all by heart, his duty was to dictate the text to be written, as well as to keep track of what was written. Said ibn al As - the best of the companions connoisseur of inflection, he followed the spelling correctness of recorded with Abdurrahman ibn al Harith. Thus, 'Uthman assembled a large commission of the most skillful masters of his craft in order to release the circulation of the Prophet's Quran, peace be upon him, which was collected by Abu Bakr and was now kept by Hafsa.

Khalif 'Uthman wrote a letter to Hafsa, in which he asked to give out for a while the Qur'an, kept with her, to make copies, and after finishing the works, returned her back. She issued it to the commission, and the replication began, according to some opinions, it was 25 AH. The commission needed to issue about 5 codices. There are different opinions about the number of Qur'ans. The minimal is five codices: in Kufa, in Basra, in the Levant, one in Medina and one to the Caliph. But the largest number is seven - with the addition of Mecca and Yemen.

After completing the work of replicating the Quran, the original was returned to Hafsa bint Omar, and it remained with her until her death in '39 AH. With the formation of the caliphate of Mu'awiyah, Marwan ibn al Hakam became the regent of Medina, who by virtue of his authority demanded to receive the Qur'an Hafsa. After receiving it, he carefully studied the manuscript. According to the most famous opinion burned it. According to other opinions, he tore it, and it is also reported that he washed it. He did so because this prototype did not have the correct location of the surahs in their established order, as reported by an authoritative researcher in the field of Qur'anistic Abdul Azim az Zurkani. Since the collection of this codex during the rule of Abu Bakr, only ayahs were collected in their correct order within the surahs, but the surahs themselves were not arranged in order. Thus, this early codex was removed and destroyed to prevent misunderstanding by subsequent generations of Muslims, who could argue that this "working" order of surahs is canonical.

In the light of the known, it becomes clear that the direct representative of the prophetic Quran is the edition of 'Uthman, in which the correctness of the location of the ayahs in the suras and the arrangement of the suras in their correct order established in the prophetic Quran were also taken into account. To date, a sufficiently large number of ancient Qur'ans or their fragments dating from the first century of the Hijra have been preserved. Their abundance makes it possible to search among them a manuscript, which according to its characteristics may turn out to be one of the five Qur'ans of 'Uthman.

It is known that in the first century of the Hijra - at the dawn of the formation of Islamic civilization, the value of the Qur'an could reach a fortune. Even in the already economically developed period of the Umayyads, according to Taqi ad Din al Makrizi, the cost of a handwritten parchment Quran, second-hand, reached thousands of dinars⁴⁹. Dinar in the Umayyad era was minted only in the metropolitan mint - Damascus, and their weight was strictly controlled and reached 4.2 grams. Taking into account that it had a high gold content, the approximate

⁴⁹ 4 المواعظ والاعتبار بذكر الخطط والآثار pp. 19

cost of the Qur'an codex in the era of Caliph Abdul Malik ibn Marwan could reach one hundred and sixty-four thousand US dollars.

This financial aspect makes it possible, first of all, to understand the value of the Qur'an and, accordingly, relation to it, and hence the proper care and storage of it. It is this aspect that suggests that the Qur'an, in addition to its spiritual value, also has quite material value, should have been preserved and preserved like today personal items of similar value are saved. Accordingly, in the first centuries of the hijra it was unlikely to allow the negligent disappearance of a Qur'an of such value. Moreover, the attitude to the Caliph Quran 'Uthman, which is the benchmark and copy model, should have been at a higher level.

All this, in turn, suggests that the probability of preserving this codex or even a few of copies is rather high. On the other hand, there are reports of late Arab historians that they saw the Qurans of 'Uthman in different parts of the caliphate. Unfortunately, it is likely that it will be impossible to fully rely on their messages. Perhaps only the earliest reports of the Qur'ans of 'Uthman are suitable for consideration, due to their chronological proximity to the period of the Caliphate of 'Uthman. As for the later authors, it is likely that the manuscripts that they could see in various mosques might have been early manuscripts, but they certainly could not belong to the edition of 'Uthman. Often, various manuscripts written in Kufi's font, and due to the possibility of its wastage or for some other reason, could be attributed to 'Uthman by folk rumors. Confidence in such attribution could be enhanced if the pages of the manuscript contained purple spots, which was immediately perceived as the blood of the Caliph himself, thus concluding that this manuscript is "Mushaf al-imam" - that is, the main manuscript, which belonged personally to Caliph 'Uthman, by reading which he died. It is on these grounds many manuscripts were mistakenly attributed to 'Uthman.

Today, almost all manuscripts traditionally considered to be the Qur'an of the 'Uthman, in fact, taking into account the paleographic features, cannot be the codexes compiled during the 'Uthman period.

Thus, summarizing, the initial historical data leads to the conclusion that for the preservation of the Qur'ans in the first centuries of the Hijra was paid a lot of attention due to its high cost, which certainly allowed one or even a few units from the 'Uthman circulation to survive. At the same time, it is not possible to trust the existing attribution of some manuscripts to the 'Uthman circulation, due to their later writing period, which can be seen from their paleographic and sometimes spelling features. In this case, the question of the attribution of manuscripts to the

edition of ‘Uthman remains open. On the one hand, it becomes clear that the probability of preservation of manuscripts from the ‘Uthman circulation is high, on the other hand the existing attribution of some manuscripts to ‘Uthman does not withstand any criticism.

For understanding the issue concerning the attribution of manuscripts, attempts to trace and possibilities to find traces of the circulation of ‘Uthman, it is necessary to conduct comprehensive research.

The origins of the evolution of the Arabic writing tradition go back to the pre-Islamic period. Of course, the proper development of writing and the culture of written fixation falls on the period of the birth of Islam. As it has already become known from the above texts of Hadith and Athar, the Prophet Muhammad, peace be upon him, paid special attention to the preservation of the text of the Quran. In the period of ignorance, for the Arabs learning was in a priority in the field of information fixing . It was through memorizing that they kept the information they

arabic	nabatean
ل ل	𐤋 𐤌 𐤍
ر ر	𐤓
ح ح	𐤄 𐤅
ح ح	N/A
د د	𐤆
د د	𐤇 𐤈
د د	N/A
ك ك	𐤉
ك ك	N/A
د	𐤉
د	𐤊
س س	𐤋
س س	𐤌
ص ص	𐤍 𐤎
ص ص	N/A
ط ط	𐤏
ط ط	N/A
ع ع	𐤐
ع ع	N/A
و و	𐤑
و و	𐤒
ك ك	𐤓 𐤔
ر ر	𐤕
م	𐤖 𐤗
ر ر	𐤘
ه ه	𐤙 𐤚
و و	𐤛 𐤜
س س	𐤝 𐤞

needed about the pedigrees, that was paid particular attention in their culture, as well as highly appreciated by the Arabs, the poetry was mainly recorded in people's memory. But with the beginning of revelations to the Prophet Muhammad, peace be upon him, it became necessary to take all measures available at that time to preserve the text of the Holy Scriptures. And the Arabic alphabet began to develop rapidly.

As mentioned at the beginning, the basis of the Arabic alphabet comes from the Nabataeans. The system of letter forms borrowed from them has undergone some changes, and this transition from Nabatean forms of letters to traditionally Arabic is clearly visible on some bones and ostracons with early Qur’anic texts. In the second half of the twentieth century, began to dominate the opinion that the earliest type in Arabic is the so-called *Hijazi* font. This opinion also agrees with Ibn Nadim, in his “*Fikhris*”, where he demonstrates the chronological development of Arabic fonts, in which the first and the earliest one he calls the font *Maili*, that is, “inclined”. This font, he mentions, was used by the Arabs of Mecca. And the

development of the geometric “*Kufi*” type also as modern researchers he refers to the next chronological stage of development of written language, that falls on the last decade of the first century Hijri.

However, as it was stated at the beginning, the analysis of a large number of various written materials from the beginning of the first century of the Hijra, mainly rock inscriptions, cannot support this view. There is a sufficient amount of research for the early inscriptions, which allows to draw conclusions about the existing paleographic trend.

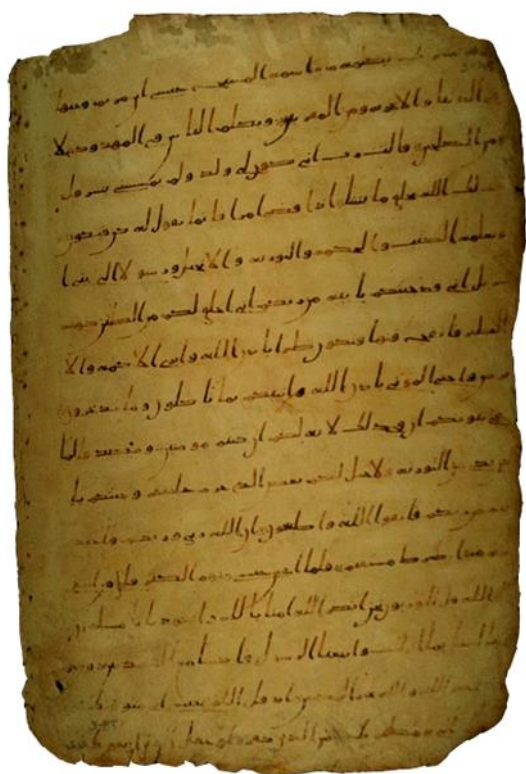
From the dominant written carriers of the beginning of the first century AH, two groups can be distinguished: the first is the rock inscriptions and the second is parchment and papyrus. This separation, first of all, divides the written carriers into personal and private ones, like letters, notes, documents, treaties, and the Qur'an itself, as well as public inscriptions on the rocks, their character, in almost all cases, has epi-graphic and laudatory features. In its totality, these inscriptions of the beginning of the first century of the Hijra, give us the material for research both the *Hijazi* font, and the *jazm* font, that became the forerunner of *kufic*. As for letters and sheets of parchment, Hijazi dominates, it and its variations are also found in business documents written on papyrus. As An example could be Papyrus Perf. No 558 from 22 year of the Hijra, and also papyrus P. Berol 15002 also from 22 year. Concerning these documents, with its similarity to the *hijazi* font, it can be noted that there is no characteristic inclination for this font, which is presented, for example, in the Arabe manuscript 328a, b, c.

Nevertheless, texts written on parchment dated back to the beginning of the first century AH, almost always represent *Hijazi* font. It is probably because of this that the dominant view in the modern world of Arabic studies is that the only early font in the first century of the Hijra is *Hijazi*, thereby attributing the appearance of geometric, without any inclination, letters *jazm* and *kufic* to the next historical stage.

However, as mentioned earlier, there is a large reservoir of rock inscriptions from the first half of the first century of Hijra, that enables to get comprehensive information about the trends of the Arabic graphics applied to rocks and public places. And in this case, the striking difference between the forms of letters and those used on parchment and papyrus is obvious. The rock inscriptions up to 12, 24, 26, 31 AH, and subsequent ones, clearly demonstrate a typical *Jazm* font showing a *Kufic* tendency without inclination of letters, with their strictly perpendicular vertical lines that have the same length as the horizontal lines in the letters. The difference of this type of letters from the glaring example of *Hijazi* type H-I represented by manuscript the Arabe 328a, b, c can be seen with the naked eye. If in fact at the beginning of the first century there was only the *Hijazi* font, then why is not a single rock inscription of the beginning of the first century

Hijra written in this font with elongated, inclined vertical lines of letters? Chronologically, petroglyphs, parchment, and papyrus sheets come from the same period, literally from one decade, however, the difference in fonts is obvious. The coexistence of these different types of fonts leads to the conclusion that both fonts are used simultaneously, thereby practically relating the appearance of the *Jazm/kufi* font to the same period as the *hijazi*.

However, the question of the reason for the simultaneous coexistence of these fonts remains unresolved. The fact that the manuscripts intended for private use used the *Hijazi* font, and *Jazm* was used in the public rock inscriptions, suggests that *Hijazi* is a form of cursive writing, and *Jazm* is the official, public, charter letter. If we analyze the manuscripts with *Hijazi* font, we can note a feature that is often found in them - the lines have a strong enough inclination in some manuscripts, leaning towards the lower left corner. This can be clearly seen in the Sana'an manuscript of the beginning of the first century - Codex San'ā' DAM 01-29.1 on a sheet presented in UNESCO Image No. 028005B. This peculiarity

indicates that during the preliminary spreading of the sheet, it was located diagonally from the copyist, that could be done if it is on the lap of a person sitting cross-legged. In general this is understandable because in Arabia there were no desks, all the more increasing the need for a diagonal layout of the sheet if it has a vertical format where it would be inconvenient to write and separate the top lines because of their distance from the scribe. In this case, if the text was applied in the same diagonal position of the sheet relative to the scribe, then accordingly, the letters should also automatically be sloped, what explains the cursive nature of the slanted *Hijazi* font? When the scribe placed

vertical of letter perpendicularly to himself in a diagonal sheet, forming a characteristic *Hijazi* slope. It is the aspect that the scribe put the vertical of letters perpendicular to himself indicates that the letters should initially be perpendicular to the horizontals of the lines, and their inclination is a consequence of finding the sheet diagonally, indicating that the handwriting should be without inclination.

In addition to the fact that *Jazm* was used in public rock inscriptions intended for public reading, their text can also often be attributed to those intended for public reading. Proof of the official use of *Jazm* font can serve as the official

and high-status building of that time - the “*Dome of the Rock*” in Jerusalem. It was said earlier that the beginning of the spread of *Jazm/kufi* in the modern world of arabic studies belongs to the last decade of the first century of Hijra, and its peak occurs to the beginning of the Abbasid era, as F. Deroche writes about this, dating the classical Kufic type BI-

BII to the beginning of the Abbasids, that is, to the middle of the second century. Though, classic, literally reference *Jazm* is presented in the Dome of the Rock, that was completed in 72, referring this font to the era of the reign of Abdul Malik ibn Marwan. The fact that in the Caliph ceremonial building *Jazm* font was used for official inscriptions, says that this form of writing was intended for official and public purposes, as opposed to private and personal. If this assumption is true, then it seems impossible to use cursive to replicate the prophetic Quran by the Caliph ‘Uthman’s commission. In this case, it is expected that the Qur’an of ‘Uthman could not be written in cursive, and most likely it should have been written in official, authorized font, moreover, written out by hand of Zeid ibn Sabit, a man whose handwriting in the Medina of that time with population over 12 000 was considered good.

The fact that a cursive font was used in the Qur’ans of the beginning of the first century finds its explanation in that the recorded Qur’anic text was not an independent carrier of the text of the Scripture before the middle of the first century. At that time, as was mentioned, in the pre-Islamic tradition, memorizing was the most priority way of preserving information, thus the written Quran was perceived only as a cheat sheet for memorizing.

This happened because of the poor development of Arabic writing. However, due to the demographic changes in the caliphate at the period of the end of ‘Uthman's rule, that have already been noticeable during the reign of Mu‘awiyah, attempts were undertaken to adapt Arabic script for non-Arabs, who didn’t know Arabic and made serious semantic errors while reading the Qur’an in prayer. The problem of misunderstanding of the Arabic language by different nations of the Caliphate led to the development of written Quran as an independent text carrier, where they tried to record and display all the features of the recitation.

The evolution of these systems has led to the fact that today a person who does not understand Arabic, when mastering the full course of *tajwid*, can correctly read the text of the Qur'an without semantic distortions.

All these attempts to develop a written fixation of the Scripture text resulted in a rethinking of the importance of the written Quran, gradually making it an independent carrier of Quranic revelations. Together with these changes, the peak of which fell on the 60-80 years of the Hijra, in parallel there is the formation of monumentality in the handwritings of the Qur'ans. Manuscripts, dating from about the '80s AH and later, bear significant changes in the shape of letters towards their calligraphic monumentality. Thus, in the framework of the first century, the attitude to the written Quran changed from its perception as an addition to the reader of the Quran, who knew the text by heart, to an independent carrier of the text. All these changes entailed a change of cursive fonts at the beginning of the century to monumental and calligraphically written out by the end of it.

Thus, summing up, it can be said that within the first century AH, the attitude to the Qur'an manuscripts was extremely careful, due to their high cost, that promoted their preservation, and the manuscript we were looking for, or even some of 'Uthman's copies, could be kept. The principles of fonts using in the first century demonstrate the difference between cursive and authorized letters, that probably should have been applied to the 'Uthman circulation, emphasizing it as the Caliph circulation with official and measured font. The resulting assumptions can indicate features that can be represented in the 'Uthman codex. The availability of highlighted features and principles may be decisive in research work of searching and identifying the 'Uthman's Qur'an from the manuscripts available in various libraries and museums.

As it was noticed earlier, today the majority of manuscripts attributed to the 'Uthman circulation, due to the paleographic features, cannot be written during the 'Uthman reign. Even some Muslim scientists at one time affirmed impossibility of such attribution. Nowadays, in a number of Muslim countries are kept various manuscripts that by virtue of the folk tradition, are called the 'Uthman Qur'an. As a rule, almost all of them have purple spots that are perceived by people as drops of blood of the Caliph 'Uthman himself. Perhaps the most famous of them are the Tashkent and Cairo codices. Both of these codices were analyzed in the beginning of the twentieth century by Russian Arabist A. F. Shebunin.

The first codex that Shebunin worked on was a codex brought from Central Asia. Then, in pre-revolutionary times, it was kept in Samarkand. Due to policy of imperial power in Central Asia, many historical and cultural values were exported to Petersburg. This fate befell this Qur'an. Shebunin published his work in 1892 in the "*Notes of the Eastern Division of the Imperial Russian Archaeological Society.*" It made a

valuable contribution to the study of this manuscript. Its value is determined primarily by the fact that the original manuscript during the period of the rise of Soviet power was transferred back to the Uzbek SSR and continued to be kept in Tashkent.⁵⁰ Since then, no one has received scientific access to the manuscript. However, in 1905, a facsimile copy of this Quran was published in Petersburg, prepared by S.I. Pisarev in a circulation of 50 copies, according to this copy research works continue to be conducted today. But, unfortunately, preparing this facsimile copy for the publication, Pisarev made a number of typographic errors, because of this fact the copy contains spelling errors not contained in the manuscript. Thus, the review compiled by Shebunin is the only work carried out directly with the manuscript itself.

He cites two versions of the appearance of this Quran in Central Asia. Both of them were recorded by General Adjutant Von-Kaufman, according to local clergy. The first is a typical folk tale in which the power and miraculous features of of *Khoja Ahrar* adepts and followers are praised. Due to them, one of his disciples was able to obtain this manuscript from the "Caliph of Rum". The second version, most likely, is a really remarkable historical message. The envoy of Emir of Bukhara - *Yahya Khoja* told this is the only, but the most valuable copy from the Tamerlane's library, once adorned a large collection of books brought by Tamerlan from military campaigns from different countries. Almost all of them were lost in the fires and feuds of the descendants of Tamerlan, only this specimen was saved. Indeed, when analyzing his type, his native Arabic origin is clearly visible, since the early Kufic font had no distribution in Central Asia. The earliest written monuments of *Mawarannahr* were typed in a rather late Kufic print of DI – DII style. The conclusion suggests that the Qur'an, written in this font type, could have

⁵⁰ According to the assumption of the historian A.V. Makarov, adviser to I. Lenin. Belarusian Tatar Akhmatovich advised Lenin to transfer the Osman manuscript to the Uzbek SSR.

been written in a rather early period on the territory of the mass residence of Muslims, that was not typical for the Middle Asia of the period the font of this manuscript is dated.

Those blood stains that appear on the manuscript pages, according to Shebunin, are the late falsification, since the blood itself is available only at the ends of the pages, and throughout the entire codex it is distributed quite evenly. While historical The information transmitted by Ibn Kathir, Ibn Sa'ad, al-Wakidi and others suggests that during the troubles spread by the hypocrite Abdullah Ibn Salam, the conspirators, mostly Egyptians, rushed into the Caliph's home, and found him reading the Qur'an firstly struck the head of the Caliph with a knife, then one of the conspirators drew his sword upon the Caliph. 'Uthman raised his hand, and the conspirator chopped it off, blood drops of his hand fell on the verse 137 sura "The Cow", the words - "**Allah will deliver you from them.**" And after that, arose a scuffle with 'Uthman's wife, Naila, and her servant, who was killed, and Naila lost several fingers, trying to deflect the sword aimed at the caliph's stomach. This stab was the last for 'Uthman. Thus, this indicates that the blood of the Caliph should have been shed on this and adjacent pages. Accordingly, the spread of blood should have been uneven, that is why those purple marks on the sheets of this manuscript do not bear those features described above in historical sources.

The manuscript was evidently exhibited for a long time as a relic, as is evidenced by the wastage of pages at the sites of blood probably caused by the attempts to get blessing (*tabarruk*). The Shebunin report contains useful data about the occurrence of diacritical points in very rare cases - "*Nuqut al a'jam*". Also, what is particularly noteworthy, it was noted a tendency that was intrinsic during the Umayyad Caliphate, as well as the early Abbasids, when the old Qur'ans written according to the early traditions, were updated by adding, for example, Abu Aswad ad Du'ali's vocabulary. Also, presumably later ornamental dividers of suras and ayahs were put in five and ten each - "*tahmis*" and "*ta'ashir*", that, by the way, started to spread even during the lives of the Companions of the Prophet Muhammad, peace be upon him. So, Abdullah ibn Mas'ud called their use undesirable - *makruh*. However, their propagation took place at the end of the first century, and since the second century they began to be actively introduced into the handwritten tradition.

Describing all these features, Shebunin, as was mentioned above, in detail proved the very important feature. The ornamental dividers of the surahs and ayahs were placed later, after writing the text, and were arranged as a kind of codex

revision in order to “fill” it to the updated handwritten norms of the new time. This inference is particularly important for challenging the erroneous conclusions of a Western Arabists group of the mid-twentieth century, dating a number of manuscripts according to ornamental decorative elements, considering their placement in codex to be one-time with writing them.

Also, keeping on this topic, I would like to make point the still existing error left by Arthur Jeffery, the American Arabist, Protestant professor of the Semitic languages, who probably, motivated with the missionary urge, left a number of random or deliberate mistakes that as yet are wide spread within history of the early Qur‘an.

Today, almost everyone, who deals with the problems of the early Qur‘anic manuscripts, hears that in the first centuries of the Hijra there were no diacritical points in Arab’s script. Thus, the adoption of this opinion removes the dating of all the early Qur‘anic manuscripts, available today, to the period after the third century of the Hijra. This is due to A. Jeffery work where he wrote it is possible to date “**with safety**” the Tashkent Codex to the period of the third century of the Hijra, proving this opinion by the *Kitab al-Masahif* Ibn Abi Daud, containing the information that points didn't used in the Qur‘anic manuscripts. Thus, the data from the *Kitab al Masahif*, he considers to be a kind of historical summary of the state and rules of handwritten traditions during the life of Ibn Abi Daud, who lived in the third century, leading the reader to the conclusion that at that time points were not yet invented. Thus, the reader has the impression that the appearance and invention of the points began to occur after the third century of the Hijra, and the mind was clearly formed, as A. Jeffery wrote, during the time of Imam Abu Amr ad-Dani (died in 444 AH). Thus, any manuscript with original points of diacritics should be dated after this period. However, even the earliest manuscripts described above such as MS. Mingana 1572a, Arabe 328 a.b.c. Sanaa DAM-1-27.1 and many others, also dated by radiocarbon analysis, contain points of diacritics. Manuscript MS. Qaf 47 dated by C₁₄ dating at 95% up to 30 AH contains a large number of diacritical points, almost every word was written with their placing. Even the Tashkent manuscript was dated to C₁₄ at the University of Oxford, the results showed that the manuscript was written at 68% from 18 to 143 AH.

Thus, it becomes clear that the points presented in the Qur‘anic manuscripts every time. However, returning to the topic of their absence in the Arabic script, it is necessary to point out that their absence was caused not by the fact they haven’t been invented, but by the fact that it was a kind of insult to the reader when the points were placed. That means, the writer, putting dots in words, doubts the

reader's literacy, considering their presence necessary for the reader's understanding the text. Even a century after Ibn Abi Daud, Hilal as Sabi, in his "*Rusum Dar al Khilafa*" devotes a separate chapter on the ethics of writing letters, where he writes: **"The scribe should write in small, unstretched letters, avoiding negligence and merging, refraining from points and vocalizations. For affixing both, he humiliates the one to whom he writes, because he exposes him to a man whose knowledge is insufficient, and he needs this (points) in his correspondence."**⁵¹

The presence of early rock inscriptions containing the date of the plotting also confirms the presence of points in the early period. The most famous of them is the inscription of *Zuhayr*, Ibn Sheiba' freedman, dated **"the year of Omar's death - the year 24"** which clearly contains points of diacritics in some words.

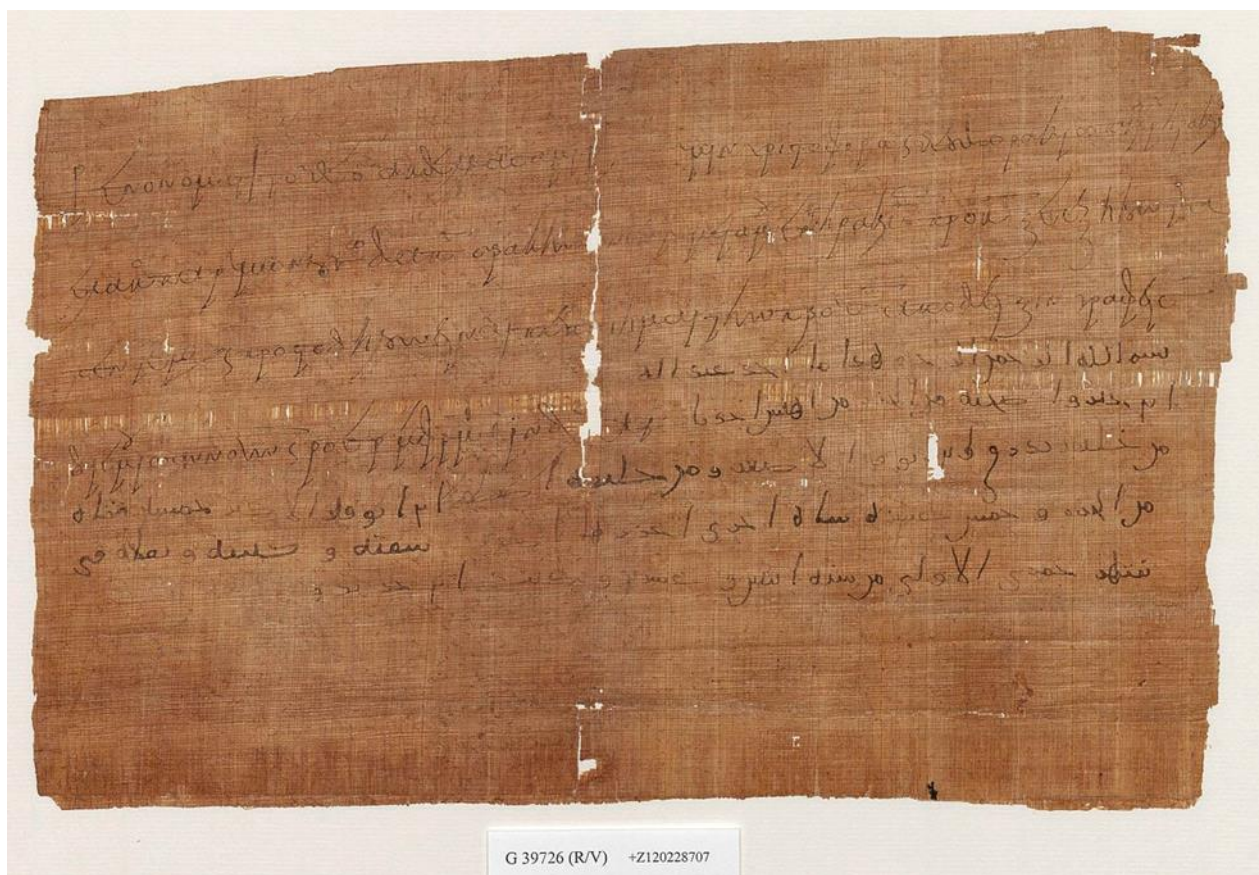
In the light of the existing factual evidence of the diacritical points initial existence in Arabic writing, the historical tradition, transmitted by 'Allama Kalkashandi, seems to look very plausible. He conveys that the points of diacritics were invented simultaneously with the Arabic alphabet. According to it the founders of the Arabic letter were Muramar ibn Mura, Aslam bin Sidra and Amir ibn Jadara from the Bulan tribe, where Muramar was the inventor of the letters form of, Aslam contrived methods for connecting letters, and Amir devised diacritic points.

One way or another, one thing becomes clear: the erroneous opinion was generated by A. Jeffery's work is confirmed neither by the actual evidence presented by radiocarbon analysis of early manuscripts nor by historical data and legends.

In light of the abundance of artifacts and historical material giving exhaustive information about the origins of diacritic points in Arabic writing, it seems doubtful that these aspects were not known by Arthur Jeffery, a professional

⁵¹ Хилал ас-Саби. Установления и обычаи двора халифов. М. Наука. 1983, стр. 105

Qur'anist, when dating the appearance of diacritical points in Arabic script after the third century of the Hijra. Moreover, his contemporary - an outstanding German Arabist Adolf Grohmann, published three times (in 1932, 1952 and 1966) research material on papyrus PERF No. 558 dated 22 AH, with the original diacritical points are clearly represented.

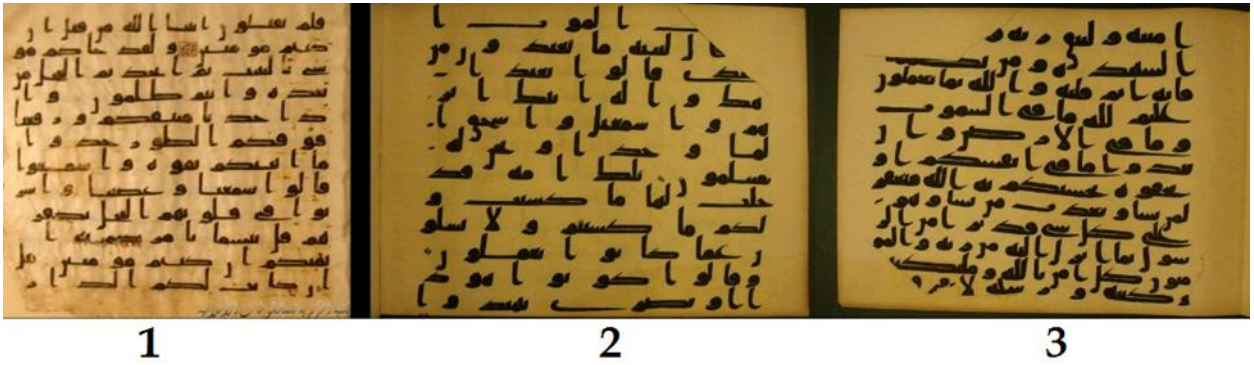
PERF No. 558

Summarizing, we can conclude with evidence that the diacritical points have been known since the time of the Caliphate of Omar ibn al Khattab, respectively, their presence in the true 'Uthman's Codex could well have taken place. Returning to the Tashkent Codex, in general, as has been shown earlier, this codex cannot be dated by the time of Caliph 'Uthman ibn Affan. This impossibility is confirmed both by paleography and radiocarbon analysis data. Moreover, as noted Shebunin and Jeffery, this codex contains rather serious mistakes of the copyist. This article doesn't aim to bring them all, but it will be necessary to give a general description. In addition to the omission of letters that take place generally in the manuscript not only of the Quran, but also of the Bible, here are presented omissions of whole words and even phrases . At times, the scribe still has paid attention to his negligence, appended the missing text in the margin, indicating the

place where it should have been placed initially with a tick. This carelessness is probably caused by the poor training of one of the scribes of this codex.

Both Shebunin and Jeffery also remarked the presence of two types of handwriting in this codex. But both of them, ultimately, rejected this idea, explaining that the transition from one hand to another is smooth over several pages. However, this objection can hardly be accepted, since, hand A of this codex is a confident scribe, with the letters form strictly verified, holding the line, letters are not curved and the line does not rolled down or up, while hand B of this codex, just contains all the inexperience that has been listed above. And most likely, the script for writing this manuscript envisaged hand A to be the main scribe, and hand B to be an apprentice, and while studying and imitating hand A, scribe B adjusted his letters and general stylistics of the letter to hand A, whereby the smooth in the transition from hand A to hand B is achieved. Perhaps the final proof of the of two scribes in this codex is that all the copyist's mistakes were made by an inexperienced hand B. In this case, the the nature of the copyist's errors in this codex becomes clear.

Besides this unintentional nature of the errors, Shebunin's research data discovers the Khediwan Quran in Cairo as the second unit of this circulation. Shebunin literally writes: "**It is absolutely impossible to allow any significant chronological difference between them.**" In this case, if both Quran were written at the same time and by the same order, then a reconciliation with the Cairo Codex can show whether the errors of the Tashkent Quran are intentional. As if the same mistakes would have been in the Cairo Codex, it would mean a single textual difference for them, intentionally contained in their common original source. Analysis and reconciliation of all errors in the Tashkent and the Cairo Qur'ans shows that there is no any errors in the Cairo Codex, same to that were made by hand B in the Tashkent Codex. Thus, it becomes clear that the census taker's mistakes presented in the Tashkent Qur'an are random, and they were not contained in their common original source that was used for both the Cairo and Tashkent codices copying.

1 - The handwriting of the Cairo manuscript. 2 - the handwriting of the "A" hand of the Tashkent manuscript. 3 - handwriting hand "B" Tashkent manuscript.

The second manuscript of Shebunin's interest is the Mashhad al Husaini codex in Cairo, also referred to 'Uthman's circulation. This, as said before, is the second unit from this circulation, which bears the same general stylistic features. The format of the pages is the same, all the same 9-12 lines per page, the handwriting is the same, the BI-BII type, the surah and ayah dividers have the same stylistic features. Through all these peculiarities, Shebunin concludes these two units to be of one circulation. This manuscript also has purple, in some places simply other spots, but their character also doesn't inspire confidence in their natural origin.

This Quran, unlike the Tashkent one, has been preserved almost entirely, contains 99% of the entire text of the Quran, only four sheets have been lost. Instead of some fallen out sheets, after restoration work was carried out, paper sheets and the lost text were added. This Quran was also written supposedly by two scribes, the difference between handwriting is much less noticeable in

comparison with the Tashkent Codex. Most clearly visible is the difference between the alifs.

As well as in the Tashkent Codex, along with rare diacritical points ayah separators with five diagonal dashes have been marked here with the same form as the diacritical signs. As this ayah dividers system in these codices is original, it is tempting to think that a similar system did not fall into the “*makruh*” category of the followers of the Prophet Muhammad, since even in the earliest manuscripts it can be found everywhere. They are also presented in MS. Mingana 1572a and Arabe 328 a.b.c. as well as in Sanaa DAM-1-27.1. As for the copyist’s mistakes, in this codex they are less represented compared to the Tashkent one and do not present textual differences from the standard text.

The codex consists of 1087 sheets, its weight reaches eighty kilograms. The history of this codex has fixed since the period of the Ayyubids. This Qur’an once was in the collection of Qadi Aburrahim al-Asqalani in the al-Fadiliya madrasah, then it was transported under the dome of the Sultan al-Ghuri madrasah, then to the Zaynabi mosque, then to the palace of Muhammad Ali Pasha, then to the Divan Awqaf, then to Qasr Abidin and finally to Mashhad al-Hussaini, where he stayed until 2006, after then was eventually transported to Masjid Sayyida Zaynab.

As noted before, both these codices contain different scribe’s mistakes. This aspect is also important in attempts to identify the Qur’an ‘Uthman, because from historical sources, we know that the commission of twelve most prominent companions was writing the text. It is hardly possible to make a mistake when collectively putting letters on manuscript sheets.

In general, summarizing the features of both these Qurans, we can safely conclude that they could not have been written during the period of the ‘Uthman Caliphate.

However, both of them were a circulation, because the replication aspect can also be applicable to the work of identifying manuscripts, that attribution can be related to the edition of ‘Uthman. The question arises, what is the original of these circulation? And in relation to this issue, there is historical information, that surprisingly being closely enough marched with the scientific data, sheds light on the origin of both these Qurans. Moreover, this story links together both of these codices with the one also referring to ‘Uthman, and stored in the Topkapi Museum. A number of researchers, as well as Muslim clergy representatives, at one time expressed their doubt about the attribution of these codeces to the circulation of ‘Uthman. Among them, Muhammad Zahid al Kawthari, who wrote

that the codex of the Quran stored in the Mashhad al Husayni, is not the 'Uthman's one. In support of this, spoke out Salah ad Din Munajid, one of the most prominent scholars of the early Qur'anic manuscripts, in his *Darasat*, referring to Taqi ad Din al-Maqrizi, attributing the Quran appearance to the conflict between Abdulaziz ibn Marwan and Hajjaj ibn Yusuf al Thaqafi.

Taqi ad Din al-Maqrizi writes in *Hitat* that one day the governor of Iraq Hajjaj ibn Yusuf decided to create a circulation of the Qur'ans, that was created a few decades ago by Caliph 'Uthman. Having created several copies of the Qur'ans, he sent them to the largest cities of Caliphate. One of them was sent to *Fustat*, which later became Cairo. The news of the arrival of such a significant subject in those days quickly reached the governor of Egypt, Abdulaziz Ibn Marwan, the brother of the Umayyad Caliph Abdulmalik Ibn Marwan. It is reported that the news of Quran Hajjaj arriving from Iraq, made him angry. His anger was probably caused by suspicions that Hajjaj was thus trying to expand its influence on his territory. In response, Abdulaziz Ibn Marwan ordered to create his own Quran, hiring the most skilled calligraphers for. After the works, he declared to the whole caliphate invitation for the master of the Qur'an by heart - *Qari'* to find the copyist's mistakes in this manuscript, promising as a reward thirty dinars. For some time a *qari* named Zar'a Bin Sahl Al Thaqafi arrived in Egypt from Iraq, from the Kufa and announced to the Egypt governor that a mistake has been found. It was the letters mixed up in 23 ayah surah "Sad". Indeed, having found a mistake, it was immediately corrected, and *qari* received his thirty dinars and was appointed Imam.

Thus, Abdulaziz probably wanted to underline the infallibility of his Quran, thereby raising the significance of his codex above the Hajjaj's one.

Thus, it can be noted that at the end of the first century AH in Cairo have already kept two gubernatorial Qur'ans with their appearance and design demonstrating the dignity and power grandeur of their customers. Regarding the Tashkent Qur'an, both Shebunin and Jeffery wrote that given the peculiarities of spelling, it was most likely written in southern Iraq in the area of the cities of Kufa-Basra, the territory controlled by Hajjaj. And taking into account that both the Tashkent and Cairo codices, according to Shebunin, are two copies of one edition, this in turn indicates that the Cairo Quran is one of the Hajjaj copies. And this is really evident from the paleographic features of the typeface - the classic early kufi, wide circulated in the territory of Iraq, in contrast to the Umayyad type of Abdulaziz. At that rate, the Cairo Quran may be one of those that has been ordered by Hajjaj ibn Yusuf. And it can be dated until 76 AH when Abdulaziz ibn Marwan

died, as well as the Tashkent and Quran of Abdulaziz, that will be discussed further . This dating is supported by Salah ad Din Munajjid in *Dirasat*. Also, it complies with the radiocarbon analysis of the Tashkent manuscript. And as Shebunin said, **“everything that we said in the description of the Quran of the St. Petersburg Public Library regarding its antiquity can be literally repeated with respect to the age of the Cairo list.”** In this case, the dating of the Tashkent Qur’an can be safely transferred to the Cairo Codex.

Summarizing , it can be noted that both codeces could not be ‘Uthman’s Qurans, and given the C₁₄ dating data, as well as paleographic data, along with historical information, it is possible to date the writing of these Qur’ans to 76 AH and attribute them to a circulation of Hajjaj ibn Yusuf al Thaqafi. Evidently, both of these Qurans could have been copied from the true Quran ‘Uthman, kept in Kufa and Basra.

The third Quran, attributed to ‘Uthman Ibn Affan - Topkapi Codex bearing the number H.S. 44/32. This is, presumably, the second Qur’an, that figures in the

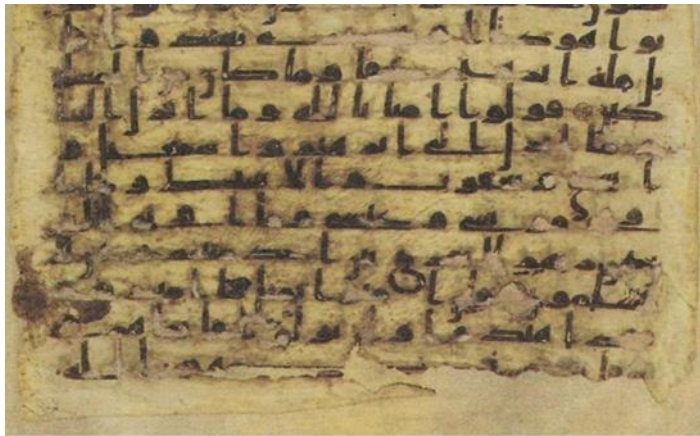
history of the conflict between Hajjaj and Abdulaziz ibn Marwan. This codex is also almost completely preserved; only two sheets from the manuscript have been lost; it contains more than 99% of the entirely Quran text . The history of its appearance in Turkey begins in 1811. The codex contains before the Fatiha Surah an explanatory inscription in the Ottoman language, where it is attributed to the edition of ‘Uthman. This Quran was donated to the Ottoman sultan Mahmud The Second from the governor of Egypt - Mehmet Ali

Pasha.

Thus, coming from Cairo this Codex in its appearance and design bears all the same monumental elements peculiar to the status of an official government order, as edition of Hajjaj. And as mentioned before, at the end of the first century AH, two Qur'an ordered by officials were to be kept in Cairo, then its high level design and Cairo origins point to the story mentioned by Maqrizi, making the edition involved in these events.

This codex also has deep purple spots, but in comparison with the previous two, these spots look more natural, like it is really blood. Somewhere spots have a very high density, due to their initial thick consistence, when drying, this mass began to crack. The blood turned out predominantly at the end of Surah *The Cow*

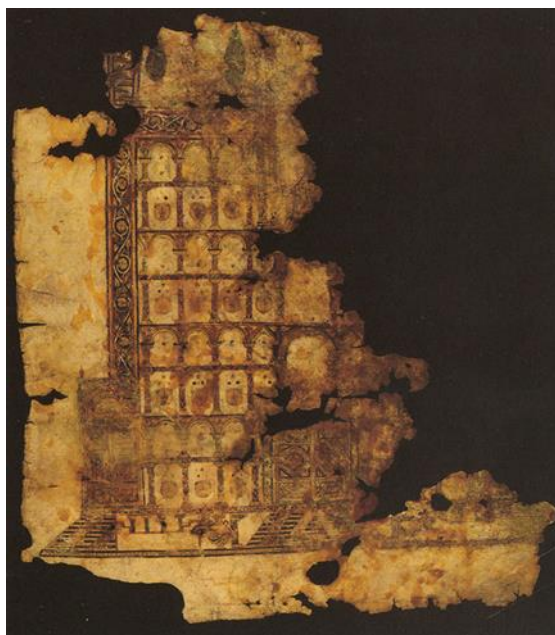

سألور عما كانوا يعملون وقالوا كـ
 نوا هوذا ان بكاديه بهدوا فل
 بل له انراهم حينما وما كان من المسد
 كبر قولوا امنا بالله وما نزل السا
 وما نزل اليه انراهم واسماخل و
 اسحاق ويعقوب والاسباط وما
 اوفيه موسى وخيسه وما اوفيه السور
 من دينهم لا يعرج من احد منهم فعر له
 مسلمون فان امنوا بمثل ما امنتم به
 فقد امنوا وان يقولوا فامنا هم في
 سماع فسيدكم الله

and the beginning of the *Imran Family*. Indeed, in the previously mentioned 137 verse of Sura “*The Cow*”, that is on the bottom line, before the words “**Allah will deliver you from them**” there are several large drops of this mass, unlike the Tashkent and Cairo codices. But despite the existence of these spots and their similarity to those, mentioned in historical sources, it cannot be considered the Qur'an of ‘Uthman in view of its paleographic features.

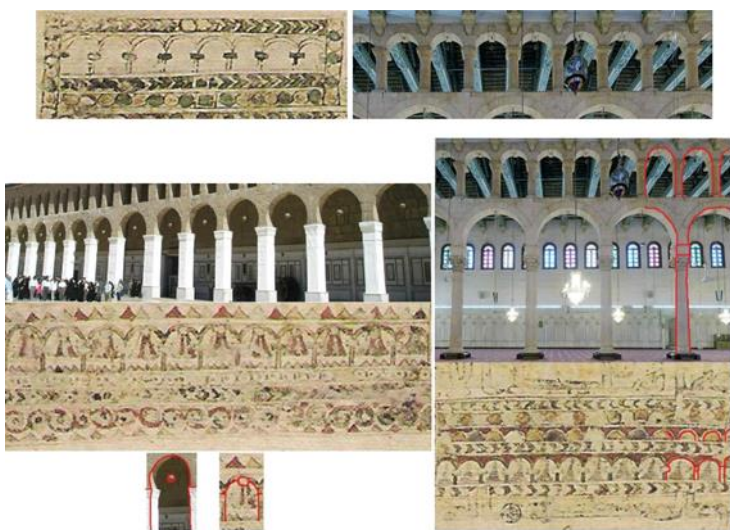
Its font is typical for the Umayyad dynasty, and can be attributed to the earliest type of Kufic script A-I, in where a lot of cursive Hijazi is still saved. This

font is a hybrid, showing the above-described transition from the Quran, which was a crib for the reader, to an independent Quranic text carrier. The type is very close to that one of the manuscript from a private collection in London, that was written 95.2% from the year 30 and Hijra to 75 years after the Hijra, according to radiocarbon analysis. In other words, this font in C₁₄ dates back to the first 75 years after the Hijra, that coincides with its attribution to the Qur'an of Abdulaziz. Besides, the font has significant similarities with the "Great Umayyad Quran" - Sanaa DAM 20-33.1, found in Sana'a, in Jami al Kabir. It is assumed that this codex was once ordered either by the Umayyad Caliph, or by someone from his entourage. In the Quran, to great surprise of the researchers, a rich ornamentation was found, and they noticed, if the drawings were not on the obverse of the sheet where *Fatiha* was written, that is, there was deliberately left space for them, then their application would be considered as a type of late Codex revision.

Sanaa DAM 20-33.1

The drawings give a solid clue in the dating - the pictures on the obverse of the first page depict the Umayyad capital *Jami Bani Umayyya* in Damascus, constructed between 86 and 93 AH, during the reign of Caliph al Walid ibn Abdul Malik. Also this manuscript was dated by radiocarbon dating, which showed that it was written between 35-68 AH. Both of these manuscripts give a chronological reference to this period of the reign of Caliph Abdul Malik ibn Marwan and the beginning of the reign of al-Walid ibn Abdul Malik. Thus, considering manuscript can be dated to the same period, confirming the suggestion of being the codex, written by order of Abdul-Aziz Ibn Marwan.

Moreover, this codex is also richly decorated with ornamental rosettes, of suras and ayahs dividers, with typical Umayyad, similar to Byzantine, ornamental motifs. However, their technique has the same features, noted by Shebunin about the Tashkent and Cairo codices, thus dating them to the later period without the

participation of the original scribe., Architectural elements from the *Jami Bani Umayyya* and the *Dome of the Rock* are clearly visible in some Sura separators, as Tayyar Altikulac also writes in his work on this codex - “**this decoration is the**

same as in the Dome of the Rock and the Umayyad Mosque in Damascus and other Umayyad monuments”, also noting their likely later application - “although there are several signs that appeared to be posted later, see page 210a, line 6”. If their application was made after the completion of the manufacture of this codex, then it can be dated before the period of construction of these monuments, which are displayed in ornamental rosettes. Thus, both historical and paleographic features make it possible to date this codex to the reign of Caliph Abdul Malik ibn Marwan, and with a high probability to attribute it to the Qur’an of Abdul-aziz ibn Marwan.

As for the scribe mistakes, in this codex they are, surprisingly, represented in a very small number - only 7 errors that are insignificant, like the omission of one letter, or writing an extra letter in a word. A small number of them can be explained with the scrupulousness and re-checking the text for errors of the scribe, mentioned in the history of the conflict of Abdulaziz and Hajjaj.

In general, it becomes clear that its attribution to the circulation of ‘Uthman ibn Affan is not correct either from the side of historical information or the paleography.

The fourth among the most famous, related to the ‘Uthman Quran, is the manuscript number E-20, stored in St. Petersburg at the Institute of Oriental manuscripts, was studied in detail by the Russian orientalist Efim Rezvan and its history is described in detail in a documentary film.

The manuscript is written in late Hijazi or initial Kufi type. On the whole, it may belong to the type BI-BII, but some letters carry a clear early type AI with the dominant Hijazi elements. According to Eleonore Cellard, the BI.b font type is of the Umayyad era. Two handwriting distinguishes in the codex, indicating that two scribes were engaged in writing the manuscript. A radiocarbon analysis

conducted in Holland showed a result that demonstrates the error that occurs in dating, provided that the material is spoiled by its storage conditions, that can give

an error of $\pm 100-200$ years. According to dating results, this Quran could have been written at 95.4% to 373 (!) Years of AH. As an objection to this result, Gerd Puin, the first researcher of the Sanaan Quran, wrote that given the error that can occur in such radiocarbon analysis, the data obtained from paleographic features and ornamentation can give a more accurate chronological referencing. The inaccuracy of the C_{14} dating was also noted by E. Rezvan. As for paleographic studies, Alan George concluded that the data obtained from the C_{14} analysis do not correspond to the paleographic data and suggested dated to the end of the first century Hijra based on paleography. This codex, as well as the previous one, the Topkapi Quran, contains a rare and little-studied feature of the early Arab paleography, discovered by Fred Lemmhuis, a professor of Arabic studies at the University of Groningen in Holland. In his work, he describes in detail this system, represented with three types of writing the letters "Qaf" and "Fa". The first one is widely spread throughout the Muslim world, and is represented one dot above the letter "Fa", and with two dots for the letter "Qaf". The second type is widely used in the Maghreb countries, where it is represented with one point under the letter "Fa", and with one point above the letter "Qaf", that is, just as it is written "Fa" in the rest of the Islamic world. The third type is extinct, is represented for the letter "Fa" with one point above the letter, and for the letter "Qaf" by one point under the letter.

This system is clearly represented in the mosaic quotations of the Quran in the Dome of the Rock, it was completed in the year 72 of the Hijra. After the construction of the Dome of the Rock, this third type of writing is not found anywhere else. It was spread over the north-west of Arabia and Palestine.

Thus, Lemmhuis suggests dating the manuscripts with this type of writing to a period close to the construction of the Dome of the Rock, that is, before 72 AH, but not later the completion of its construction.

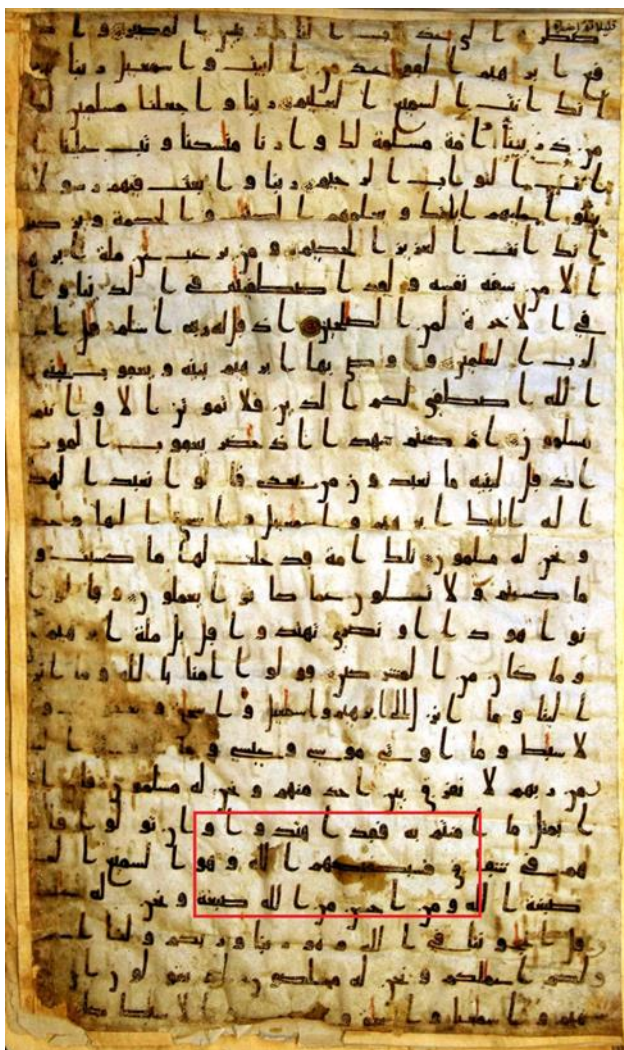
The presence of this paleographic feature in the Topkapi codex is just additional confirmation that this is the Quran of Abdulaziz ibn Marwan. And in the case of the considering E-20 manuscript, this feature gives a fairly accurate dating, which is also coincide with the analysis of A. George.

This codex was acquired by the Soviet orientalist I.Y. Krachkovsky in 1937. At that difficult for the Petersburg intelligentsia time, an elderly woman turned to him and brought this manuscript. He did not receive an answer where this manuscript comes from, but noting the initials in the manuscript, he suggested it comes from the library of Irenaeus Nofal, a native of Syria, a professor at the School of Oriental Languages. Thus, this Quran was acquired for the Institute of

Oriental manuscripts, where it is still being stored. The manuscript authentic origin and place of its initial storage would have remained a secret, but E. Rezvan's during his research work received a message from F. Deroche about several sheets from the same manuscript stored in a remote mountain village of Uzbekistan. Having gone in search, E.Resvan actually found twelve sheets of this Qur'an in the mosque of the village of Katta-Langar, close to the border with Afghanistan.

Inquiring about this codex, he learnt that the manuscript at once was much more complete, but because of the Soviet anti-religious persecution many sheets of this Qur'an were lost. However, the beginning of the story of its division into

collection storage began in pre-revolutionary times.

This Quran, as well as the other codices described above, has blood traces. In the aspect of their origin, it is close to the Topkapi Qur'an with the purple spots on the sheets. There is a significant difference with the Tashkent Codex, where artificial, uniform application of blood on the sheets is obvious. As well as in the Topkapi Qur'an, there are several clearly visible red spots that did not crumble over time in 137 ayah of the surah "The Cow on the words - **"Allah will deliver you from them."** But the highest blood density in the codex occurs closer to its middle. It is likely that the presence of blood in this codex, especially full compliance with the nature of droplets on the sheets according to

circumstances of Caliph 'Uthman murder, given in historical sources, prompted the manuscript keepers in Katta-Langar to attribute it to the 'Uthman circulation.

But the features of paleography, in this case giving the only true dating analysis, reveal that this Quran also cannot be considered as one of the 'Uthman's edition. As for the copyist's mistakes in this codex, then, according to E.Resvan - **"The text of 'Uthman's Qur'an does not go beyond those generally accepted in the Islamic world."**

The last of the Qur'ans we are considering, attributed to the 'Uthman circulation, is a little-known manuscript, its existence is unknown to the majority of the Muslim world, but it's the most noteworthy.

The manuscript is kept in the Museum of Turkish and Islamic Arts in Istanbul, under the number TIEM 457. At the same number, it was kept in the Hagia Sophia mosque until the abolition of the caliphate. This manuscript is almost entirely preserved, only seventeen sheets have been lost, fourteen of which were later restored. The original sheets are parchment made from gazelle leather. At the end of the manuscript there is an explanatory note from the restorer - Daud bin Ali al-Kadiri al-Kilani, who wrote that this is the Qur'an of our Sayyid 'Uthman ibn Affan, its restoration he completed in Mecca in front the Kaaba of the fourth Jumada al-Thani of 841 AH, that is, in 1463 AD.

On the sheets of the manuscript 1a and 439b, there is a seal of Sultan Bayazid II, who came to power in 1481. The presence of this seal indicates an interesting territorial movement of this Quran. Soon after its restoration in 1463, it turned out in the newly conquered Constantinople, about which the prophet Muhammad spoke so meaningfully, peace be upon him: - **"how beautiful that army is and how beautiful their sovereign is."** At the age of companions, they made repeated campaigns to Constantinople, during one of them an outstanding associate, the standard-bearer of the prophet - Abu Ayyub al-Ansari was killed. Many Muslim troops and regents wanted to be those praised by the prophet Muhammad, but this army and their lord turned out to be the army of Fatih Sultan Mehmed. The

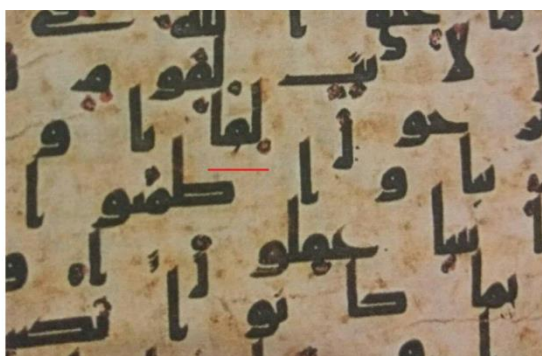
explanatory note informs that this Qur'an in Mecca was considered to be the 'Uthman's one, that is, one of the most important relics. Presumably, the capture of Constantinople and its discovery to Islam initiated the transfer of this relic to Constantinople, in order to send the blessings of relics to this important city prophesied by Muhammad, peace be upon him. Just the highest rank relic could be dispatched to the foretold Constantinople. And by the time of the reign of Bayazid II, this manuscript has already been in Constantinople. The fact that it was kept at the Aya Sophia mosque until the abolition of the Caliphate — Fatih Sultan Mehmed's personal *waqf* of Constantinople's conqueror, suggests that it was originally placed to Aya Sophia, the main and central mosque of Constantinople. All mentioned above points out that at the official level, even at that far time, this manuscript was considered to be the 'Uthman's Quran, in contrast to the early described codices that were mistakenly attributed to the 'Uthman's edition. This manuscript, unlike the others, does not contain any blood traces, thus, excluding her attribution to 'Uthman on the basis of the presence of blood on the sheets. As for the font, it is represented by a form of late Hijazi or early Kufi, a type close to BI-BII, but approximating to Hijazi tradition in view of the elongated letters. As referred earlier, in this codex, the letters elongated vertically have no slope, due to the horizontal format of sheets. The manuscript has been studied by Salah ad Din Munajjid, , and according to paleographic features, he dated it back the second half of the first century of the Hijra, and in *Dirasat* he literally declares: **“And we believe that it is from the end of the first century of the Hijra, it is the earliest manuscript , which we can see, and there is no doubt that it was written after the appearance of the vocalizations.”**⁵² Also T. Altikulac, quoting Munajjid, agrees with this dating. He dated this manuscript of the second half of the first century because of the presence in it of vocalizations on the system of Abu Aswad ad Duali, because that he writes **“it was written after the appearance of vocalizations, as they are clearly visible.”**⁵³ However, as is known from Shebunin's research, in the early days revision of outdated codices was widely distributed, and updates were added to the old codices. In this case, those vocalization and ornamental dividers of surahs and ayahs, the character of which indicates their late application, appears after the writing of this codex.

Thus, the dating can be attributed to an earlier date, as the binding of the date to the appearance of ad-Duali's vocalizations couldn't be applied to this codex, since they, most likely, were put after the writing of this Qur'an.

⁵² pp. 55 دراسات في تاريخ الخط العربي منذ بدايته إلى نهاية العصر الأموي

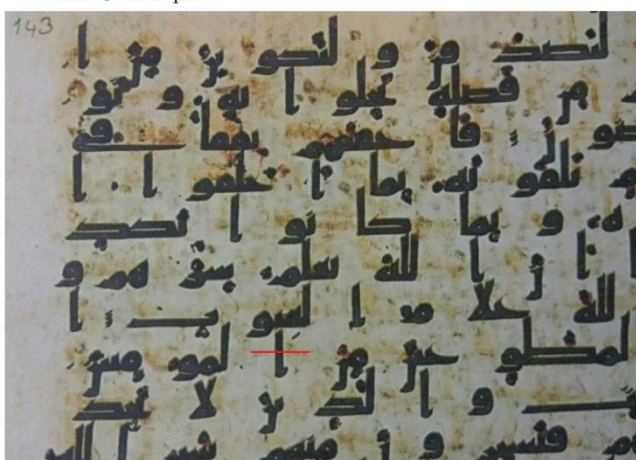
⁵³ Hz. Osmana nisbet edilen Mushaf-i-serif (Turk ve Islam Eserleri Muzesi Nushasi) 1 pp. 340

If this assumption is true, then it is quite possible to date it to the first half of the first century of the Hijra. The distinctive feature of this vocalization system, noted by T. Altikulac, who studied this manuscript, is that they constitute a non-surviving reading, close to the Basrian readings. This indicates that the vocalization were made when the classical readings known today was not spread yet, it means that this revision took place in the early period. Given the early dating of the font of this codex by Munajid the assumption described earlier, that the *hijazi* and *kufi/Jazm* fonts were cursive and statutory official letter, becomes relevant. Then, the paleographic dating of Munajid to such an early date may indicate the form of this font is the statutory (*Jazm*) version of the letters, at a time when cursive (*hijazi*) was spread. Official Caliph Quran, which is the copy model, assumed to be written with official, authorized font, and not with cursive. The letters form was to be calligraphically verified, being written by the hand of Zeid ibn Thabit. This feature is also reflected in this codex, where the presence of only one handwriting is clearly visible, indicating that it could be written by one person, and the letters form is strictly verified and neatly calligraphically, that is not presented in most other manuscripts.

letter ق example

letter غ example

In his detailed study, T. Altikulac gives a result that truly distinguishes this manuscript - **“to our surprise, the peculiarity of this attentive scribe is the absence of written errors in this Mushaf.”**⁵⁴

Moreover, as he writes, the original scribe was very consistent in his orthography. It is this aspect that distinguishes it among other Quran manuscripts of the first-century, and suggests the idea of strict text control. It was this kind of control that was provided by the ‘Uthman commission of twelve people, in which each of the outstanding associates followed their part of the work. The spelling was followed by the best experts on inflection — Said ibn As and

Abdurrahman ibn Harith, the text was followed by the best expert on the Quran by

⁵⁴ Hz. Osmana nisbet edilen Mushaf-i-serif (Turk ve Islam Eserleri Muzesi Nushasi) 1 pp. 101

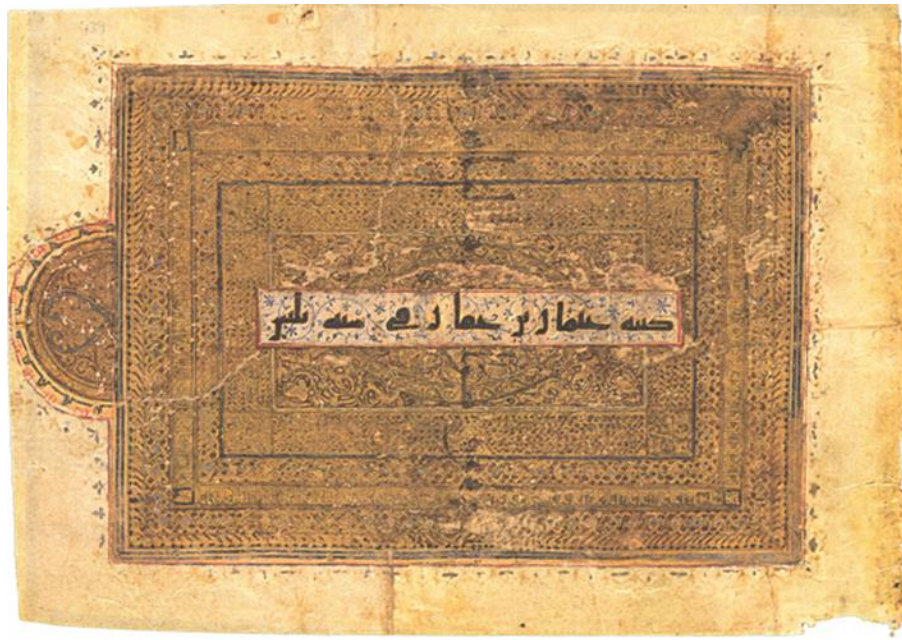
heart — Ubay Ibn Kaab and many other companions provided control the text drawing.

In this codex, diacritical points are put in quite rare cases, which are often forced measures. They are marked mainly in those places where their presence is required, to indicate graphemes of letters, the form of which without dots can be read in two ways. There are also ayah dividers, in several lines, which are found in early manuscripts like Mingana 1572a, Arabe 328, and others.

Within the framework of this article, studying the forms of letters in this codex, a third type was discovered from the system of writing the letters “*fa*” and “*qaf*”, discovered by F. Lemmhuus. The presence of this extinct species, dating from the period to 72 AH, also adds confidence in its early dating. Moreover, a similar system of writing the letter “*Ghain*” was noticed by no one earlier, with one dot put under the letter, in contrast to one dot put above the letter today. This feature is clearly represented in the 78th verse of the Surah “Repentance” written in seventh row of 143 sheet of codex.

Also, according to Kitab al-Masahif and other early books that mention the spelling feature of the Qur’an ‘Uthman, Salah ad Din Munajjid compiled a list of differences from the modern orthography found in the original ‘Uthman codex. The reconciliation with this manuscript showed the coincidence of the differences indicated by Munajjid with the spelling of this codex in all cases, except one.

Completing the described features of the manuscript, it should be noted the inscription on the last 439 page of this codex, where in the middle of the page, with the same handwriting as the entire codex, is written - “**Uthman ibn Affan wrote it in the thirtieth year**”.

It is known from the Hadith that ‘Uthman did not figure in Quran replication, he only issued a government decree on starting of replication work. In this case, given that the Qur’ans of ‘Uthman were to be exhibited in various mosques, in order to distinguish them from the other Qur’ans, they would need an original explanatory inscription bearing the name of ‘Uthman in order to designate the manuscript as Caliph sample for copying. Then, it would be inappropriate to write the name of the actual scribe - Zeid, since the attribution of the Quran would refer to him personally, suggesting it as the reading of companion, like Ibn Musud, and not the edition of ‘Uthman. This consideration is reinforced by the words of Ibn Kathir in *Bidayah wa nihaya*, where he says: **“These Mushafs are called ‘Uthman Muskhafs because they were written by his order, in his time, and in his reign, as well as "Denarius Heraclius," that is, minted in his time and in his state.”**⁵⁵ Anyway, this codex, dating from the first century of the Hijra, when, as mentioned, the cost of the Qur’an codex was a fortune, could hardly have a fake inscription relating this Quran to ‘Uthman. Moreover, at that time, when the true Qur’ans of ‘Uthman were in public use, the creation of such an expensive object as the Codex of the Quran could not stand aside, and any falsifications in it by the renowned famous calligraphy masters couldn't be unnoticed. In addition, if it was a private order of a wee-off person, then it would be absurd to put this inscription in the codex, while the original Qur’ans of ‘Uthman were available to readers in mosques.

As said earlier, the presence of repetitive copies bearing the same design features, indicating the circulation of the considering is an additional aspect to

⁵⁵ بداية ونهاية 7 pp. 216

facilitate the identification of the Qur'an 'Uthman among the many surviving manuscripts of the first century.

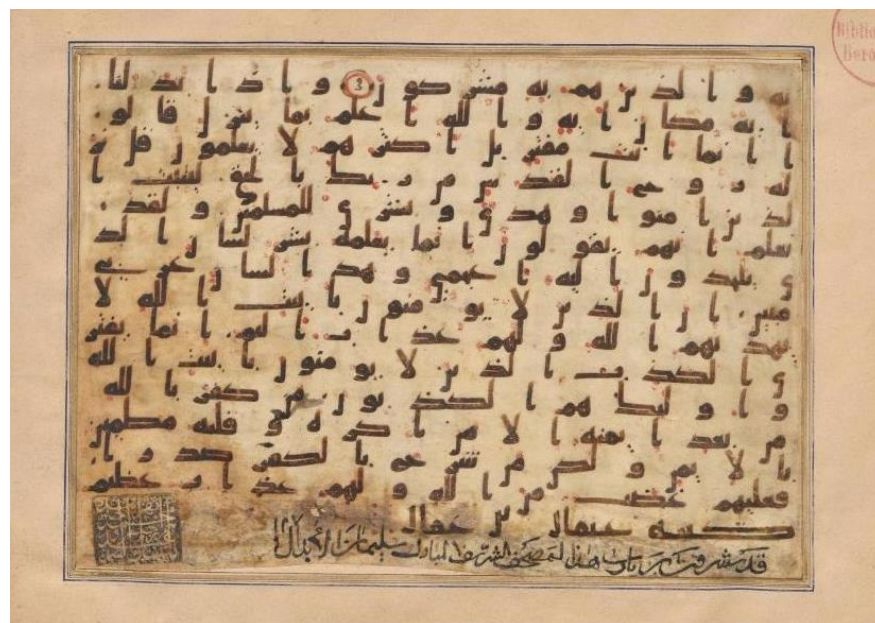
Concerning this codex, there are several fragmentary manuscripts, the similarity of them with this one was confirmed by a number of researchers. The first manuscript is the MIXT 917 manuscript kept in Vienna, according to M.S.M. Saifulla, Ph.D. from Cambridge, has a strong resemblance in handwriting and typefaces . Once it was also kept in Istanbul, but at the beginning of the 20th century was sold and exported to Austria, where it is still located. The format of the pages is the same as in the considering manuscript - horizontal, contains about 105 pages, that is about 27% of the entire Qur'an. A distinctive feature is widely entered diacritical points while revisioning, arranged in accordance with the third type of the

27 v Codex Mixt. 917

system of F. Lemmius. So thus, this reconsideration was executed in the period up to the year 72, that gives a suggestion the original text has been written earlier. In this case, taking into account the similarity of both codices, this dating could also be applied to TIEM 457. The third codex, having common stylistic features - Minutoli 256, is stored in the Berlin library.

So thus, this reconsideration was executed in the period up to the year 72, that gives a suggestion the original text has been written earlier. In this case, taking into account the similarity of both codices, this dating could also be applied to TIEM 457. The third codex, having common stylistic features - Minutoli 256, is stored in the Berlin library.

It is represented by a similar font type, on sheets of horizontal format, containing all the same 15-16 lines per page. While writing this work, in addition

to the parallels with the above codex (Minutoli 256) fixed by the author, an intriguing detail was found on the last page of the codex: an inscription similar to the one in TIEM 457 - “**Uthman ibn Affan wrote it**”; due to this detail the list of manuscripts attributed to ‘Uthman can be added. The described considerations were sent to Ahmed Wissam Shaker, a researcher of early Qur’anic manuscripts, the author of the works in the International Qur’anic Studies Association (IQSA). He also expressed his interest to this manuscript, as well as to the inscription of this codex. The manuscript itself is fragmentary; working with it, the second fragment was found. It is stored in Jerusalem in the National Library of Israel under the number MS. Yah. Ar. 968. Taking into account all the parallels existing between these codices, the presence of a second repeating inscription attributable to ‘Uthman in one of them is at least remarkable.

TIEM 457

Minutoli 296

Thus, there are several manuscripts that demonstrate identical with TIEM 457 features of paleography and design that in total may indicate the interrelated nature of their appearance.

Along with the of similarity between manuscripts concerning very close paleographic features, there is also a similarity of a different form. The collection of manuscripts of the National Library of France (BNF) contains a number of manuscripts, repeating in their design TIEM 457, with its horizontal sheet layout, 15-16 lines per page, and also with a font close to our manuscript (Kufic style BI-BII). However, the paleographic and orthographic features of these codices indicate that they were written later, probably at the turn of the second and third centuries. The question arises, what caused the imitation of the TIEM 457 codex in

these later manuscripts? If there is an obvious common design with our manuscript, it can be assumed that this imitation is due to the supposition TIEM 457 to be the genuine ‘Uthman codex, then in these late Qur’ans this imitation is caused by attempts to copy the original text of ‘Uthman as accurately as possible with its features, thereby creating a kind of «*facsimile*» of the codex, its roughly speaking photofixing. This imitation has such a strong character that, for example, in the Arabe 5122 manuscript, the arrangement of words in a line, and also the line itself between other lines in a sheet, often repeats the same arrangement as in TIEM 457 and similar manuscripts described above. As known, this can occur with careful copying of text from a sample, and it can hardly be a coincidence.

والا برض و ارجع الموه با در الله

والا برض و ارجع الموه با در الله

Mixt. 917

ARABE 5122

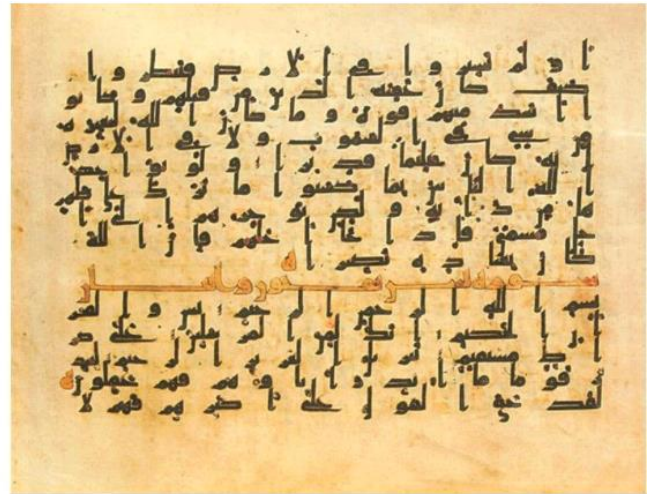
Arabe 5122

Minutoli 296

comparing duplicate lines between manuscripts

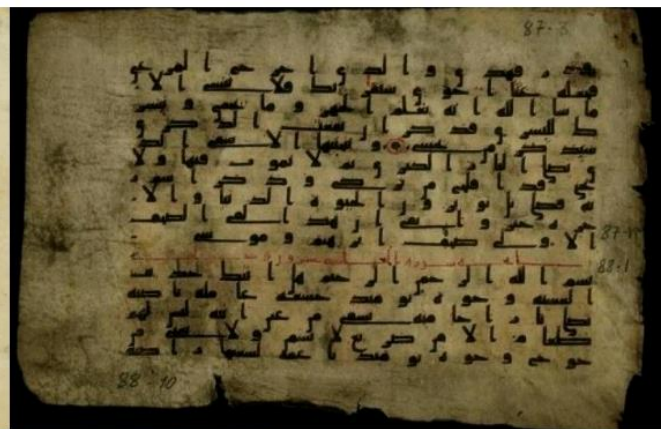
Arabe 5122

Turk ve Islam Eserleri Muzesi 457

ARABE 5122

Codex San'a 16-20.2

Of course, this idea is too bold, but it could have occurred if the true Qur'an of 'Uthman was identified, since the psychologically the motivation to own an exact copy taken from the legendary manuscript of the Holy Scriptures is quite explicable.

Paleographic comparison between these manuscripts

Undoubtedly, in relation to this codex, radiocarbon dating could give reliable results and put an end to the question of attribution to ‘Uthman.

All listed features distinguish this manuscript from all the others attributed to ‘Uthman. The Muslim legends are reflected in this manuscript, and the conclusions of its researchers also mark out this sample from the rest. Perhaps, the radiocarbon dating of this manuscript could clarify its attribution. Since the paleographic data alone are not infallible, as it was in case of the manuscript Qaf 47, which the Arabist Bernhard Moritz dated to the third (!) century Hijra, based on paleography, while radiocarbon analysis showed a variation of its writing at 96% from 16 AH to 30 AH, that is, the beginning of the first (!) century. Just as radiocarbon dating itself without paleography is not unerring, as it was in the case of the E-20 manuscript, which was dated at 95.5% between 153 and 373 AH, while Orientalist Alan George paleographically dated it back the end first century of the Hijra.

No matter how it was, reasoning from the fact that the Qur'an in the first century, and probably in the following ones, was a subject of very high value, it can be assumed that the circulation of ‘Uthman, so significant for the Islamic world, must have been preserved not only because of the high material cost of the

Codex, but also because of its high value as such. This ultimately gives room for his search and identification among many other manuscripts.

List of used literature and media:

François Déroche. «Qur'ans of the Umayyads, A First Overview»

François Déroche. «The Abbasid Tradition (Nasser D Khalili Collection of Islamic Art)»

Fred Leemhuis. «From Palm leaves to Internet»

Michael Marx. "The Qur'an - The First Arabic Book"

A.F. Shebunin " The Kufi Quran of the St. Petersburg Public Library"

A.F. Shebunin " The Kufi Quran of Khedi Library in Cairo"

E.A. Rezvan, documentary "In Search of the Quran of 'Uthman"

Dr. Tayyar Altıkulaç. «Hz. 'Uthman'a Nisbet Edilen Mushaf-ı Şerîf Türk İslâm Eserleri Müzesi Nüshası»

B. Sadeghi, M. Goudarzi. «Sana 1 and the origins of the Quran»

M.Azami. «The History of the Qur'anic Text from Revelation to Compilation: A Comparative Study with the Old and New Testaments»

M.C.M. Saifulla. «Islamic Awareness»

دراسات في تاريخ الخط العربي منذ بدايته إلى نهاية العصر الأموي . الدكتور صلاح الدين المنجد

كتاب المصاحف . ابن أبي داود السيستاني

المقنع في معرفة مرسوم مصاحف أهل الأنصار . أبي عمرو الدامي

Codex Topkapi Sarayi Medina 1a "1M"

In 2018, in Minsk, with the great support of S. Puchkovsky, we issued a facsimile copy of this manuscript, this article is a brief overview of history, paleography, dating, and textual analysis of the «1M» manuscript.

This is a unique facsimile edition of the most intriguing early manuscript of the Quran, originating from the first century of the Hijra. This manuscript is called the **Codex Medina 1A "1M"** and is kept in the storerooms of the Topkapi Museum in Istanbul. The manuscript contains approximately 78% of the entire text of the Quran. As part of this study, the earliest fixation of the original system *التعقيبية* was found in this codex, where the first word of the next page is written at the end of the previous. Initially, this and many other manuscripts of the so-called "collection of the Levant sheets" (*şam evrakları*) stored in the Umayyad Mosque in Damascus. The entire collection of the Levantine Sheets, as well as this manuscript, has an obvious traces of design in accordance with the traditions of the Umayyad dynasty - the early dynasty (39-128 AH), that superceded the "prophetic caliphate" of the four righteous caliphs.

Historical path of this relic has been insufficiently explored little; there is also little information left on how it acquired its present location. Since the manuscript has clear traces of the design of the Umayyad era, it demonstrates many parallels with other manuscripts of this era. This allows one to suggest that it could have been written on the territory of the Levant. Similar font types are represented in the London Or. 2156, where I. Rabb indicates that this manuscript could have been written in the province of Homs. This testifies that the metropolitan region of the Umayyad Caliphate was actively engaged in the creation of various manuscripts of the Quran. The well-known Arabist F. Deroche mentions that during the period of Caliph Abdul-Malik Ibn Marwan, a special typeface was developed, probably became the most popular in his reign. Deroche proposes to consider the font of the F hand of this manuscript to be related to this type of special Caliph font. If this assumption is true, then this manuscript could have been created on the territory of the Levant, in the metropolitan region, starting from Jerusalem and stretching north to Damascus. It is curious that the manuscript, most likely, was kept for more than a thousand years in the Umayyad Metropolitan Mosque in Damascus, built by caliph al-Walid in 93 AH. And from there it was transported to Istanbul at Ottoman Caliphate decline at the end of the 19th century, along with the "Collection of Levantine Sheets." The manuscript continues to be

kept in the storerooms of the Topkapı Museum and is not displayed. Unfortunately, information about the process and principles of creating manuscripts of the Umayyad era has not reached our days. Only the discovery of the Qur'an repository in Jami al-Kabir in Sana'a provided several examples of the original binder covers of the early Abbasid era, which were already reused, thereby, at least not allowing for a complete reconstruction of the binding, but nevertheless, allowing us to understand the cover design principles. Most likely the type represented some parallels with the "*Coptic binding*", which could get into the traditional Arabian environment through Ethiopia, that had good relations with Muslims. The difference, most likely, could be in the cover of the butt-end of the book. The lids, as a rule, were wooden, and this is precisely what explained their excessive thickness. As far as possible, we tried to repeat these features in this edition in order to bring the reader as close as possible to the relic and its epoch. The embossing design on the cover was created by us. He schematically depicts a mosque framed by ornamental triangles, the prototype of which was adorned with

decorative elements of the Petersburg manuscript E-20. The mosque image was developed on the base of the same one on the first pages of the "Great Umayyad Quran" - that was created in the same decades as this manuscript. Thus, the cover of the book displays the most popular ornamental motifs of that times.

This print was based on photographs of a manuscript made in the 1930s by German orientalists Otto Pretzl and Gotthelf-Bergsträßer (Gotthelf Bergsträßer-Filmarchiv, Bayerische Akademie der Wissenschaften), who traveled the Muslim world in order to fix and catalog the most ancient codices of the Quran. Unfortunately, many works, brief essays and studies of these authors disappeared after the capture of Berlin in 1945. To date, there is very little information about their research work. Only a few batches of photographs of manuscripts kept by Anton Spitaler, have survived, including this manuscript. Well-known scholar Muhammad Hamidulla, who met Otto Pretzl arrived to Paris to collect photocopies of the Qur'anic manuscripts in Paris Library, said that he had photographs of "**42,000 copies (or folios?) Of the Qur'an**" and that "**they are checked.**" Hamidulla adds that Pretzl also issued a "**preliminary report**", which stated that

this manuscript contained random scribal errors, but "**no textual differences**"⁵⁶ from the official text.

Dating

The famous German Arabist Adolf Grohmann was one of the first who specifically listed the Arabic manuscripts of the Qur'an, dating from the first century of the Hijra. His list includes: *British Museum Ms. Or. 2165, Arabe 328a, Istanbul Topkapi Saray Medina 1a, A. Perg. 2, P. Cair. B. E. 1700, Vat. Ar. 1605, Arabic Pal. Pl. 44 and P. Michaélidès No. 32*.⁵⁷ Thus he was one of the first to give the paleographic dating to this manuscript, relating it to the first century of the Hijra. In his other monograph, Adolf Grohmann studied this codex, although it was limited to one Hijazi sheet. Based on the similarities with the dated first century Arab papyrus, Grohmann dated Medina 1a to the first century of the Hijra⁵⁸. In addition, Michael Marx, the professor of the Berlin-Brandenburg Academy, argues that Medina 1a is one of the earliest manuscripts of the Umayyad dynasty⁵⁹:

sence of vowel marks in early manuscripts. For example, the earliest manuscripts written in Hijazi script from the Umayyad epoch (Fig. 4) use only very few diacritics and no marks for short vowels. Manuscript Wetzstein 1913 in the Berlin

Fig.4 - link to the Medina 1a manuscript photo

This manuscript contains a rare, missing in the first century Hijra system of writing the diacritical points of the letter "Qaf" - which was discovered by a professor of Arabic studies at the University of Groningen (Holland) Frederick F. Leemhuis. The professor himself writes⁶⁰:

⁵⁶ M. Hamidullah, *Khutubat-e-Bahawalpur*, 1401 AH, Islamic University, Bahawalpur (Pakistan), pp. 15-16.

⁵⁷ A. Grohmann, "Zum Problem Der Datierung Der Ältesten Koran-Handschriften" in H. Franke (Ed.), *Akten Des Vierundzwanzigsten Internationalen Orientalisten-Kongresses München, 28. August Bis*

⁵⁸ A. Grohmann, "The Problem Of Dating Early Qur'ans", *Der Islam*, 1958, Volume 33, Number 3, pp. 221-222.

⁵⁹ M. Marx, "The Qur'an - The First Arabic Book", U. Franke, J. Gierlichs (Eds.) in collaboration with S. Vassilopoulou, L. Wagner, *Roads Of Arabia - The Archaeological Treasures Of Saudi Arabia*, 2011, Ernst Wasmuth Verlag: Tübingen / Berlin (Germany), pp. 199-201.

⁶⁰ "From Palm Leaves To The Internet" in J. D. McAuliffe (Ed.), *The Cambridge Companion To The Qur'an*, 2006, Cambridge University Press: Cambridge (UK), pp. 147-148.

The style or styles of the script used for these early manuscripts seems to have been or to have become more or less specific for manuscripts of the Qur'an and appears to be different both from the more cursive styles that are known from early papyri and from the lapidary ones that were used in most inscriptions incised in stone. In this early qur'anic style of writing additional signs were introduced to distinguish characters that were used for more than one consonant. Little dashes or dots were added above or under the letters to identify them. The system that is found in the early qur'anic manuscripts is basically the same as the one still in use, except for the treatment of the two letters *fā'* and *qāf*, which have the same initial and medial form. For some time three methods existed: (1) one dash above for the *fā'* and two for the *qāf*; (2) one dash underneath for the *fā'* and one above for the *qāf*; and (3) one dash above for the *fā'* and one underneath for the *qāf*. The first method has become the standard for eastern styles of Arabic and for its printed forms. The second became the norm in the Arab west and can still be found in lithographed editions of the Qur'an in use in the Maghrib.

The third method did not survive and probably was followed for only a short time, possibly in the Ḥijāz and Yemen. It is, however, significant because it was also used in the inscriptions in the Dome of the Rock in Jerusalem. The mosaic inscriptions in the Dome of the Rock, which consist

148 *Fred Leemhuis*

mainly of qur'anic quotations, quite clearly imitate a style of writing that is very close to the style we know from early qur'anic manuscripts. Where *fā'* and *qāf* are punctuated, they have their dashes exactly according to this third method. This external evidence leads to the conclusion that early Qur'an manuscripts with the same method of punctuation date roughly from the same short period, i.e., from around 692 CE when the Dome of the Rock was built.

To date, I am aware of only four manuscripts in which this method is adopted. They are preserved in Istanbul (Saray, Medina 1a³), Ṣan'ā' (Dār al-Makḥṭūṭāt, Inv. No. 01-29.2⁴), St Petersburg (Inv. No. E-20⁵) and Vienna (Fig. 5; Cod. Mixt. 917⁶). Two of these manuscripts are fairly long; of the Viennese codex 104 leaves are extant, and of the St Petersburg one, 81 leaves. As all early qur'anic manuscripts appear to do, these two manuscripts also represent the 'Uthmānic redaction. This suggests that the 'Uthmānic redaction already enjoyed a degree of acceptance at that early period. The

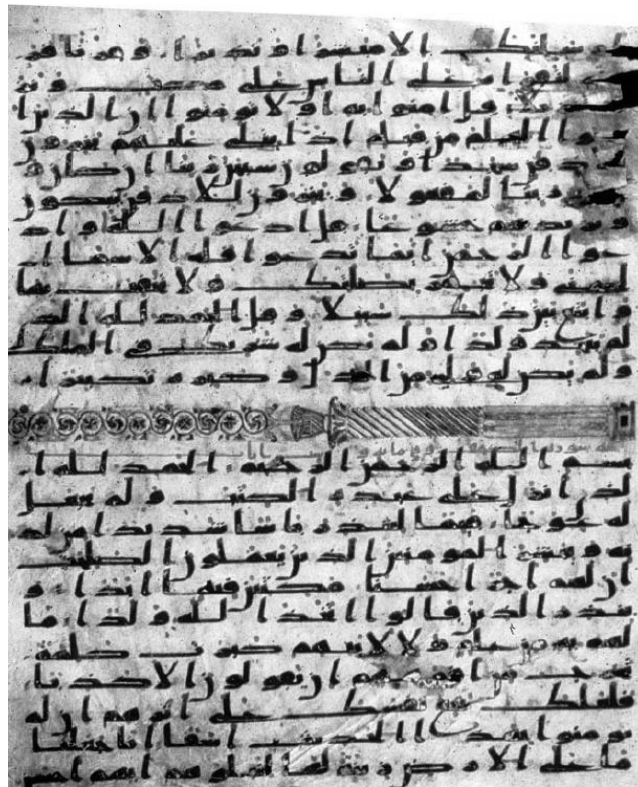

اذا قضامدا فانما يعول له كرفكور ار الله قد وديكم
 فاعكوه قكا طرفا مستقيم: سهد الله انه لا اله
 الا هو والمليكه واولوا العلم قيما بالفسط لا اله الا هو

An example of inscriptions from the “*Dome of the Rock*”: the letter ق has one point below it (*underlined in red*), also a part of the mosaic with the date of completion of the construction of the “*Dome of the Rock*”: “**This dome was built by Abdullah Imam al Ma'mun, Lord of the Believers in the year 72, may Allah accept from him.**”

Based on the work of F. Lemmus, all texts with such spelling date back to this time, since on the other buildings, on epitaphs and texts, this method of writing these letters no longer occurs.

With the exception of the last hand, the Medina 1a manuscript is written in various forms of the Hijazi font, all of which represent an introduction to the Kufic tendencies of the Umayyad period, as evidenced by the uniformity and regularity of their design and general appearance of the page. Medina 1a font style is the same as in the manuscript of Marcel 13 + Arabe 330c (the same manuscript, divided into two collections), as well as the TIEM ŞE 321 manuscript.

Manuscript Marcel 13 from the collection of the National Library of Russia, St. Petersburg.

The final hand of the Medina 1a manuscript (Hand F) has the greatest potential to shed light on the place where this manuscript was created, as well as the date of its writing. The manuscript of Marcel 13 was described in detail in the literature⁶¹, highlighting it from a small group of specific manuscripts. From the paleography point of view, François Deroche, one of the leading Arabists of our time, summarizes the main characteristics of this Marcel 13 font, showing his close relationship with the mentioned manuscripts (Arabe 330c, TIEM ŞE 321), as well as with the border stones of Caliph Abd al-Malik ibn Marvan (rules from 63-83 AH.)⁶². The last hand from Medina 1a fits into this group of fonts⁶³. Based mainly on paleographic and artistic-historical criteria, Orientalists Alan George and Barry Flood date Marcel 13 to the end of the 1st century Hijrah. Alan George stated that the font precedes the Sana'a Codex 20-33.1, which is dated to the end of the first

⁶¹ F. Déroche, "Colonnes, Vases Et Rinceaux Sur Quelques Enluminures D'Époque Omeyyade", *Comptes Rendus Des Séances / Académie Des Inscriptions & Belles-Lettres*, 2004 (published 2006), pp. 227-264.

⁶² F. Déroche, "Colonnes, Vases Et Rinceaux Sur Quelques Enluminures D'Époque Omeyyade",., стр. 231-234.

⁶³ F. Déroche, "Colonnes, Vases Et Rinceaux Sur Quelques Enluminures D'Époque Omeyyade",., стр. 233

century of the hijra⁶⁴. Sana's manuscript 20-33.1 - the so-called. "*The Great Umayyad Quran*", dated by C₁₄ to 657-690 AD or 35-67 AH. Von Bothmer paleographically agrees with this chemical dating. If the assumption of A. George is correct, then this type of font should be dated to a period of approx. 67 AH / 690 AD.

On the left is the TIEM ŞE 321 manuscript, showing the same handwriting of the F hand of the Medina 1a manuscript, on the right - the Caliph Abdul-Malik border stone, resembling Marcel 13 + TIEM ŞE 321 in the opinion of F. Deroche⁶⁵.

<p>Topkapı Sarayı Medina 1a</p>	<p>Marcel 11, 13 & 15</p>	<p>TIEM ŞE 321 "Damascus Umayyad Qur'an"</p>	<p>BNF Arabe 330c</p>	<p>Milestones of 'Abd al-Malik</p>

Figure 2: Comparison of consonant shapes in Codex Topkapı Sarayı Medina 1a with Marcel 11, 13, and 15, TIEM ŞE 321, BNF Arabe 330c and milestones of 'Abd al-Malik b. Marwan.

The font table created by F. Deroche, where the researcher M. Saifulla added the font Medina 1a.

⁶⁴ A. George, *The Rise Of Islamic Calligraphy*, 2010, Saqi Books: London (UK), pp. 75-80 & p. 148; F. B. Flood, "The Qur'an", in H. C. Evans & B. Ratliff (Eds.), *Byzantium And Islam: Age Of Transition 7th - 9th Century*, 2012, Metropolitan Museum of Art: New York (USA), pp. 270-271.

⁶⁵ F. Déroche, "Colonnes, Vases Et Rinceaux Sur Quelques Enluminures D'Époque Omeyyade", ctp. 231-234.

F.Deroche himself writes about the TIEM ŞE 321 manuscript:

Another script could also be representative of the Umayyad book hands (fig.10). The discovery of a fair amount of folios from a Qur'ān with illuminated *sūra* headings (it will be referred to now as the Damascus Umayyad Qur'ān⁵⁸) was instrumental in establishing its date.⁵⁹ The illumination of this Qur'ān relies on motifs which find their parallels with the mosaics of the Dome of

the Rock (fig.11). The orthography is slightly more developed than that found the manuscripts and fragments in *ḥijāzī* style. The format is still vertical. A tendency towards a greater homogeneity in the number of lines per page is obvious. The letters are spread over the page thanks to an extensive use of the elongation of the horizontal connections or to a regular spacing of the letters or groups of letters irrespective of their being part of a word or not. In keeping with the use observed in the manuscripts and fragments in *ḥijāzī* style, words can be divided at the end of a line when there is not enough space left, provided that the word includes a letter which does not require connection with the next one.

The script itself still bears some similarities with the *ḥijāzī*. Although the writing instrument is slightly thicker than the one usually associated with *ḥijāzī* (between 1.5 and 2 mm), the ratio between the height of the script and its thickness is still quite high and as a whole its appearance is close to that of MS BL Or. 2165 (fig. 6). The shafts (*lām*, *alif*) tend to be vertical, although there are still some tendencies to have them slanting to the right; an exception is the shaft of the letters *tā'* / *zā'* which remains oblique. The *lām* in isolated position was apparently somewhat problematic for the copyists of the time who hesitated between two shapes. In some instances, the lower horizontal stroke is located below the base line –similar to the final *lām*. In other cases, this part of the letter is drawn on the base line; the shape cannot be mistaken for a *kāf* since, as we have already seen, the latter is written in a very different way in its isolated and final positions. The isolated *lām* with its lower tail on the base line is already found in *ḥijāzī* manuscripts. It significantly appears on 'Abd al-Malik's milestones nos 1 and 3 in Max van Berchem's publication, whereas the other shape has been used on milestone no 2.⁶⁰ By far the most original letter is the final or isolated *mīm* which is devoid of any tail – to such an extent that in some fragments, a later hand added these tails in order to make the script more "legible"; in this case, the parallel is obvious with the *ḥijāzī* style, or at least with a tendency found in some manuscripts, particularly London, BL Or. 2165 and hand A of Paris, BNF Arabe 328a.

In more detail F. Deroche explores this type of font in the book “Qur'ans of the Umayyads: A First Overview”. Where he writes⁶⁶:

As noted by Amari, this script (which I propose to call “O I”) retains something of its *ḥijāzī* origins.²⁰ As indicated previously, Hand D of the *Codex Parisino-petropolitanus* can be seen as a forerunner.²¹ It is still a little hesitant and some of the letter shapes, the *hā'* for instance, are very different from those of the new Umayyad script. What is more interesting is the relationship between the script of the Qur'anic manuscripts and some of the Umayyad inscriptions, notably 'Abd al-Malik's milestones: “[their] writing as a whole echoes manuscript calligraphy.”²² The isolated or final *qāf* is almost identical with that found on stone and the same can be said of the final *kāf* in the caliph's name on three of the milestones;²³ to these comparative examples can be added the shape of the *kāf* found on two of the inscriptions on the Dome of the Rock, that in mosaic and another one on a copper plate at the northern entrance of the building.²⁴ Alain George has suggested to identify in all these

He further summarizes his dating of this type of font⁶⁷:

manuscript tradition, a style becoming specific to a certain use. These elements point into the same direction: at the end of the first/seventh century, under the reign of caliph 'Abd al-Malik, a fateful change occurred in the chancery of

that is, from 63 to 83 AH.

In general, as was presented in the works of the early and modern Arabists, this manuscript with the O I font type is dated to the first century of the Hijra by all scholars. As for a more specific dating, according to the system of writing the letter “Qaf”, noted by F. Lemmhuis, as well as F. Deroche's stylistic and paleographic analysis, this manuscript can be attributed to the period of the reign of Caliph Abdul-Malik ibn Marwan, i.e. from 63 to 83 the years of the hijra. Taking into account a fairly accurate guideline - the writing of the letter “*Qaf*” in the period of approximately 70s of the first century — we suggest to date this manuscript to the first half of the governance of Caliph Abdul-Malik, that is before to the 70s. Since there is a large reservoir of rock inscriptions on the territory of Hijaz, dated by the authors to the reign of Caliph al-Walid and subsequent rulers, in which this writing system “*Qaf*” no longer occurs. This allows us to say about the termination of the practice of writing such after the construction of the “*Dome of the Rock*”.

⁶⁶ Qur'ans of the Umayyads: A First Overview (Leiden Studies in Islam and Society). December 2, 2013. pp. 80

⁶⁷ Qur'ans of the Umayyads: A First Overview (Leiden Studies in Islam and Society). December 2, 2013. pp. 94

According to the paleographic features presented by another manuscript - San'a 20-33.1, which dates according to the radiocarbon dating of C₁₄ to the before 67 AH, we can claim that our manuscript was written much earlier. Because the font type O I, which is found in our manuscript, is also contained in the manuscript Marcel 13, that in the opinion of Alan George is preceded by the manuscript San'a 20-33.1. This means that this font O I was distributed in the late 50s and early 60s of the first century of the Hijra. In general, one can safely say that this manuscript was written fifty years after the death of the Prophet Muhammad, peace and blessings of Allah be upon him.

Text

Text of this manuscript has a unique advantage. He was rechecked by scribes several times. This was due to the fact that four to six different scribes worked on its creation, where each subsequent recheck what was written by his predecessor. The already mentioned G. Bergstrasse confirms the above described principle of the reliability of the rechecked text: « **codices checked and corrected by the scribe by comparison with the original manuscript, more reliable than those that have not been subjected to such a procedure.**»⁶⁸

Manuscript contains a number of revisions, presented mainly on pages 382 and 421, which in their form may seem to be an additional appendix to the original text of substantial speech volume, in size of several sentences. It should be noted that their application was a synchronous to writing of the manuscript itself, thereby rejecting the variation of their late, foreign, unintended revision by original scribes. As stated above, this was due, , to the work of several different scribes on the manuscript , where each new scribe, before starting to work, rechecked what was written by his predecessor. Thus, the last edit F represents the highest number of edits. Next, the font matching tables with the F hand will be listed.

⁶⁸ Usul naqd al-Nusus wa Nashr al-Kutub (in Arabic) Cairo 1969, pp. 14

Hand F

Samples of final forms p. 382, bearing common features with hand F

As can be seen in the table, the typical features of editing p. 382 of the writing of the final “ya” and the final “qaf” fully coincide with the same letters in the hand F. Thus, it becomes clear that this editing was made even when the manuscript has not yet been completed, indicating it to be simultaneous to the writing of manuscript’s text. In this case, all letter samples of this edit are examples of the writing of the F hand, making it possible to identify and attribute the second edit on page 421.

421 382

حد

نم 576, 74:22, Hand F

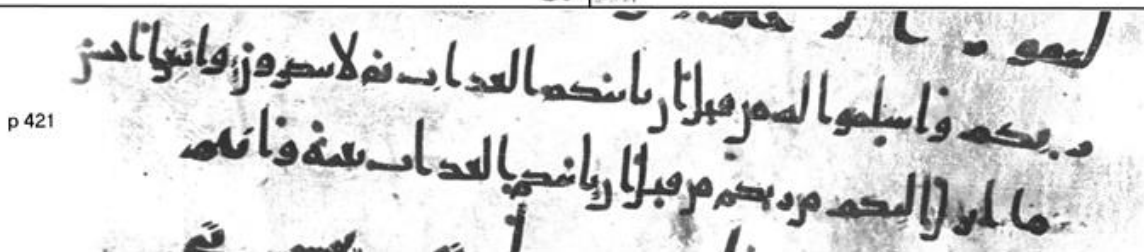
نم

نم

نم

نم

نم

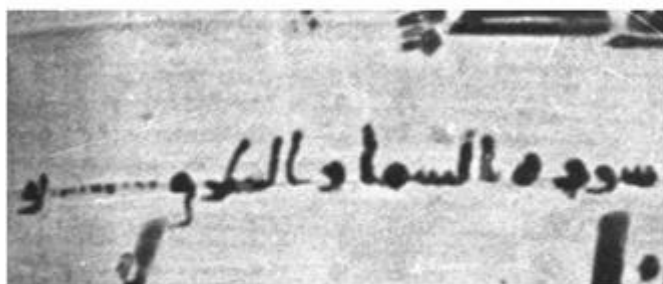

Font table from reviewed and attributed to hand F edit page 382 with second edit on page 421

Here, it can be clearly seen the spelling of a number of letters fully coincides with the revision of page 382, previously attributed as hand F. Thus, the editing of page 421 is also an amendment of the hand F of this codex. Based on this, it can be concluded that the correction of errors was made at the time of writing the manuscript itself, leaving only minor spelling errors uncorrected, not exceeding 1-2 letters, in 20 places of the manuscript.

p 596

Hand F

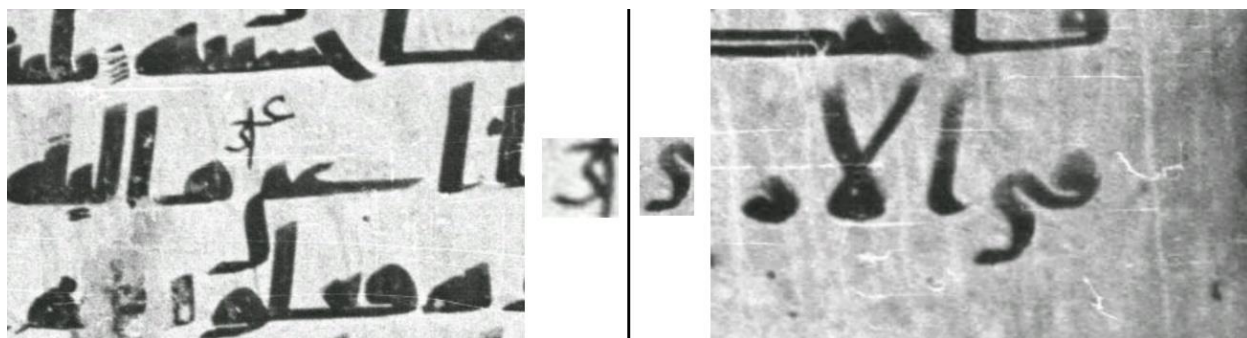
و

و

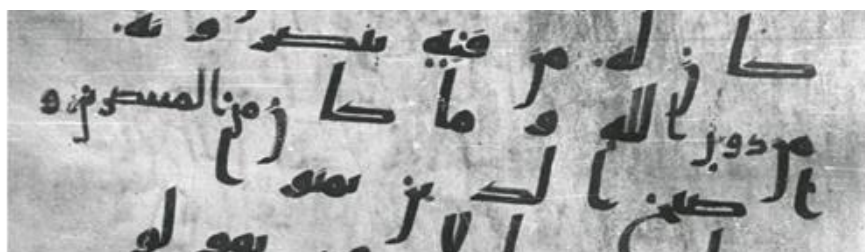
The comments of the hand F before the beginning of the surahs in 30 juz are also noteworthy. They are written out with a very thin pen, that indicates almost all, even minor corrections in this manuscript, were made by hand F. Thus, they can be dated to the period when the manuscript was not yet completed, referring all changes to the original text. It should be noted that this scribe in this codex with a thin pen entered the names of the surahs in the title, as well as placed the sequence

number according to the *abjad* numerology, the same is found in the Arabe 330c, manuscript written by the same O I. handwriting.

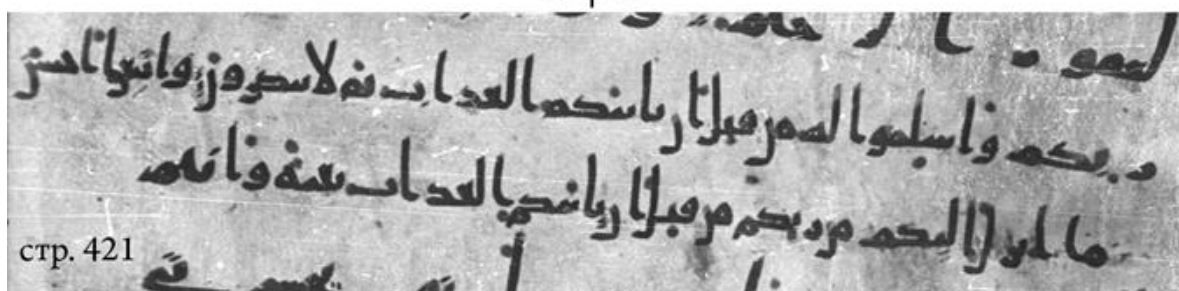
Striking example that the “*thin*” corrections noted above are written with the hand F is the following example, where the shape of the final “*ya*” is similar to one of the hand F.

Summarizing, it can be argued that almost all corrections, even minor ones, are of the hand F, thus relating them to the period when the manuscript was not yet completed. The following are shown places with the already identified examples of the correcting handwriting hand F on page 421, 382 and others, where the usual handwriting of hand F is represented.

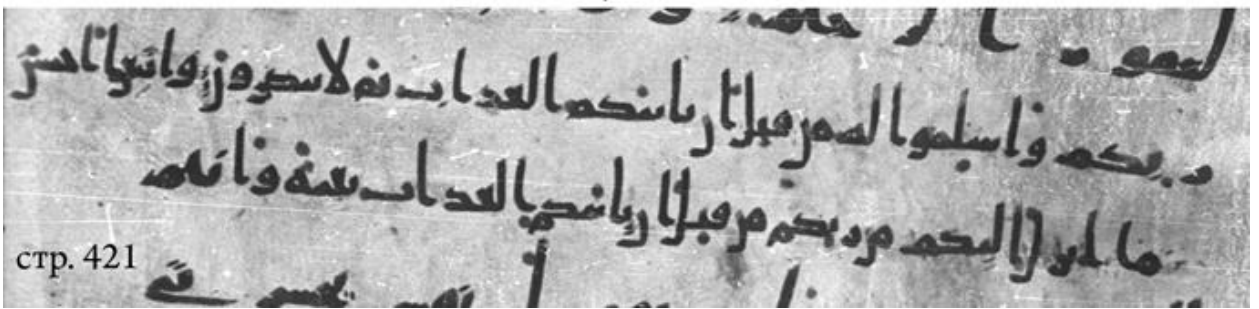
p. 421

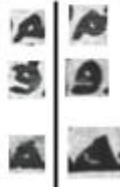
стр. 421

p.421

стр. 421

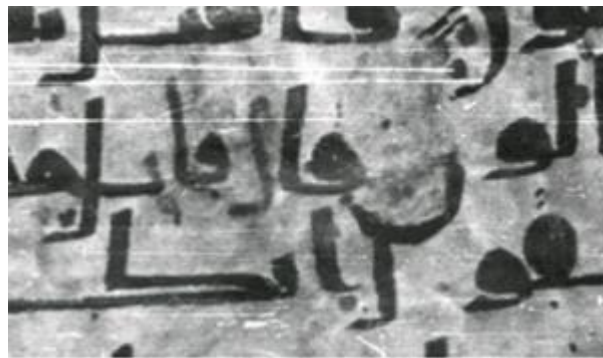

p.421

p. 455

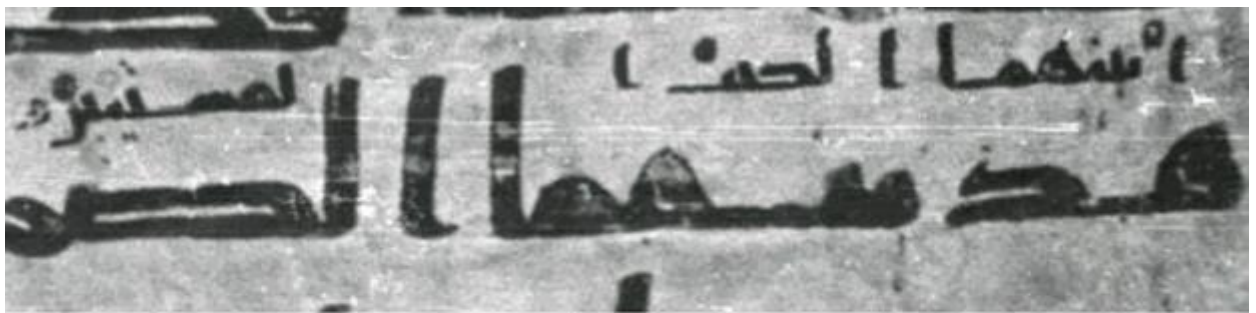

لا لا
تا تا p.421

ما ما
ما ما p.421

لا لا
لا لا p.376

ه ه
ه ه p. 500

ل ل
ل ل p. 500

ص ص
ص ص p.421

Thus, all corrections⁶⁹ in this manuscript were put down to the text when the manuscript was not yet completed, attributing all of them to the original text.

Scribal errors

This codex contains 21 minor spelling errors. Here there is, perhaps, as the most serious mistake, the omission of the letter at 43:23, where the letter ذ was missed in the word نذير, ر initially was omitted and however, with the same hand was placed above the word. Later, the non-scribing hand of this manuscript, [this is the only edit by non-original scribes, although it may also be hand F, as evidenced by the “thin” character of the pen], was the original letter ر circled and the letter ن was added to it. This correction is typical for *Naskh* font, since in it letter ر of the *Hijaz* is similar to د of *Naskh* font, and if you add the initial ن to it and put the dot above it, and also above د, then it will give نذ in that case, remaining on the line ير gives in font *naskh* - ير

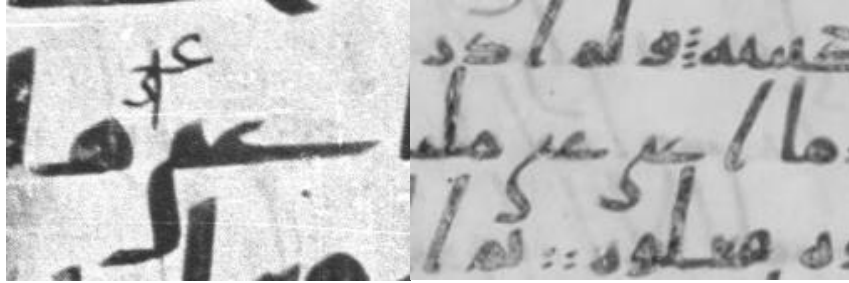

For example, in *Arabe 328b* manuscript (right), written by approx. up to 30-40 AH., there is no this error, showing that this spelling is a spelling error, not a textual discrepancy.

There is an omission of the word عَنِّي at 69:28, but it is inscribed and corrected by the same scribe while writing the manuscript itself, since the final ي is the same as that of this scribe. Above, a comparison made between the type of these letters and the type of “thin” letters in the surahs remarks and inscriptions of the hand F, showed that this is one hand. There are also no diacritical points, that is typical for this scribe, due to they rarely took place in the first century. Therefore, we do not put this corrected error in the list of errors of this codex, since it was improved in a proper time, but we bring it here to demonstrate that the very nature of the omission is widely known in the science of textual science. The reason for

⁶⁹ Except for one, which will be written in the section “Errors of the scribe,” although it is possible that it was also entered by hand F

this is *homoioteleuton* (gr. ὁμοιοτέλευτος), it is an error that occurs when the same ending of words or lines, because of which the scribe could make the omission of a repeating element with the same ending. In this case, both words are written in the same way, except for the initial *alif* in the first word.

In Arabe 328b manuscript (right), written by approx. up to 30-40 gh., there is no this error, showing that this spelling is a spelling error, not a textual discrepancy.

This type of error is also noted by the authoritative textologist of the New Testament, Bruce Metzger, in his book “*The Text of the New Testament*”, where he writes⁷⁰:

⁷⁰ The Text of New Testament 4th Edit by Bruce M. Metzger, Bart Ehrman, p.253

Another example of a biblical manuscript that undoubtedly goes back to a cursive ancestor is the Berlin fragment of Genesis, a papyrus copy in semicursive script dating from the third century A.D. From a study of a wide variety of scribal errors in the text, the editors concluded that one or more ancestors were written in a typical cursive hand.⁵

When two lines in the exemplar being copied happened to end with the same word or words, or even sometimes with the same syllable, the scribe's eye might wander from the first to the second, accidentally omitting the whole passage lying between them. Thus is to be explained the curious reading at John 17.15 in Codex Vaticanus, which lacks the words that are enclosed in square brackets: "I do not pray that you take them from the [world, but that you keep them from the] evil one." In the exemplar from which the scribe of this manuscript was copying, the Greek text probably stood in the following arrangement:

..... αὐτοὺς ἐκ τοῦ
κόσμου

..... αὐτοὺς ἐκ τοῦ
πονηροῦ

After copying the first line, the scribe's eye returned, not to the beginning of line 2, but to the beginning of line 4. Such an error is called *parablepsis* (a looking by the side)⁶ and is facilitated by *homoeoteleuton* (a similar ending of lines).

5. See the list of scribal errors collected by Henry A. Sanders and Carl

B. Metzger, describing the manuscripts of the New Testament, visually demonstrates the textual and written aspects that the ancient manuscripts represent, where he analyzes identifying the "technical" errors, separating them from the intentional ones.

Below is a list of simple errors in the graphemes of letters:

8:40 in the word المولى written extra ا

9: 107 in the word الذين و missed و

13:40 in the word إن و missed ن

14:14 in the word لمسكنكم the second ن missed

15:79 in the word فانتقمنا mixed places of م and ن

- 17:21 the word الاخرة when relocating to a new line is re-written خر
- 17:52 in the word لبثتم missed ت
- 17:64 الشيطان missed the first ا
- 18:54 in the word الانسان the second ن missed
- 20: 5 in the word استوى missed ت
- 20:14 in the word للذكري is written an extra ل that is - للذكري
- 23:41 in the word فيغداف missed غ
- 25:20 in the word اتصبرون missed ب
- 30: 8 in the word بينهما missed م
- 30:13 in the words لهم من, in the word لهم missed م that perhaps is an archaic system of assimilation of sound, as in the example من ما which is written as مما
- 35:27 in the word سود before د an extra letter is written, that is, سد maybe this is سُ
- 40:58 in the word المسية kasra in Madd Muttasil is written in ا and completed by hamza through ى that was the archaic for the first-century spelling rule. [is not a mistake]
- 43:32 in the word معشتهم there is no ت
- 48:14 in the word يشاء the hamza is written through ى as it was said about 40:58 [is not an error, this rule also occurs in 18:77]
- 58: 1 in the word تشتكي there is no second ت
- 60: 9 in the word تولوهم written over the second ل
- 68:48 in the word هو, the letter و is mixed up with م, as their graphemes in this Hijazi handwriting have a similar final form.

A total of 21 scribal errors, all these errors are represented either by missing a letter, or by writing an extra letter, or by mixing up the order of writing two letters. All these demonstrate that the nature of these errors is insignificant and does not affect the text of the Quran. The previously mentioned Otto Pretzl who examined this Quran, as wrote about this in his preliminary report, asserting that

random scribal errors were found in this manuscript, but "no textual differences"⁷¹ from the official text.

The nature of such errors, mentioned earlier by B. Metzger in his book «Text the New Testament», noted criteria that allow such errors in the manuscripts to be classified as random and unintentional errors of the copyist. Metzger writes⁷²:

the Vulgate). At Heb. 4.11, the scribe of Codex Claromontanus wrote *ἀληθείας* ("truth") for *ἀπειθείας* ("disobedience"), with quite disastrous results to the sense!

3. Errors of the Mind

The category of errors of the mind includes those variations that seem to have arisen while the copyist was attempting to hold a clause or a sequence of letters in a somewhat treacherous memory between glancing at the manuscript being copied and writing down what had been seen there. In this way, one must account for the origin of a multitude of changes involving substitution of synonyms, variation in word order, and transposition of letters.

1. Substitution of synonyms may be illustrated by the following examples: *εἶπεν* for *ἔφη*, *ἐκ* for *ἀπό* and the reverse, *εὐθύς* for *εὐθέως* and the reverse, *ὅτι* for *διότι*, *περί* for *ὑπέρ* and the reverse, and *ὀμμάτων* for *ὀφθαλμῶν*.

2. Variation in the sequence of words is a common phenomenon; thus, the three words *πάντες καὶ ἐβαπτίζοντο* in Mark 1.5 also appear in the order *καὶ ἐβαπτίζοντο πάντες* as well as *καὶ πάντες ἐβαπτίζοντο*.

3. Transposition of letters within a word sometimes results in the formation of a different word, as *ἔλαβον* in Mark 14.65 becomes *ἔβαλον* in some manuscripts (and *ἔβαλλον* in other manuscripts). Such alterations of letters sometimes produce utter nonsense; at John 5.39, where Jesus speaks of the Scriptures as "they that bear witness (*αἱ μαρτυροῦσαι*) concerning me," the scribe of Codex Bezae wrote "they are sinning (*ἀμαρτάνουσαι*) concerning me"!

4. Assimilation of the wording of one passage to the slightly different wording in a parallel passage, which may have been better known to the scribe, accounts for many alterations in the Synoptic Gospels. Thus, at Matt. 19.17, the reading of the earlier manuscripts, "Why do you ask me about what is good? One there is

Thus, these errors, where letters are mixed up, or one is missing or an extra letter is written, B. Metzger classifies as unintended errors of the scribe, which do

⁷¹ M. Hamidullah, *Khutubat-e-Bahawalpur*, 1401 AH, Islamic University, Bahawalpur (Pakistan), pp. 15-16.

⁷² *The Text of New Testament* 4th Edit by Bruce M. Metzger, Bart Ehrman, p.257

not affect the text itself and are not intentional. As can be seen in the list of errors we cited, there are no serious spelling errors in this manuscript, let alone textual ones. This allows us to conclude that this manuscript gives us word for word the same text of the Quran that exists today. Moreover, this text was written down after approximately 50 years after the death of the Prophet Muhammad, peace and blessings of Allah be upon him, and 25 years after the publication of the prophetic Quran Caliph ‘Uthman ibn Affan, may Allah be pleased with him!

Archaeological evidence of early fixation of the Quran

In Islam, there is no such thing as the Quran Textus Receptus⁷³. This is due to the fact that, unlike other confessions, according to Islam, Scripture canonically is transmitted by memorizing only from teacher to his disciple. There are hundreds of thousands of such chains today, which in turn go back to seven *riwayahs* - “transmissions [of the text]”. These seven *riwayahs* were collected by seven different Imams eponyms of the *riwayahs* themselves: Nafi’ al-Madani (died in 785), Abdullah al-Makki (died in 737), Abu Amr ibn al-A’la (died in 770), Abdullah al Yathribi (died in 736), ‘Asim ibn Abu Najud (died in 744), Hamza ibn Habib (died in 772), ‘Ali al-Kisa’i (died in 804), who in turn received the text of the Qur’an from the *tabi’ins* and the Companions of the Prophet, peace and blessings of Allah be upon him. Only a person who has learned in this system knows how demanding conditions are set for hafiz - a person who has learned the Qur’an by heart. It is important not only the literal memorization of the text itself, but no less attention is paid to the alignment of pauses in the text, stretching the vowels, how long to lengthen, where to double the consonants and much more, this is a separate disciplinary section. All this in its entirety conveys not only the text itself, but also its sound. Based on this system, the text of the Qur’an is transmitted to this day. Undoubtedly, it has its advantages, since it is possible to trace in detail the specific path of the Qur’an reached, the modern through the centuries. How to track what people passed it on, who they are, what their reputation is, can they be trusted? Such an analysis is not possible with the scriptures of other religions. Their attribution to a particular author is ascribed and remains strictly traditional. In addition, the totality of hundreds of thousands of chains ascending through the Imams of *riwayahs* to the prophet, textually give the same text of the Qur’an. Despite the fact that the chains have been scattered throughout the Muslim world

⁷³ Gabriel Reynolds (Gabriel S. Reynolds - Professor of Oriental Studies at the University of Notre Dame) said that the Cairo edition of 1924, which was the basis of modern editions, is based on *riwayahs*, not on manuscripts.

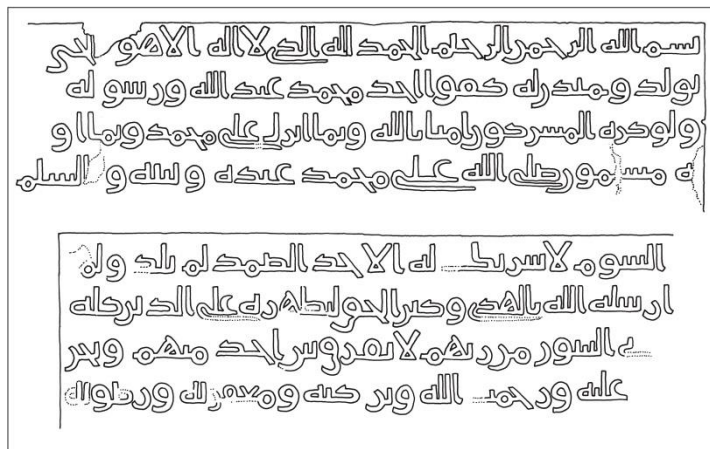
for centuries: *riwayah* Warsh from Nafi' is spread in the western Sahara, *riwayah* Qalun from Nafi' - in Libya, *riwayah* Duri - in the south of Sudan, 'Asym - in the east, from Syria to India, Ibn Dhakvan from Ibn Amir - in the mountains of Yemen. But at its core, this method of transmitting the text of the Qur'an to an outside researcher partially remains in the field of theory. Where is the physical evidence of the presence in the early epoch of this system itself? Undoubtedly, the study of the manuscripts of the Qur'an of the 1st century AH, conducted in the last half century, provided sufficiently large amount of factual material to prove the authenticity of the text transmission system. Such manuscripts as Arabe 328, HS44/32 and many others showed that they were written in accordance with various *riwayahs*, one can even point out the tendency that in the metropolitan Damascus region reading in the *riwayah* of Ibn Amir prevailed. Mosaic inscriptions in the «Qubbat as Sakhra» mosque in Jerusalem can be called a new testimony to the early fixation of the text of the Qur'an in *riwayah*. The mosque was built in the years 69-72 AH, and in its decoration green colored stripes were used, where various ayahs of the Qur'an were laid out in small letters from smalt. My attention was attracted by the surah 112, written on the outer south side of an octagonal arcade. There are various drawings of all the inscriptions of this mosque. Some of the most famous are the drawings by Christel Kessler, published in 1970 in the «Journal Of The Royal Asiatic Society», pp. 2-14. The second study of the epigraphy of "The Dome of the Rock" was the work of Marcus Milwright, a professor of Oriental studies at the University of Victoria in Canada. And perhaps the most valuable material became high-quality photographs made by Said Nuseibeh and published in the book "The Dome of the Rock" by Oleg Grabar. However, in the format of the book, the quality of photographs remains poor, in contrast to their digital original. During the initial examination of Kessler's drawing, I noticed a somewhat strange spelling of the word كُفُوا It was written without a final *alif*.

سَمِ اللّٰهَ الرَّحْمٰنَ الرَّحِیْمَ لَا اِلٰهَ اِلَّا اللّٰهُ وَحْدَهُ لَا شَرِکَ
لَهُ فَرِحُوا بِاللّٰهِ اِنَّ اللّٰهَ الصَّمِکَ لَهُ یٰکُمْ وَلَمْ یُوٰکِدْ وَلَمْ
یُکْرِهْ کَفُّوا ک مُحَمَّدٌ رَّسُوْلُ اللّٰهِ عَلَیْهِ السَّلَامُ ﴿١١٢﴾

Sketch by K. Kessler, Journal Of The Royal Asiatic Society, pp 2-14. 1970. The absence of an alif is underlined.

Such a strange writing caused twofold suspicions: is it the error of Kessler or the of the ancient masters? In the course of the research, I found an article by

Marcus Milwright, where he was drawing a copper plate engraved with Qur'anic quotations, located at the northern entrance to Qubbat al Sahra. I found a number of errors in the text (*drawings*) that deprived some words of meaning.

Drawing M. Milwright from a copper plate from the north entrance

Such an eccentric words spelling aroused my interest, and I turned to the author of the article M. Milwright with a request to provide more detailed information about the original source, he took a copy of the text from, whether he shoot live photo or from a picture? Also in the letter I attached his drawing, where I corrected the erroneous places in red, indicating how they should look without errors.

Revised drawing of M. Milwright

In his prompt reply, he said that he copied the inscription from the photograph of Alan George, published in one of his monographs. And graciously provided me with the original photo. In the actual picture, the text has been correctly engraved. Because of the deep shadows in problem areas, the illusion of erroneous writing was created. Thus, in the original, the inscription on the copper plate was written without error. Its text contains quotations from the Qur'an and Surah 112: **“With the name of Allah the beneficent the merciful, praise be to Allah, except for whom there is no other god, He is Alive, He is Eternal, He has no partner, [Allah] «is One, [Allah] is Eternal, not begat and not born, and there is nothing like Him”**112: 1-4. Muhammad is a servant of Allah and

His Messenger, "Allah sent him with true guidance and true religion in order to exalt it over all [other] religions, and even if it is hateful to the Gentiles" 9:33. We believed in Allah and in what he sent down to Muhammad, "and that which was given to the prophets from their Lord, we do not distinguish one of them and we are submissive to Him"2: 136. [May] Allah be pleased with Muhammad, His slave, His prophet, and peace to him [Muhammad] and the mercy of Allah and His grace, and His forgiveness and His satisfaction."

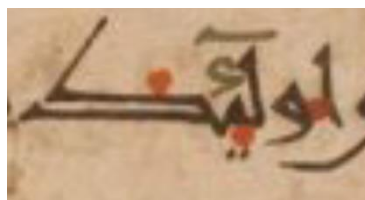
The plate created during construction. Thanks to this material, it became possible to further and very productive communication with Professor M. Milwright. When I asked whether he had original photographs of mosaic inscriptions, he replied that he did not have, but indicated that he had made drawings from photographs of S. Nuseibeh in O. Grabar's publication. And he also gave me his drawing of the outer southern wall of the arcade. His drawing was more accurate and detailed than Kessler's, but there also was no *alif*. In the letter, he himself drew my attention to this strange spelling of the word كُفُوًا along with pointing to the non-standard spelling of the final ك in the word "partner", which, however, is widely represented on the Umayyad dirhams on the obverse, representing ultimately only a calligraphic variation. Having received the drawing of the text with no *alif*, I understood that this writing is original. By this time, the decision to purchase the book by Oleg Grabar has already matured, realizing that I need the original pictures, not drawings. The book "The Dome of the Rock" has not been published since 1996, so it was not available in the bookstores of the world; I managed to find a 1996 edition at one second-hand bookseller in the USA. My trusted friend, who always assists concerning Islam problems, helped me to get this edition, may Allah accept his good deeds! A month after the purchase, I was finally able to get the book. Photographs, though not quite clear due to their small size in the book, but quite clearly demonstrated the absence of *alif* in this word. Anticipating the book arrival, I turned to the photographer of these inscriptions - Said Nuseibeh. At that time I have already found the answer about writing this word. And I was able to substantiate in my letter to S. Nuseibeh the need to obtain a digital photograph of the south wall with surah 112. In my letter I detailed the reason, put forward by me, of such writing. It should be noted that the photos are the copyright of S. Nuseibeh, therefore, they can only be owned by me by buying out the photographs. In view of this, it is not possible to obtain them for research purposes without redemption. However, S. Nuseibeh, having familiarized himself with my considerations, kindly provided me with a number of photographs of Sura 112 in high quality, I am very grateful to him for this, since I was finally able to get quite exhaustive material for research. The quality of the image is so good that

you can count the number of pieces of smalt, from which the letters are laid out! However, the material was given to me without the possibility of publication. The photo clearly shows the absence of an *alif* in the word كُفُوا and the arrangement of the letters in the line indicates that such a spelling was provided in advance, since the distance between this and the next word is so small that it would be impossible to fit an *alif* there. In this case, indeed, we have surah 112 with such a strange writing. But is this really a mistake? Researching this feature, I found in the Indian edition of the Quran "كلام المجيد بخط الكوفي" a note in the margin that in *riwayah* Nafi' and Khamza this word is with *Hamza* (*mahmuza*), and the final *alif* is not written in it. Tafsir Samarkandi also reinforces this.

Note on the margin explaining the spelling of the word with hamza

It should be marked that the Hamza sign was absent in the first century of the Hijra, the *mahmuza* letters were in no way indicated, that is, the *Hamza* was meant that M. Van Putten indicated in detail relatively recently, denoting that the earliest Mushaf with the familiar *Hamza* was written in 361 Hijra in the Quran Ibn Shadan.

The earliest symbol of Khamza from the Qur'an ibn Shadan, 361 AH.

Given the lack of a graphic design of the Hamza in the first century, this word without a final *alif* is nothing more than a word with a "و" with *hamza* according to *riwayah* Nafi' and Khamza. In this case, in 69 AH, the text was

applied in accordance with a certain *riwayah*. And this distinction is not through a difference in vocalizations, but in the in "skeletal" basis of the word. This feature of writing holds a special place in the evidence of early fixation of the text according to the *riwayah*. The writing of the text occurred at a time when many companions of the Prophet Muhammad lived on the territory of the Levant, may Allah bless him and give him peace. The last companion who lived in Damascus died in the year 83 AH, and the last of all the companions of the Prophet died in the year 101 (according to other reports in 110). Considering that the Companions of the Prophet were a special and respected stratum of society, we can safely assume that they were invited to the grand opening of this mosque in the year 72 AH. And they became witnesses of this text on the walls of the mosque, thereby transmitting to us the text of the Qur'an, witnessed by them, written according to oral transmission.

Stylometry of the Quran: Two Views

Textual criticism of the Quran is the subject of numerous studies. As a rule, researches possess traditional material: manuscripts and historical information obtained from excavations or chronicles, which are analyzed with application of traditional scientific methods. But in the age of computer technology, innovation has opened the door to a completely unexpected and new text research method. There is a special discipline - stylometry. It is a kind of artificial intelligence represented by software, based on various mathematical algorithms, examines the loaded text and displays, in a percentage, the overall style of the author of the text. This method helps to find out what the length of a sentence is typical for a given author, what are the methods for the design of sentences, what is the standard vocabulary, what are the literary methods, what frequency does he use one or another technique, a word; a vocabulary separately, the interaction of words can be analyzed, as well as the construction of sentences, their length, design and general style of the text. The final result is the most detailed result of calculations, where the typical marker of the author's style is displayed in numerical form. This is mainly used in Western countries in the field of scientific research, where new scientific work is loaded into stylometric software in order to detect plagiarism in the work. The accuracy of the algorithms allows you to isolate from the text foreign phrases and sentences that the author could write off from other sources, concealing this fact. Stylometry is also used in legal due diligence.

Dr. Sadeghi method

At the beginning of the twenty-first century, a number of studies of the Qur'an's text were undertaken using stylometry. Today, one of the most authoritative investigations is the result of the long work of Behnam Sadeghi, a talented scientist, Master of Rise University in Electrical Engineering (Mathematical Control Theory), Ph.D. of Princeton University in his "The Chronology of the Qur'an: A Program of Stylometric Research", published in 2011. In the research, he addresses various issues related to the Qur'anic text and examines in detail all its parts. The author argues that stylometry makes it possible to establish not only that the Quran was written by one author, but, no less important, demonstrates a so-called "style break" which clearly shows such a phenomenon as cancellation/replacement of *ayah*, as the Qur'an itself says : **"When We cancel or force one verse to be forgotten, we give one that is better than it or equal to it"** 2: 106. And this in its totality clearly demonstrates the leaps of style that are parallel to the events in the life of the Prophet Muhammad, peace and blessings of Allah be upon him. Early *surahs* have their own stylistic features, and later ones have their own. Thus, stylometry shows not only that the author of the Qur'an is one person, but also shows the stylistic "layers" of text that has developed over 23 years of prophecy. This allows to identify the chronology of the *ayahs* by the methods of stylistic conformity

Summing up, the author writes⁷⁴:

There are also implications for the *Sīra* literature. It has always been evident that there is a fit between the Prophet's biography in the *Sīra* and the Qur'an's style and contents. At the broadest level, the *hiğra* divides the Prophet's career into two different periods, a nice fit with the fact that stylistically these periods are distinct. More particularly, there are apparent links between the major events of the Prophet's career and specific passages. The connections are noteworthy enough for the *Sīra* to offer a "plausible chronological framework for the revelations".⁶⁷ These connections have normally been exploited to shed light on the chronology of the Qur'an. For example, Bazargan uses them to test and calibrate his chronology. Thus, the flow of information has been more often from the *Sīra* to the Qur'an, although one could also have argued for mutual corroboration between the *Sīra* and the Qur'an. Now, however, that one is able in some measure to evaluate chronologies of the Qur'an without resort to historical reports, one can reverse the direction of information flow: to the extent that a style-supported chronology fits the *Sīra*'s outline, there is independent substantiation of the *Sīra*.

⁷⁴ The Chronology of the Qur'an, p. 289

The author summarizes his work with the words⁷⁵:

Implications

Literary sources and manuscript evidence indicate that the Prophet Muḥammad disseminated the contents of the Qur'ān, and that the Caliph 'Uṭmān dispatched master copies of the scripture to several cities.⁶⁵ As a *thought experiment*, however, let us unlearn what we know, imagining that we had come across the Qur'ān not knowing where it came from or who disseminated it. In fact, let us even overlook the semantic contents of the text. What could one conclude about the Qur'ān's composition just from the formal-stylistic patterns observed?

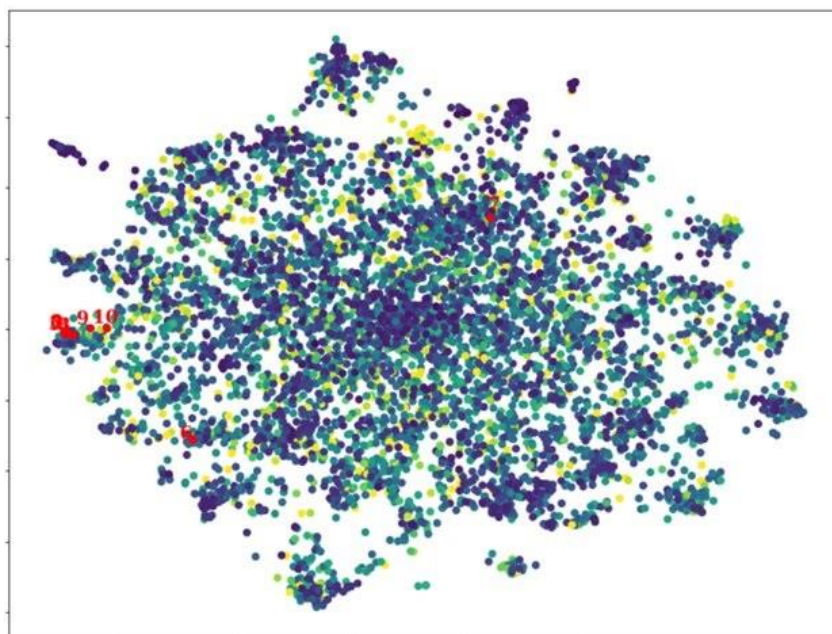
One would conclude that *style backs the hypothesis of one author*. For the sake of argument, suppose there were two authors: let's say *A* wrote Groups 1-11, and *B* wrote 12-22. Then one would have to say that the style of *A* moved along a trajectory towards that of *B*, or that *B* picked up where *A* stopped, with respect to not only verse length, but also frequencies of the most common morphemes and frequencies of uncommon words. It is much easier to imagine a single author. Furthermore, if one assumed three, four, or more authors instead of two, the improbability would increase exponentially. Imagine three authors: author *A* being responsible for Groups {1-5}, *B* for {6-11}, and *C* for {12-22}. Again, one would have to explain why *A*'s style gravitated over time towards that of *B*, not only in terms of verse length, but also in terms of vocabulary usage for high-, medium-, and low-frequency morphemes. Moreover, one would need to explain why the style of *B* forms an intermediate stage between those of *A* and *C* in terms of the various markers of style that have been considered. If one imagined seven authors, one would have to explain why each person's style is between two others not only with respect to verse length, but also with respect to frequent morphemes, medium-frequency morphemes, and unusual words.

Dr. Sidky Method

This work has become an incentive for the individual studies of Hythem Sidky, the Ph.D. at the University of Notre Dame in chemical and biomolecular engineering and the Master of Applied and Computational Mathematics and Statistics. The author also did various text manipulations. His extremely cold and critical approach should be noted, thanks to it he decomposed the text of the Qur'an and carried out various manipulations with measurements of its structure, but he also tried to remove and distort parts of the text in order to deduce violations of the "smoothness" of the style. During the study, he received proposals from

⁷⁵ The Chronology of the Qur'ān, p. 288

various orientalists, and the most critical and problematic place according to Guillaume Dye (University of Bruxelles) was a piece of text 23: 2-9, where verses 6-7 fell out stylistically from the series of ayahs 23: 2-9 way creating the appearance of a “style break”. Hythem laid out the entire text of the Qur'an in the form of a stylometric point cloud, in which each group represents stylistic unity. Somewhere groups from a large cluster of points are big *surahs* with a large number of *ayahs*, somewhere there are fewer clusters - these are *surahs* with a small number of *ayahs*. The decomposed part of the text 23: 2-9 showed a “break of style”, in which verses 6-7 were far from their “neighbors”, 2-5 ... 8-9.

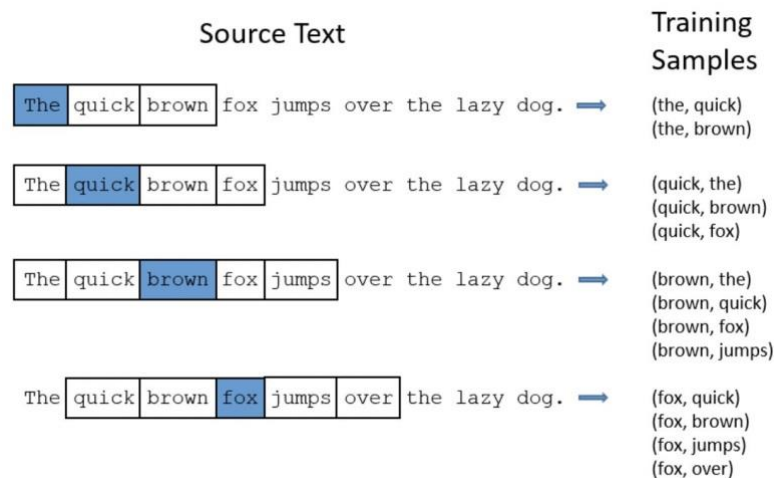

The author published the results of the study during the work, so that he himself did not know what he would come to in the end. When publishing the results of the “style break”, I noticed that these “falling out” ayahs are in a stylistic combination with other groups of *ayahs* from other *surahs*, so this fact indicated one thing - that the author of these *ayahs* is the author of other *ayahs* in whose group they are. Thus, this most critical moment showed, ultimately, one thing - the author of this gap - the author of the whole Qur'an. But the existing “style break” was investigated by B. Sadeghi, who indicated that the break in style was due to the abolition/replacement of the ayah at a later time⁷⁶, that I proposed to Hythem and he agreed:

⁷⁶ The Chronology of the Qur'ān p. 287

Also, at the end of the study, Hythem checked the Qur'an with skip-gram technology. It shows the closest connections between words in the text, the most frequent use of words in a bundle.

Skip-gram principle example diagram

He compiled various experimental phrases, the results of which showed that the stable expressions of the Quran are not violated by “false” stuffing of foreign words.

An example of the result of the most frequent link to the name "Musa" showed the words "bani", "Israel" (sons of Israel)

```
model.wv.most_similar('muwsaY', topn=2)
[("<isra'iyla", 0.962783932685852), ('baniY', 0.9522520303726196)]
```

And for the word "*Isa*" - "*havariyyun*" (apostles)

```
model.wv.most_similar('EiysaY', topn=1)
[('lHawaAriyuwna', 0.9985159635543823)]
```

For the purity of the experiment, Dr. Sidky resorted to small manipulations. He introduced distortion in the Qur'an. In the text, where the words "*Jannat*" (Paradise) and "*Mu'minun*" (believers), he changed "*Mu'minun*" (believers) to "*Kafaru*" ("[those who] do not believe") and then did the same what was described above: skipped the text with distortions through skip-gram to check whether the artificially introduced word "*Kafaru*" would now be stylistically associated with "*Jannat*". The result of this stunned, the most appropriate word for "*Kafaru*" turned out to be - "*Nar*" (Fire, i.e. Hell). Thus, an attempt to artificially link these two words gave a negative result, which showed that the text of the Qur'an did not succumb to the distortion, showing that the word "*unbelievers*", despite the distortion, is stylistically associated with the word "*Fire*" and not Paradise.

```
In [80]: model.wv.most_similar(positive=['kafaruW', 'janat'], negative=['\aAmanuW'], topn=1)
Out[80]: [['lnaAri', 0.9371703863143921]]
```

And if in the collocation "*shaitan*" (Satan) + "*'aduww*" (Enemy), the word "*shaitan*" is changed to "*Allah*", then we get - "*Hakim*" (Wise). That is, the text of the Qur'an, despite the stuffing, showed resistance to distortion, and did not confirm the new connection of words.

```
model.wv.most_similar(positive=['llahu', 'EaduW'], negative=['l$ayTanu'], topn=1)
[('lHakiymu', 0.9827228784561157)]
```

At the end of his many-sided experiments and research in the field of stylometry, Hythem summarized:

don't know, but we have a model we can test! Where does this leave us? Well, I personally find the evidence compelling enough to justify the claim of *predominantly* single authorship.

Summarizing, we can conclude that two independent scientists with scientific competence and status in the scientific world have conducted a number of studies of the Qur'an from a textual position using the latest technologies. Both results coincided. For the Qur'an's textology, this gives a number of conclusions:

1. The author of the Qur'an is one.
2. This denies unfounded allegations of Muhammad's plagiarism of quotes from the Bible or other books.
3. It also negates the "co-authorship" of someone along with the main author of the Qur'an. Refuting various baseless conjectures about the "two authors in the Qur'an" or statements that Muhammad, peace be upon him, appealed for help to the Jews or to the Christians, or to the poets in creating texts for the Qur'an.
4. Being a stylistically uniform text, the Qur'an has no foreign textual insertions or distortions, clearly demonstrating the integrity of the original text.

These results are not the product of the subjectivity of the human mind, subject to the whims and desires to give what is desired for the real, but the result of computer mathematical computation, in which there are no desires, ambitions and inaccuracies. So, we have quite accurate and reliable data.

This technology is undoubtedly a new step and a completely new, high-quality science in the study of the Qur'an. Thanks to this technology, as B. Sadeghi mentioned this casually, one can become a "contemporary" of the formation of the text of the Qur'an, bypassing the manuscripts and archeology to plunge into the text of the Qur'an itself, to become a direct witness to the formation of the text. This gives an advantage over interference in the form of lacunae and fragmentary manuscripts or ambiguous historical information, and to receive the Qur'an, which metaphysically existed during Muhammad, peace and blessings of Allah be upon him.

Содержание

Анализ коранических рукописей, приписываемых тиражу халифа Османа.....	1
Codex Topkapı Sarayı Medina 1a «1M».....	52
Археологические свидетельства ранней фиксации Корана.....	75
Стилометрия Корана: два взгляда.....	81

Content

Analysis of the Qur'anic manuscripts attributed to the circulation of Caliph 'Uthman.....	89
Codex Topkapı Sarayı Medina 1a "1M".....	135
Archaeological evidence of early fixation of the Quran.....	155
Stylometry of the Quran: Two Views.....	160

